ХОЗЯЙКА ДОМА РИВЕРСОВ

Филиппа

ГРЕГОРИ

Война Алой и Белой роз

Филиппа Грегори

Хозяйка Дома Риверсов

«Эксмо»
2011

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Грегори Ф.

Хозяйка Дома Риверсов / Ф. Грегори — «Эксмо», 2011 — (Война Алой и Белой роз)

ISBN 978-5-04-095689-0

Когда юная красавица Жакетта овдовела, она не стала печалиться, а тайно вышла замуж за самого завидного жениха королевства Ричарда Вудвилла, подружилась с королевой и стала одной из самых влиятельных особ. «Как удивительно легко у нее все получается, – шептались придворные на королевских пирах, – наверняка алхимия, а может, и магия». Откуда им знать, что любовь и женское коварство сильнее всяких чар?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-095689-0

© Грегори Ф., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 81

Филиппа Грегори
Хозяйка Дома Риверсов

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается Виктории

Замок Боревуар близ Арраса,
Франция, лето – зима 1430 года

Она – вот уж странный военный трофей! – аккуратненько, точно послушный ребенок, сидела на маленькой скамеечке в углу темницы. У ее ног, прямо на соломе – оловянный поднос с остатками обеда. Мой дядя прислал ей со своего стола весьма неплохую еду: сочные ломти мяса и даже белый хлеб; только ела она совсем мало. Я просто глаз от нее не могла отвести; я рассмотрела ее с головы до ног – ее маленькие, как у мальчика, сапожки для верховой езды, ее мужскую, лихо заломленную шапку поверх коротко остриженных каштановых волос; я изучала ее, словно экзотическое животное вроде детеныша льва, которого прислали нам из далекой Эфиопии, желая развлечь знатное семейство Люксембургов и пополнить нашу коллекцию. Одна из фрейлин у меня за спиной перекрестилась и прошептала:

– Так она ведьма?

Этого я не знала. Да и кто мог бы утверждать наверняка?

– Глупости какие! – немедленно заявила моя двоюродная бабушка. – Кто приказал заковать бедную девочку в цепи? Немедленно откройте дверь.

Слуги смущенно забормотали что-то в свое оправдание, пытаясь переложить ответственность друг на друга. Затем принесли огромный ключ, вставили в замок, и тяжелая дверь темницы отворилась. Моя бабушка вошла туда, и эта девушка – ей, наверное, было лет семнадцать-восемнадцать, всего на два-три года больше, чем мне, – подняла голову и взглянула из-под неровно подстриженной челки. Бабушка стояла молча, и пленница медленно поднялась, стянула с головы шапчонку и довольно неловко склонилась в реверансе.

– Я леди Жеанна, демуазель[1] де Люксембург, – представилась бабушка. – Это замок милорда Жана Люксембургского. Это его жена, хозяйка замка, Жеанна де Бетюн, – указала она на мою тетю. – А вот и моя внучатная племянница Жакетта.

Девушка спокойно и внимательно посмотрела на каждую из нас и каждой поклонилась. Когда я встретилась с ней глазами, меня словно толкнули и кто-то, как будто даже она сама, слегка коснулся пальцем ямки у меня на затылке; я действительно почувствовала это физически и, как мне показалось, услышала слова некоего магического языка. Конечно, мне тут же захотелось убедиться, действительно ли у нее за спиной стоят два ангела, как она утверждала. Уж не их ли присутствие я столь отчетливо ощутила?

– Ты говорить-то умеешь, девушка? – насмешливо спросила моя бабушка, поскольку пленница продолжала молчать.

– О да, госпожа моя, – наконец промолвила та; в ее речи слышался сильный акцент, свойственный уроженцам Шампани.

[1] Титул старшей и главной женщины в семье великих герцогов Люксембургов – династии императоров Священной Римской империи в 1308–1437 гг., вплоть до 1437 г. занимавшей также чешский и венгерский престолы.

И я как-то сразу поняла, что все истории о ней – чистая правда: она действительно всего лишь крестьянка, хоть и сумела не только возглавить армию, но и короновать правителя[2].

– Можешь дать мне слово, что не сбежишь, если я прикажу снять с твоих ног цепи?

Пленница колебалась, словно у нее и впрямь было право выбора.

– Нет, дать слово не могу.

Бабушка улыбнулась.

– Тебе известно, что это значит – освободить пленника под честное слово? Так вот: я могу освободить тебя; ты станешь жить вместе с нами здесь, в замке моего племянника; но ты должна пообещать, что не убежишь.

Девушка нахмурила брови и отвернулась. Казалось, она прислушивается к чьим-то голосам, ищет совета. Затем она снова отрицательно покачала головой и произнесла:

– Я знаю, что такое освобождение под честное слово. Это когда один рыцарь дает обещание другому. Они соблюдают свои особые правила, и на войне, и во время турниров. Но я не такая. И слова мои настоящие, а вовсе не те, какими пользуются трубадуры, сочиняя свои поэмы. И для меня это не рыцарский турнир и не игра.

– Девушка, опомнись! – вмешалась моя тетка Жеанна. – Освобождение под честное слово – это совсем не игра!

Строго на нее посмотрев, пленница сказала:

– О да, госпожа моя! Это совсем не игра! Хотя благородные господа не слишком-то серьезно относятся к таким вещам. Во всяком случае, менее серьезно, чем я. Они как бы играют в войну и придумывают для этого разные хитрые правила. Или возьмут и выедут верхом на конях, вытопчут посевы у добрых людей, подожгут тростниковые крыши в их домах, а после смеются. И потом, я просто не могу больше никому ничего обещать. Все обещания мною уже даны.

– Тому, кто неправедно именует себя королем Франции?

– Нет, Господу нашему, Царю Небесному.

Обдумывая ее слова, бабушка помолчала, затем заключила:

– Все-таки я прикажу снять с тебя цепи, но тебя будут сторожить, чтобы ты не убежала. Можешь потом прийти в мои покои и посидеть вместе с нами. На мой взгляд, то, что ты сделала для своей страны и французского дофина, это великий подвиг, Жанна, хоть и зря ты так поступила. В общем, я не желаю, чтобы тебя держали в моем доме в цепях как пленницу!

– Значит, ты, госпожа моя, прикажешь своему племяннику меня освободить?

Бабушка ответила не сразу:

– Ну, приказать ему я не могу, но непременно сделаю все, что в моих силах, чтобы ты могла вернуться домой. Во всяком случае, я уж точно не позволю ему передать тебя англичанам.

При одном лишь упоминании об англичанах девушка задрожала с головы до ног и стала истово креститься, смешно стуча себя пальцами по лбу и по груди – так обычно крестятся темные крестьяне, если их припугнуть чертом. Я тихо фыркнула, с трудом сдерживая смех, и сумрачный взгляд девушки уперся в меня.

– Они ведь всего лишь обычные люди, – попыталась я объяснить ей. – И могущества у англичан не больше, чем у всех прочих смертных. Тебе не стоит так сильно их бояться. Чего ты каждый раз крестишься, стоит о них упомянуть?

– Я вовсе не боюсь их, – возразила пленница. – И я не настолько глупа, чтобы думать, будто они обладают каким-то сверхъестественным могуществом. Дело не в этом. Но они-то знают, каким могуществом обладаю я, – вот почему они так опасны для меня. Они до смерти

[2] Французский дофин из династии Валуа стал благодаря Жанне д'Арк королем Карлом VII (1403–1461) и был коронован в Реймсе в 1429 г.

меня боятся. Их так беспокоит мое «невероятное могущество», что они готовы уничтожить меня в ту же секунду, как только я окажусь у них в руках. Я внушаю им ужас. Я – тот страх, что подкрадывается к ним по ночам.

– Ничего, пока я жива, они не получат тебя, – заверила моя бабушка.

Но Жанна д'Арк смотрела при этом не на нее, а на меня – это совершенно точно! Она просто не сводила с меня своих мрачных глаз, словно желая убедиться, что и мне тоже послышался в словах Жеанны де Люксембург, прозвучавших вполне искренне, отзвук пустого обещания.

Моя двоюродная бабушка полагала, что если ей удастся ввести Жанну в наше общество, разговорить ее, охладить ее религиозный пыл и, возможно, даже дать ей какое-то образование, то она со временем тоже начнет и вести себя, и одеваться как подобает приличной девушке; и тот юноша-воин, которого стащили с белого коня во время битвы при Компьене, превратится в юную фрейлину, подобно тому, как в Кане Галилейской благодаря Иисусу вода превратилась в вино; и эта новая фрейлина станет подчиняться приказам своей госпожи, а не звону церковных колоколов. Бабушка надеялась, что англичане тогда попросту не распознают Жанну среди других наших фрейлин – ведь они требуют, чтобы мы отдали им это двуполое чудовище, убийцу, а мы сможем показать им лишь невинную и покорную юную придворную даму. Возможно, тогда они успокоятся и уйдут творить насилие на чужую землю.

Чувствовалось, что сама Жанна до предела измучена недавними поражениями и мучительным пониманием того, что ею же коронованный правитель не стоит даже священного мира, потраченного на его помазание; что враг, которого она так много раз заставляла отступать, вновь наступает, но теперь миссия, возложенная на нее самим Господом, стала для нее невыполнимой. Все то, из-за чего обожавшие Жанну воины прозвали ее Орлеанской Девственницей, вдруг расплылось, подобно зыбкой пелене тумана, и она, пользуясь неизменно добрым отношением моей двоюродной бабушки, вновь стала превращаться в обычную, довольно неотесанную деревенскую девчонку, в существо, не имеющее абсолютно никакого значения.

Разумеется, бабушкиным фрейлинам не терпелось побольше узнать о том, чем все-таки закончилась череда поражений, выпавших на долю Жанны д'Арк, и поскольку она теперь все дни проводила в нашем обществе, учась быть обыкновенной девушкой, а не Той Самой Девственницей, фрейлины набрались смелости и стали ее расспрашивать.

– Откуда в тебе столько храбрости? – поинтересовалась как-то одна из них. – Как ты сумела так мужественно вести себя в бою?

Жанна улыбнулась, услышав этот вопрос, но ответила не сразу. В тот день мы вчетвером сидели на заросшем травой берегу у крепостного рва, заполненного водой, и предавались безделью, точно беспечные дети. Июльское солнце безжалостно пекло, обширные пастбища вокруг замка затянуло жарким дрожащим маревом; даже пчелы стали какими-то ленивыми и еле жужжали, перелетая с цветка на цветок, а то вдруг и вовсе замолкали, точно опьянев от цветочного нектара. Мы выбрали местечко в глубокой тени, которую отбрасывала самая высокая из крепостных башен; иногда во рву слышался всплеск, и по зеркальной поверхности воды расплывались круги – это кормились водившиеся там карпы.

Надвинув на глаза свою шапчонку, Жанна растянулась на траве и, как мальчишка, время от времени шлепала рукой по воде. Рядом с нами стояла большая корзина с наполовину готовыми рубашками для бедных детишек из ближайшего к нам селения Камбре; эти рубашки нам полагалось подшить, однако фрейлины, как правило, вообще избегали любой работы, а Жанна шить и вовсе не умела. Я же, прихватив с собой колоду драгоценных игральных карт, принадлежавших моей двоюродной бабушке, лениво перемешивала их, то рассыпая, то снова собирая и рассматривая картинки. Наконец Жанна очень просто произнесла:

– Я знала, что призвана Господом. И знала, что Он защитит меня, потому и не ведала страха. Даже во время самых жестоких сражений. Он предупреждал меня, что я буду ранена,

но не почувствую боли, а потому я была уверена, что так или иначе смогу продолжить бой. Я ведь в тот день заранее, еще до начала битвы сообщила своим людям, что буду ранена. Я просто знала, и все.

– И ты действительно слышишь голоса? – не удержалась я.

– А ты?

Ее встречный выпад прозвучал настолько неожиданно и резко, что обе фрейлины тут же обернулись и уставились на меня. И я почувствовала, что краснею под их взглядами, словно испытывая некий стыд.

– Я – нет!

– А что же ты тогда слышишь?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду!

– Что же ты тогда слышишь? – спокойно повторила Жанна; она явно не сомневалась: каждый человек способен слышать что-нибудь этакое.

– Ну, это не совсем голоса… – нехотя промямлила я.

– А что?

Я огляделась: мне казалось, что даже рыбы поднялись на поверхность и теперь нас подслушивают.

– Перед смертью кого-нибудь из членов семьи порой я слышу какие-то звуки, – сказала я. – Особые звуки.

– Правда? – удивилась Элизабет, одна из бабушкиных фрейлин. – И что же это за звуки? А я и не догадывалась! Может, и я могу эти звуки услышать?

– Ты не из моего Дома! – с раздражением бросила я. – И разумеется, ты их слышать не можешь! Для этого нужно быть потомком… В общем, это не для твоих ушей! Если честно, ты и слушать-то меня сейчас не должна. Да и мне не следовало бы при тебе это обсуждать.

– Так что же это за звуки? – прервала меня Жанна.

– Похожи на пение, – отозвалась я и заметила, что она понимающе кивнула, словно знала, о чем речь, словно и сама тоже слышала некое «пение».

– Говорят, это пение Мелюзины, первой хозяйки Дома Люксембургов, – шепотом прибавила я. – Она была водной богиней, но вышла из вод и обвенчалась с самим первым герцогом Люксембургским, однако обычной смертной женщиной стать так и не сумела. Говорят, она всегда возвращается и оплакивает смерть своих детей.

– А когда ты впервые ее услышала?

– Ночью, когда умерла моя маленькая сестренка. Я услышала что-то непонятное и отчего-то сразу догадалась: это она, Мелюзина!

– А как ты догадалась об этом? – не выдержала Элизабет, хоть и боялась, что я могу вообще запретить ей участвовать в этой беседе.

– Просто поняла, и все, – пожала я плечами. – Словно мне давно был знаком ее голос. Словно я всегда знала, что так может петь только она.

– Да, это правда, – кивнула Жанна; она улыбнулась, будто подтверждая, что есть такие истины, объяснить которые невозможно. – Все само собой сразу становится понятно. Но почему ты была уверена, что это пение от Бога, а не от дьявола?

Ответила я не сразу. Любые вопросы религиозного содержания полагалось задавать либо своему духовнику, либо, в крайнем случае, матери или бабушке. Но пение Мелюзины, та непонятная дрожь, что охватывала меня при звуках ее голоса и ознобом пробегала по спине, моя способность видеть порой невидимое, некий промельк, тут же исчезающий в пространстве, зыбкое светло-серое пятно в сумеречном полумраке, фантом, сон, который запоминался так отчетливо, что забыть его было невозможно, как, впрочем, невозможно и объяснить – все это было настолько тонкой материей, что обозначить ее словами я была просто не способна. Как я могла спрашивать, если даже нужных фраз для выражения чувств подобрать не могла? Еще

страшнее были бы для меня чьи-то неуклюжие попытки не только облечь в слова эти загадочные явления, но и заняться их толкованием. С тем же успехом я могла бы попытаться навечно удержать в сложенных лодочкой ладонях зеленоватую воду из крепостного рва.

– Я никогда никого не спрашивала об этом, – наконец вымолвила я. – Ведь я не знаю даже, как это назвать. Это сродни тому чувству, которое возникает иногда, когда войдешь в комнату, совершенно тихую и пустую, и тобой сразу овладеет полная уверенность, что там кто-то есть. Ты не можешь этого ни услышать, ни увидеть, ни понять; тебе просто известно, что это так. Лучше я, пожалуй, не опишу. Но я никогда не считала эту свою особенность ни даром Господним, ни происками дьявола. Просто со мной это порой случается.

– А те голоса, что слышу я, исходят от Бога! – уверенно заявила Жанна. – Мне это точно известно. И если бы было иначе, я бы совсем запуталась.

– А будущее ты умеешь предсказывать? – обратилась ко мне Элизабет с каким-то детским восхищением в глазах.

Мои пальцы невольно стиснули карточную колоду.

– Нет, – помотала я головой. – Кстати, эти карты никакого будущего не предсказывают, они только для игры. Это самые обыкновенные игральные карты. Да и я ничего такого не умею. Бабушка никогда бы не позволила мне заниматься подобными вещами.

– Ой, а попробуй мне что-нибудь предсказать!

– Но это же игральные карты! – возразила я. – Да и я не гадалка.

– А ты просто вытащи одну карту и скажи мне, что она означает, – настаивала Элизабет. – И для Жанны то же самое. Может, мы узнаем, что с ней будет дальше? Тебе ведь и самой интересно, правда?

– Только учти, эти карты ничего не значат, – заметила я, поворачиваясь к Жанне. – Я принесла их, только чтобы поиграть.

– Они очень красивые! – восхитилась она. – Меня при дворе учили играть в карты. Те тоже были яркие, вроде этих.

Передавая ей колоду, я предупредила:

– Аккуратно, они очень дорогие.

Пока она тасовала карты своими мозолистыми руками, я довольно ревниво следила за этим и продолжала:

– Демуазель показала мне эти карты, когда я была еще совсем маленькой, объяснила, как называется та или иная картинка, и научила разным играм. Она и теперь позволяет мне иногда брать их, ведь я очень люблю в них играть. Но я дала ей честное слово, что буду обращаться с ними очень бережно.

Жанна тут же вернула мне колоду, и я с готовностью протянула за ней руку, но при всей нашей осторожности одна из плотных тяжелых карт все-таки выпала из колоды на траву рубашкой вверх.

– Ох, извини! – воскликнула Жанна и быстро подхватила карту.

И вдруг по спине у меня пробежал холодок, а в ушах раздался тихий шепот. Луг передо мной, на котором коровы в тени дерева махали хвостами, прогоняя надоедливых мух – все это как бы отодвинулось от меня, и я вместе с Жанной оказалась отгороженной от реальной жизни некими тонкими стенками, точно угодив внутрь стеклянного сосуда, а может, и в иной мир.

– Ты бы все-таки взглянула, что там, на этой карте, – услышала я собственный голос и с изумлением поняла, что обращаюсь к Жанне.

Она посмотрела на карту, и глаза ее слегка расширились от удивления. Показав мне яркую картинку, она спросила:

– И что это значит?

На карте был изображен человек в голубой ливрее, подвешенный вниз головой за одну ногу; вторая нога была слегка согнута, и ее большой палец касался второй, вытянутой ноги;

было такое ощущение, словно человек танцует в воздухе, повиснув вверх тормашками. Руки его были соединены за спиной, как во время поклона. Мы обе обратили внимание на то, как весело разлетаются его синие волосы, как радостно он улыбается, болтаясь вот так, вниз головой.

– «Le Pendu»[3], – прочла Элизабет. – Какой ужас! Что это означает, Жакетта? Ведь это же не значит, что…

Она осеклась.

– Это вовсе не значит, что тебя повесят, – быстро сказала я Жанне. – Даже не думай об этом. Повторяю: это просто игральные карты, не стоит обращать внимание на подобные глупости.

– Но все-таки что-то она, наверное, значит? – снова встряла Элизабет, хотя сама Жанна молчала, будто это вовсе не она вытащила карту, будто это была не ее судьба, будто она и не стремилась выяснить свое будущее, которое теперь я пыталась загладить.

– Посмотри, вместо виселицы здесь два живых деревца, – не сдавалась я, тщетно пытаясь изобразить беспечность под пытливым взглядом серьезных карих глаз Жанны. – Живые деревья – это символ весны, обновления, жизни, но только не смерти! И потом, это именно два дерева, человек между ними обретает равновесие, пребывает словно в центре воскресения из мертвых…

Жанна молча кивнула, а я все говорила:

– Деревья ласково склоняются к нему, и вид у него совершенно счастливый. И взгляни: он повешен не за шею, чтобы наверняка погибнуть, а всего лишь за ногу. Если б он захотел, то легко дотянулся бы до узла и развязал его. Понимаешь? Он мог бы освободиться, стоило только пожелать.

– То есть он не желает? – вставила Элизабет. – Болтается на веревке, как какой-то циркач-акробат. Что же это все-таки значит?

– То, что он по своей воле принял такую позу, сам разрешил, чтобы его вот так подвесили за ногу.

– Жертва живая, – медленно промолвила Жанна, имея в виду жертву Христову за грехи человеческие и во имя спасения людей.

– Он же не распят, – быстро возразила я, борясь с ощущением, что каждое мое слово может привести к описанию еще одной формы смерти. – Это ничего не значит!

– Да, ничего не значит, – подтвердила Жанна. – Это всего лишь игральные карты, мы просто в них играем. И карта очень красивая; Повешенный кажется счастливым. Наверное, он выглядит так потому, что его повесили вверх тормашками весной. Хочешь, я научу тебя играть в подкидного дурака? У нас в Шампани часто в это играют.

– Конечно, хочу, – согласилась я и протянула руку, чтобы взять у нее колоду, однако она не отдавала, продолжая смотреть на карту.

– Честное слово, это ничего не значит! – снова попыталась убедить я.

Улыбнувшись мне своей ясной честной улыбкой, она ответила:

– Мне достаточно хорошо известно, что это значит.

– Ну что, поиграем?

Выхватив колоду, я принялась тасовать карты, и вдруг одна из них перевернулась картинкой вверх прямо у меня в руках.

– Вот теперь выпала хорошая карта, – заметила Жанна. – «Колесо Фортуны».

– Да, это «Колесо Фортуны», – подтвердила я, подавая ей карту. – Оно может либо поднять человека невероятно высоко, либо сбросить в глубокую яму. А стало быть, следует равнодушно принимать и победы, и поражения, ибо все это следствия поворота колеса Фортуны.

---

[3] «Повешенный» *(фр.)*.

– У меня на родине крестьяне используют особый знак, изображая это колесо, – усмехнулась Жанна. – Когда в их жизни случается что-то или очень хорошее, или очень плохое – ну там, кто-то богатое наследство получит или, допустим, дорогую корову потеряет, – они указательным пальцем рисуют в воздухе круг. – Жанна изобразила круг в воздухе и прибавила: – А потом еще кое-что говорят.

– Заклинание произносят? – спросила я.

– Не то чтобы заклинание… – коварно улыбнулась она.

– А что же?

Она захихикала.

– Они произносят только одно слово: merde[4].

Это было так неожиданно и так смешно, что я чуть не упала навзничь от смеха.

– Что? Что она сказала? – засуетилась молоденькая Элизабет.

– Да так, ничего особенного, – успокоила я, хотя Жанна все еще хохотала. – Просто на родине у Жанны люди справедливо считают, что все на свете рано или поздно превращается в прах и, поскольку с этим ничего не поделаешь, единственное, что остается человеку, – это научиться равнодушию.

Будущее Жанны буквально висело на волоске, впрочем, как и ее жизнь. И я все чаще вспоминала ту карту с «Повешенным». Все мои ближайшие родственники – мой отец граф Пьер де Сен-Поль, мой дядя Луи де Люксембург и второй мой дядя, более всех мною любимый, Жан де Люксембург – были союзниками англичан. Отец писал из нашего замка Сен-Поль своему брату Жану, приказывая ему как глава семьи незамедлительно выдать Жанну англичанам. Но моя двоюродная бабушка, демуазель де Люксембург, воспротивилась этому и настояла на том, чтобы мы обеспечили нашей гостье безопасность. Дядя Жан колебался.

Англичане настойчиво требовали выдать «ведьму и преступницу», а поскольку в тот момент именно англичане распоряжались почти на всей территории Франции, тогда как остальной ее частью правил их союзник герцог Бургундский, то обычно все происходило в полном соответствии с их чаяниями. Надо заметить, английские солдаты прямо на поле боя падали на колени и со слезами радости благодарили Господа за то, что Орлеанская Девственница наконец-то попала в плен. Они не сомневались: теперь французская армия мгновенно превратится в испуганную толпу, и ее разрозненные отряды разбредутся в разные стороны, как, собственно, и было, пока эту армию не возглавила Жанна д'Арк.

Герцог Бедфорд, английский регент во Франции, правивший почти всем севером страны, каждый день слал письма моему дяде, призывая его хранить верность английской короне, взывая к их давней дружбе и даже предлагая денег. Мне нравилось наблюдать за английскими гонцами, которые являлись к нам верхом на отличных лошадях, одетые в роскошные ливреи герцога, этого знатнейшего представителя королевского семейства[5]. Все говорили, что герцог – великий человек и любим народом, что во Франции он занимает высочайшее положение и может оказаться весьма опасным врагом для тех, кто с ним не согласен. Однако пока что мой дядя слушался своей тетки, демуазель де Люксембург, и нашу пленницу англичанам не отдавал.

Мой дядя ждал, что Жанну затребует французский двор – в конце концов, именно ей король был обязан своим восхождением на престол, – но Карл VII и его придворные хранили странное молчание даже после того, как мой дядя письменно сообщил им, что Орлеанская Девственница у него и готова вернуться ко двору, чтобы вновь служить в королевской армии. Было очевидно: если Жанна д'Арк опять возглавит армию и выступит против англичан, то

---

[4] Дерьмо *(фр.)*.

[5] Джон Ланкастер, герцог Бедфорд, был родным дядей английского короля Генриха VI и организатором его коронации в качестве также и французского монарха, в результате чего в декабре 1431 г. на несколько месяцев Англия и Франция объединились под началом единого правителя.

французы легко смогут одержать над ними победу. Дяде казалось, что король уплатит целое состояние, лишь бы заполучить ее обратно.

– Она не нужна им, – втолковывала ему моя двоюродная бабушка, когда они вместе ужинали в ее покоях.

Перед этим был торжественный обед, устроенный в парадном зале, где присутствовали все придворные и слуги. Там они оба, бабушка и дядя, сидели во главе стола в окружении дядиных приближенных, пробовали различные блюда, а затем отсылали их тем, кому хотели выразить свое особое расположение. Теперь они решили поужинать спокойно и удобно устроились в гостиной бабушки за маленьким столиком у камина. Прислуживали им бабушкины личные слуги, я же вместе с еще одной фрейлиной присматривала за действиями слуг, по мере надобности подзывала их к столу, а в промежутках стояла поодаль, скромно сложив руки и делая вид, что ничего не слышу. Разумеется, все это время я только и делала, что слушала.

– Благодаря Жанне этот мальчишка Шарль[6] превратился в мужчину! – воскликнула бабушка. – Ведь он был полным ничтожеством, пока она не явилась к нему со своими видениями и пророчествами, а после сделала его королем. Это ведь она доказала дофину, что необходимо отстаивать свои права на наследство. Это она создала армию из жалкой кучки его сторонников, поистине победоносную армию. Если бы французы следовали ее советам так же, как она – своим «голосам», они бы давно уже изгнали англичан со своей земли на их туманные острова и мы навсегда бы от них избавились.

– По-моему, ты не права, дорогая тетушка, – возразил ей дядя с улыбкой. – Эта война продолжается уже почти столетие[7]. Неужели ты действительно думаешь, что она может закончиться из-за того, что одна девушка из богом забытых мест вняла каким-то «голосам»? Нет, прогнать англичан ей не под силу. Да они бы никогда отсюда и не ушли; и, полагаю, никогда не уйдут. Эти земли принадлежат им по праву – и по праву наследования, и по праву победителя. Им нужно всего лишь достаточно мужества и силы, чтобы удержать их, и уж герцог Джон Бедфорд сумеет об этом позаботиться.

Дядя бросил взгляд на пустой бокал, и я, слегка щелкнув пальцами, велела слуге налить ему еще красного вина. Для этого я на шаг приблизилась к столу и осторожно держала бокал, пока слуга наполнял его вином, затем аккуратно поставила на стол. Это были драгоценные хрустальные бокалы; денег у моего дяди всегда хватало, а бабушка признавала все только самое лучшее.

– Английский король, – продолжал дядя, – возможно, еще толком не вышел из детского возраста[8], но это не имеет никакого значения для безопасности его страны, ведь его дядя, Джон Бедфорд, верен ему и твердой рукой распоряжается здесь, а другой его дядя, герцог Глостер, который также хранит ему верность, отлично правит в Англии. У Бедфорда хватает и мужества, и союзников[9], чтобы успешно руководить большей частью французской территории, и я считаю, что англичане будут оттеснять дофина все дальше на юг, к самому побережью, пока не загонят его в воду. Для этой Девственницы ее лучшие времена позади, хотя одержанные ею победы и впрямь замечательны; и все-таки именно англичане в конце концов выиграют эту войну и сумеют удержать завоеванные земли; те же, кто некогда присягнул их противникам, будут вынуждены преклонить перед английским королем колено и поклясться верно ему служить.

---

[6] Имеется в виду король Франции Карл VII.

[7] Война 1337–1453 гг., так называемая Столетняя война, велась между Францией и Англией за Гиень, Нормандию, Анжу и Фландрию.

[8] Генрих VI в возрасте семи лет, в 1429 г., был коронован в Вестминстерском аббатстве, а затем в возрасте десяти лет, в 1431 г., коронован еще и в Париже, в соборе Нотр-Дам, в качестве короля Франции Генриха II.

[9] В частности, мощным союзником англичан был герцог Бургундский.

– А я не согласна с тобой, – твердо произнесла моя бабушка. – Англичане смертельно боятся ее. Они говорят, что она непобедима.

– Больше уже нет, – заявил дядя. – Ты ведь и сама видишь: она в плену, и двери ее тюрьмы что-то не собираются распахиваться сами собой. Теперь все знают, что она смертна. Англичане наблюдали, как у стен Парижа стрела пронзила ей бедро, а французское войско тут же отступило, бросив ее на произвол судьбы. Французы, оставив ее в полном одиночестве, сами дали англичанам понять, что Жанну можно низвергнуть.

– И все-таки ты не отдашь ее англичанам! – отрезала бабушка. – Для нас это стало бы вечным бесчестьем и в глазах Господа, и в глазах людей.

И дядя, склонившись к ней, как-то особенно задушевно спросил:

– Неужели ты так близко к сердцу принимаешь эту историю? Ты действительно считаешь ее кем-то значительным, а не простой шарлатанкой? Не обычной деревенской девчонкой, болтающей всякую чепуху о «голосах»? Да я легко найду тебе еще с полдюжины таких, как она!

– Ты легко найдешь даже дюжину тех, кто с пеной у рта доказывает, что они такие же, как Жанна, – кивнула бабушка. – Только ни одной такой, как она, среди них не будет. Я не сомневаюсь: эта девушка особенная. Я действительно в этом уверена, дорогой племянничек. Я всем своим нутром это чую.

Дядя помолчал немного, понимая, что с мнением и необычайной интуицией моей бабушки стоит считаться, хоть она и всего-навсего женщина.

– У тебя что, было видение? – поинтересовался он. – Ты предчувствуешь, что удача будет на ее стороне? Ты что-то знаешь?

Бабушка ответила не сразу, она явно колебалась. Наконец, тряхнув головой, быстро сказала:

– Пожалуй, ничего особенного мне выяснить не удалось. И все же я требую, чтобы мы защитили ее!

Не желая ей перечить, дядя снова помолчал. Все-таки перед ним была демуазель де Люксембург, глава нашего семейства. Герцогский титул после ее смерти предстояло унаследовать моему отцу; но помимо титула у нее были также огромные земельные владения, и она могла завещать их любому, кого выберет сама. Мой дядя Жан был ее любимым племянником, а потому имел вполне определенные надежды на наследство, так что обижать тетку ему совсем не хотелось.

– Французам придется заплатить за нее немалую цену, – заметил он. – Но в мои намерения подобные траты не входят. Она, безусловно, стоит королевского выкупа. И при дворе это отлично понимают.

– Я непременно напишу дофину, – отозвалась бабушка. – Полагаю, что вскоре он выкупит ее. Что бы там ни говорили его советники, ко мне он пока прислушивается, хотя фавориты и гоняют его, точно сорванный с дерева листок. Но во-первых, я его крестная мать, а во-вторых, это вопрос чести. Всем, что у него теперь есть, он обязан этой девушке.

– Отлично. Только сделай это немедленно. Англичане проявляют нетерпение, а мне нежелательно обижать герцога Бедфорда. Он человек могущественный и справедливый. И он самый лучший правитель для Франции, на какого только можно было рассчитывать. По-моему, если б он еще и французом был, вся страна его бы попросту обожала.

– Да, – рассмеялась бабушка, – но он, к сожалению, не француз! Он английский регент, и лучше бы ему вернуться на свой болотистый остров, к своему маленькому племяннику, который, бедняжка, вынужден править тамошним королевством. Пусть бы Бедфорд навел порядок у себя на родине, а нас бы оставил в покое и позволил нам самим править Францией.

– Нам самим? – с изумлением повторил мой дядя, словно намереваясь выяснить, действительно ли бабушка считает, что нашему семейству, которое и без того правило полудюжи-

ной графств и пребывало в родстве с императорами Священной Римской империи, неплохо бы также прибрать к рукам и французский трон.

Улыбнувшись, бабушка храбро подтвердила:

– Да, именно нам!

На следующий день мы с Жанной отправились в маленькую часовню на территории нашего замка, вместе преклонили колени перед алтарем, и она почти час истово молилась, низко опустив голову. Когда явился священник, Жанна приняла из его рук святое причастие. Я вышла и ждала за церковью. Из всех известных мне людей только Жанна каждый день ходила к причастию – точно к завтраку. Даже моя мать, строже многих исполнявшая церковные предписания, и то причащалась лишь раз в месяц. Затем мы вместе вернулись в покои моей бабушки; мы постоянно смеялись, поскольку за ноги нам то и дело цеплялись разбросанные по полу травы. Особенно веселило Жанну, когда в дверях я была вынуждена низко наклонять голову из-за моего высоченного головного убора, который не помещался в наши узкие и, главное, низкие дверные проемы.

– Это очень красиво, – указала она на мой убор, – но я бы ни за что не согласилась носить на голове такую штуку.

Будучи иного мнения, я остановилась, желая показать всю красоту своих одежд. Я даже покружилась перед ней в яркой полосе света, падавшей из узкого, как бойница, окна. По-моему, мои наряды были просто великолепны: темно-синяя верхняя юбка, ярко-бирюзовая нижняя, на талии тугой широкий пояс, а на голове высокий конической формы головной убор, с вершины которого ниспадает бледно-голубая вуаль, замечательно подчеркивающая чудесный оттенок моих светлых волос. Я раскинула руки в стороны, демонстрируя Жанне красивые треугольные рукава, по краю изящно расшитые золотой нитью; я и подол чуточку приподняла – пусть видит мои прелестные алые туфельки из мягкой кожи со вздернутыми кверху носками.

– Но ведь в таком платье невозможно ни работать, ни ездить верхом, ни даже просто бегать, – сказала Жанна.

– А оно и не предназначено ни для работы, ни для верховой езды, ни для шумных игр, – рассудительно ответила я. – Оно нужно, чтобы другим себя показать. Оно словно сообщает всему миру: я молода, хороша собой и готова для замужества, а отец мой настолько богат, что я украшаю рукава золотой вышивкой и ношу драгоценную шелковую вуаль. Этот наряд также свидетельствует о моем благородном происхождении, ведь, в отличие от бедных девушек, я даже зимой могу ходить в шелке и бархате, а не в грубой шерсти.

– А я бы ни за что в таком наряде не вышла на люди!

– А тебе бы и не разрешили так выйти! – тут же весьма нелюбезно парировала я. – Ты должна одеваться в соответствии со своим положением в обществе, подчиняться закону и носить вещи коричневых и серых тонов. Неужели ты и впрямь думала, что достигла таких высот, чтобы позволить себе мантию с горностаем? Или, может, ты хочешь получить обратно свой золотой плащ? Говорят, во время боя ты выглядела не хуже любого рыцаря и одевалась как благородные господа. Говорят, ты очень любила свое красивое знамя и блестящее оружие, но больше всего ты любила свой золотой плащ. Значит, не врут: ты виновна в грехе тщеславия!

Жанна вспыхнула и попыталась защититься:

– Меня должны были видеть все! Ведь я возглавляла армию.

– И непременно в золоте?

– Я обязана почитать Господа.

– Ну, по крайней мере, тебе точно нельзя иметь такой головной убор, как у меня, даже если ты и облачишься в женское платье, – произнесла я примирительным тоном. – Тебе придется надевать что-нибудь поскромнее, как и подобает фрейлинам, но ничего столь же высокого и, если честно, столь же неуклюжего. Это будет просто аккуратный чепчик, прикрывающий волосы. А под платьем ты могла бы по-прежнему носить свои сапожки и продолжать

сколько угодно ходить пешком и даже бегать. Может, все же примеришь платье? Тогда тебя уже никто не сможет обвинить в том, что ты нарушаешь закон и носишь мужскую одежду. Это ведь признак ереси – когда женщина одевается как мужчина. Зачем тебе рисковать? Почему бы просто не сменить наряд, чтобы твоим врагам не в чем было тебя упрекнуть? Давай наденем хотя бы самое простенькое платье, а?

Она упрямо помотала головой.

– Я дала обет. Обет Господу нашему. И когда король потребует явиться, я должна быть готова вновь вскочить на коня и во всеоружии помчаться к нему на помощь. Я просто солдат, Жакетта, солдат, получивший временную передышку, а не фрейлина твоей бабушки. И одеваться я буду как солдат. Я знаю: вскоре мой король опять призовет меня; возможно, даже завтра…

Я быстро оглянулась. Какой-то мальчишка-паж, несший кувшин с горячей водой, находился от нас достаточно близко и наверняка все слышал. Я выждала, когда он поклонится нам и удалится, и прошептала:

– Тише, тебе не следует даже называть его королем.

Она рассмеялась; на ее лице было написано полное бесстрашие.

– Это ведь я привела его в Реймс, где его и короновали; я стояла там под своим знаменем, когда его помазали на царство; я была первой свидетельницей, как он в королевской короне вышел к своим подданным. Разумеется, он – коронованный король Франции и помазанник божий!

– Англичане вырвут язык любому, кто так скажет, – предупредила я. – Это на первый раз. А если они во второй раз услышат от тебя подобные заявления, то выжгут тебе на лбу клеймо, на всю жизнь изуродовав. Английский король Генрих Шестой – вот кого следует называть также и королем Франции; а тот, кого ты назвала королем, носит титул всего лишь дофина; так его и нужно называть и никак иначе.

Жанна снова рассмеялась и с неподдельным весельем воскликнула:

– Его даже французом называть нельзя! Ваш великий герцог Бедфорд считает, что его нужно называть арманьяком[10]. Однако великий герцог Бедфорд прямо-таки дрожал от страха и метался по всему Руану, собирая войско, когда я стояла под стенами Парижа с французской армией – да, я не собираюсь молчать, именно с французской! – дабы отвоевать нашу столицу для нашего короля, для нашего французского короля! И ведь Париж нам тоже почти удалось взять!..

Я в ужасе зажала уши руками.

– Не желаю тебя слушать! Ты не должна это произносить! Меня же высекут, если я стану тебя слушать!

Опомнившись, она тут же схватила меня за руки и с виноватым видом промолвила:

– Ах, Жакетта, прости! Я вовсе не хочу навлечь беду на твою голову. Обещаю, что больше ничего такого тебе говорить не стану. Но и ты должна понять: я совершила нечто куда более значительное, чем просто призвала людей выступить против власти англичан. Моя армия использовала против них и стрелы, и пушки, и стенобитные орудия, и ружья. Англичан вряд ли волнуют мои речи и мужские штаны, которые я ношу. Дело не в этом. Ведь я нанесла им не одно поражение, и я доказала всем, что они не имеют права распоряжаться моей страной. Та армия, которую я собрала и возглавила, несколько раз подряд одержала над ними неоспоримую победу.

[10] Арманьяки и бургиньоны – феодальные группировки, боровшиеся за власть во времена правления Карла VI; арманьяков возглавлял граф Арманьяк, бургиньонов – бургундские герцоги.

– Надеюсь, им никогда не удастся захватить тебя в плен, а потом допрашивать, задавая тебе коварные вопросы. Иначе, конечно, они вспомнят и о твоих речах, и о твоих призывах, и о выпущенных против них стрелах, и о твоих пушках, которые стреляли по их войскам.

Жанна слегка побледнела – видимо, представив себе подобную перспективу, – и тихо ответила:

– Я тоже на это надеюсь. Но на все воля Божья. Господь милосерден; надеюсь, Он избавит меня от этого.

– Моя двоюродная бабушка сейчас как раз пишет письмо дофину, – почти шепотом поведала я ей. – Они с дядей вчера вечером обсуждали это. Она обещала написать дофину и убедить его уплатить за тебя выкуп. И тогда мой дядя сможет передать тебя фр… арманьякам.

Она благодарно склонила голову, бормоча молитву, а потом с твердой уверенностью заявила:

– Мой король непременно пошлет за мной! Да, он пошлет за мной, призовет меня к себе, и мы продолжим нашу благородную войну.

В августе стало еще жарче; бабушка каждый день после полудня удалялась в свои покои и отдыхала; легкий шелковый полог ее кровати специально сбрызгивали лавандовой водой. В спальне у нее было тихо; сквозь щели закрытых ставень на каменный пол падали полоски солнечного света. Бабушка любила, когда я читала ей; она слушала меня, лежа с закрытыми глазами и скрестив руки под грудью на высокой линии талии, и в такие минуты казалась мне похожей на посмертное изваяние, украшавшее надгробие в окутанном сумраком богатом склепе. Отложив в сторону высокий двурогий головной убор, который она всегда носила, бабушка распускала свои длинные, густо пронизанные сединой косы, и они свободно рассыпались по прохладным вышитым подушкам. Она часто давала мне книги из своей библиотеки, повествовавшие о великой романтической любви, о трубадурах и прекрасных дамах, заблудившихся в густом, непроходимом лесу. А однажды она протянула мне книгу и велела:

– Почитай мне.

Это была рукописная копия на старофранцузском языке, и читала я медленно, с трудом разбирая незнакомое написание слов. Читать мешали и иллюстрации на полях, точно побеги шиповника опутавшие весь текст; кроме того, писец, тщательно копировавший каждую букву, обладал чрезвычайно витиеватым почерком, что также затрудняло понимание. Однако постепенно сюжет истории прояснился. В книге говорилось о том, как некий рыцарь, заблудившись в темном лесу, вдруг услышал плеск воды и тронулся на этот звук, желая утолить жажду. На залитой лунным светом поляне он увидел белый мраморный бассейн, журчащий фонтан и купальщицу – неописуемо прекрасную женщину с кожей белее мрамора и волосами темнее ночного неба. Рыцарь, разумеется, тут же в нее влюбился, как и она в него, и отвез ее в замок. Красавица согласилась выйти за него замуж, но с одним условием: каждый месяц он должен давать ей возможность вдоволь плавать, причем в полном одиночестве.

– Ты знаешь эту историю? – спросила бабушка на следующий день. – Тебе отец рассказывал ее?

– Что-то такое слышала, – осторожно отозвалась я.

Мне было известно, как часто бабушка сердится на моего отца, и я не была уверена, нужно ли сообщать ей, что я давно знакома с этой легендой об основании нашего Дома и его знаменитой прародительнице.

– Ну, так сейчас ты прочтешь подлинную историю Мелюзины[11]. – Бабушка снова закрыла глаза. – Тебе пора ее знать. Продолжай.

---

[11] Мелюзина, или Мелизанда, – в европейской средневековой мифологии и литературе богиня воды или фея, образ которой восходит к кельтским преданиям. По всей видимости, Жакетта читает знаменитый роман «Мелюзина», написанный Жаном из Арраса, клириком герцога Беррийского, в 1387–1393 гг. на основе народных легенд.

Итак, молодые супруги были очень счастливы. К ним в гости съезжались со всех концов света. И дети у них родились очень красивые, особенно девочки; мальчики, правда, получились какие-то странные, немного диковатые.

– Сыновья… – прошептала бабушка, словно беседуя сама с собой. – Ах, если бы женщина могла по собственному желанию рожать сыновей! Если б только они могли получаться такими, каких она сама хочет!

Шли годы, но супруга рыцаря ничуть не теряла былой красоты, и ее мужа все сильнее начало разбирать любопытство. И вот однажды он не сумел воспротивиться порыву: чтобы выведать тайну ее уединенных купаний, он прокрался в купальню и стал подсматривать за своей женой…

Бабушка подняла руку, останавливая меня, и задала вопрос:

– Тебе известно, что он там увидел?

С трудом оторвавшись от текста, я подняла голову, придерживая пальцем ту страницу, где на картинке был изображен мужчина, подглядывающий в щель в стене купальни, и прекрасная женщина, густые волосы которой змеями вились по белым плечам; вода так и сверкала, так и переливалась, увлажняя ее тело… покрытое крупной чешуей!

– Она что, была рыбой? – прошептала я.

– Нет, просто существом не из нашего мира, – спокойно пояснила бабушка. – Она пыталась жить как обыкновенная женщина; однако некоторые женщины не созданы для этого. Она очень старалась, следовала принятым в обществе ее мужа обычаям; но некоторым женщинам такой путь заказан. Наш мир – это мир мужчин, Жакетта, он принадлежит мужчинам, а некоторые женщины просто не способны вечно маршировать под аккомпанемент мужских барабанов. Ты понимаешь меня?

Разумеется, я ничего не понимала. Я была еще слишком юна и даже не догадывалась, что мужчина и женщина могут очень любить друг друга, их сердца могут биться в унисон, но в то же самое время для обоих очевидно, как сильно, как безнадежно сильно они отличаются друг от друга.

– Ну, это неважно. Продолжай. Уже скоро конец.

В общем, супруг не смог вынести того, что открылось: оказывается, его жена является неким странным и совершенно чуждым миру людей существом. А она не могла простить ему того, что он шпионил за ней. И ушла от него, взяв с собой прекрасных дочерей; он же остался жить один с сыновьями, его сердце было разбито. Но когда он был уже на пороге смерти, красавица Мелюзина – то ли русалка, то ли водная богиня – вернулась к нему, и он услышал, как горько она оплакивает детей, которых потеряла, его, своего мужа, которого любила по-прежнему, и тот мир, в котором так и не нашлось для нее места. Отныне плач Мелюзины раздавался каждый раз, когда предстояло умереть кому-то из ее рода.

Когда я закрыла книгу, в комнате надолго воцарилась тишина. Я даже подумала, что бабушка уснула. Однако это было не так; она вдруг негромко произнесла:

– С тех пор некоторые женщины в нашей семье и обладают даром предвидения. А кое-кто из них унаследовал от Мелюзины и прочие способности, дарованные силами иного мира, того, в котором живет она сама. Некоторые из нас поистине не только ее дочери, но и ее наследницы.

Я затаила дыхание и даже вздохнуть боялась – так сильно мне хотелось, чтобы бабушка еще что-нибудь рассказала.

– Как ты думаешь, Жакетта, ты можешь быть одной из ее наследниц?

– Да, это возможно, – пробормотала я. – И очень надеюсь, что это так и есть.

– В таком случае ты должна внимательно слушать, – мягко посоветовала мне бабушка, – слушать безмолвие, наблюдать за пустотой. И всегда быть настороже. Мелюзина легко меняет обличья; подобно ртути, она способна переливаться из одной формы в другую. Ты можешь столкнуться с ней где угодно, она переменчива, как речная вода. Но когда ты сама пожелаешь ее

встретить, то, вполне возможно, увидишь лишь собственное отражение в воде озера или ручья, и сколько бы ты ни напрягала зрение, пытаясь разглядеть ее в зеленоватой глубине водоема, больше ты ничего не увидишь.

– Станет ли она моим учителем? Согласится ли руководить мной?

– Ты сама должна стать себе учителем. Но возможно, ты услышишь ее, если, конечно, она захочет с тобой говорить. – Бабушка помолчала и махнула рукой в сторону обширного шкафа в изножии кровати. – Подай-ка мою шкатулку с драгоценностями.

Открыв скрипучую дверцу, я обнаружила внутри, рядом с роскошными платьями, большой деревянный ларец, завернутый в полупрозрачную напудренную шелковую ткань. Я вытащила его и принесла бабушке. Внутри оказалось множество ящичков, и в каждом находились несметные сокровища.

– Загляни в самый маленький ящичек, – велела она.

Там лежал бархатный кошелечек. Развязав украшенные кисточками шнурки, я встряхнула его, и мне в ладонь упал тяжелый золотой браслет, с которого свисало сотни две крошечных амулетов самой различной формы. Я успела заметить овечку, лошадь, звезду, ложку, кнут, ястреба, шпору…

– Когда понадобится узнать что-нибудь очень-очень важное, выбери два или три амулета, те, которые соответствуют задуманному. Ты все их видишь перед собой. Каждый из выбранных амулетов привяжи к леске или шнурку и опусти в ближайшие к дому реку или ручей, пение воды в которых ты слышишь по ночам, когда все вокруг затихает. Пусть амулеты остаются там до новолуния. Затем обрежь все лески, кроме одной, и, потянув за нее, вытащи амулет из воды. Так откроется твое будущее. Река даст тебе ответ. Река скажет, как именно ты должна поступить.

Я кивнула. Браслет у меня на ладони казался очень холодным и тяжелым. Значит, каждый крошечный амулет – это выбор; каждый дает возможность обрести ясный ответ или же связан с напрасным ожиданием в случае ошибки.

– А когда захочешь что-то получить или совершить, пойди на берег реки и прошепчи ей свое желание, как произносят молитву. А если решишь кого-то проклясть, напиши проклятье на листке бумаги, сверни из него маленький кораблик и пусти плыть по реке. Река – вот твоя главная союзница, твой друг, твоя хозяйка. Ты поняла меня?

Я снова кивнула, хотя по-прежнему мало что понимала.

– Но когда кого-нибудь проклинаешь… – бабушка помолчала и вздохнула, словно очень устала, – будь особенно осторожна с выражениями, Жакетта. Старайся четко определить свою цель и конкретного человека; ты должна быть абсолютно уверена, что проклинаешь именно того, кого нужно. Слово проклятия подобно пущенной стреле, оно может пролететь мимо цели и поразить невинного. Имей в виду, мудрые колдуньи очень редко прибегают к наложению проклятия.

Меня пробрал озноб, хотя в комнате было очень жарко.

– Я непременно научу тебя и кое-чему еще, – пообещала бабушка, – это по праву твое наследие, ведь ты старшая девочка в нашей семье.

– Неужели мальчики ничего этого не знают? Даже мой брат Луи?

Чуть приподняв веки, бабушка лениво на меня посмотрела и улыбнулась.

– Мужчины правят тем миром, который очевиден. Как только что-то становится им известно, они прибирают это к рукам. Все новое они тут же присваивают. Они подобны алхимикам, которые заняты поисками законов мироздания, однако сами же утаивают от всех эти законы. Все, что они открывают, они сразу и прячут, не желая, чтобы это становилось всеобщим достоянием. Они пытаются придать знаниям ту же крайне эгоистичную форму, которая свойственна им самим. И что остается нам, женщинам? Только царство неведомого.

– Но разве женщины не могут играть в нашем мире главенствующую роль? Вот ты, например, бабушка. А Иоланду Арагонскую и вовсе называют «королевой четырех королевств»[12]. Может, и я тоже буду править великими государствами, как ты и она?

– Может, и будешь. Но предупреждаю тебя: женщине, которая стремится к могуществу и богатству, придется заплатить за это высокую цену. Возможно, ты и станешь великой женщиной, подобной Мелюзине или Иоланде, или хотя бы мне, но ты все равно останешься женщиной, всегда будешь чувствовать себя неуверенно в этом мире мужчин. Ты вольна делать все, что в твоих силах; возможно, ты даже обретешь некую власть, особенно если удачно выйдешь замуж или получишь хорошее наследство, однако тебя никогда не оставит ощущение того, сколь труден твой путь, сколь тверда дорога у тебя под ногами. Может, в ином мире – а впрочем, кто знает, что там, в ином мире? – тебя и услышат; или ты сама услышишь их…

– Кого? Что я услышу?

Бабушка улыбнулась.

– Тебе и самой известно. Ты уже слышала их.

– Голоса? – спросила я, вспомнив о Жанне.

– Возможно.

Невыносимая августовская жара медленно спадала; в сентябре стало гораздо прохладнее. Блекло-зеленая листва на деревьях в большом лесу и на берегах озера начала желтеть, и ласточки каждый вечер кружили над башнями замка, словно прощаясь с нами до следующего лета. Они гонялись друг за другом, на головокружительной скорости описывая круги, и их стаи напоминали взметнувшуюся в танце вуаль. Бесконечные ряды виноградников под тяжестью зрелых гроздей склонились к самой земле; крестьянки, засучив рукава на мускулистых руках и прихватив большие плетеные корзины, каждый день с утра до вечера собирали виноград, а мужчины ставили полные корзины в повозки и везли в давильню. Запах винограда и забродившего вина неизбывно висел над деревней; подолы платьев у женщин покрылись синими пятнами, подошвы ног стали лиловыми; все считали, что год выдался на редкость удачный – и урожай богатый, и ягоды сочные. Когда мы с фрейлинами, катаясь верхом, проезжали через деревню, нам предлагали попробовать молодого вина; оно было легким и терпким на вкус, и от него во рту отчего-то становилось щекотно; мы морщились, а крестьяне смеялись.

Мою бабушку больше не застать было в ее любимом кресле, где она всегда сидела, строго выпрямив спину, и руководила не только своими служанками, но и всем замком, а также землями моего дядюшки. Еще в начале лета мы каждый день видели ее в этом кресле, но по мере того, как солнце стало меньше припекать, она как-то притихла и с каждым днем становилась тоже все бледнее и холоднее. Вскоре после завтрака она удалялась отдохнуть и лежала почти до вечера; лишь тогда она поднималась с постели, под руку с моим дядей выходила в большой обеденный зал и приветствовала собравшихся, которые встречали своих господина и госпожу радостными криками и грохотом клинков по столу.

Жанна, ежедневно посещавшая церковь, поминала бабушку в своих молитвах. Я же, точно ребенок, попросту смирилась с ее новым распорядком жизни; каждый полдень я навещала ее, садилась возле постели и читала ей вслух. И неизменно с нетерпением ожидала, когда она снова разоткровенничается со мною, поведает о том, какие желания, обращенные к богине Мелюзине, уплывали в виде бумажных корабликов по водам рек и ручьев, текущих в море, когда меня еще и на свете не было. Бабушка научила меня гадать по картам; вытаскивая из колоды очередную карту, она сообщала название этой карты и объясняла ее значение.

– А теперь попробуй ты, – предложила она однажды и, перетасовав колоду, вынула карту и ткнула в нее своим тонким пальцем. – Что, например, говорит тебе вот эта?

[12] Арагона, Кастилии, Леона и Каталонии.

Я перевернула карту. С картинки на нас смотрела сама Смерть в черном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо; плечи у Смерти были понуро опущены, и на одном плече она несла косу.

– Ах так! – воскликнула бабушка. – Значит, ты и ко мне наконец заглянула, подружка? Жакетта, сбегай, пожалуйста, к дяде и попроси его поскорее зайти ко мне.

Я проводила дядю к ней в спальню, и он опустился на колени возле ее постели. Бабушка благословляющим жестом коснулась его головы, затем легонько оттолкнула его от себя и произнесла строго, словно именно он виноват в том, что осенние дни становятся все холоднее:

– Нет, я просто не в силах больше выносить эту погоду. И как только вы можете жить здесь! В ваших краях почти так же холодно, как в Англии, а зимы, по-моему, длятся целую вечность. Нет, это не для меня. Я уезжаю на юг, в Прованс.

– Ты уверена? – засомневался дядя. – Мне казалось, ты в последнее время чувствуешь себя неважно. По-моему, ты всего лишь немного устала; может, тебе лучше сперва отдохнуть здесь?

Бабушка раздраженно щелкнула пальцами и высокомерным тоном заявила:

– Здесь мне слишком холодно. Можешь отдать соответствующие распоряжения охране, а я велю выстлать мой портшез мехами. Однако весной я непременно вернусь.

– Разве не удобнее тебе было бы остаться сейчас здесь, в теплом доме? – не сдавался дядя.

– Можешь считать это моим капризом, но мне хочется еще разок повидать Рону, – ответила бабушка. – И потом, нужно еще закончить кое-какие дела.

Спорить с ней никто никогда не осмеливался – все-таки она была демуазель де Люксембург! Так что через несколько дней ее просторный портшез стоял у дверей, буквально заваленный внутри пушистыми шкурами, а бронзовая переносная грелка была полна горячих углей; на пол в портшезе положили нагретые на плите кирпичи, чтобы в ближайшие пару часов бабушка совсем не ощущала холода. Для прощания с ней все обитатели дома, в том числе и слуги, выстроились у крыльца.

Она подала руку Жанне, затем поцеловала мою тетю Жеанну и меня, и дядя помог ей подняться в портшез. Напоследок она крепко сжала его руку своей сухой ладошкой и сказала:

– Обещай, что в твоем доме Девственница по-прежнему будет в безопасности. И главное – береги ее от англичан; таков мой тебе наказ.

Дядя покорно поклонился и попросил:

– Ты только возвращайся поскорее.

Его жена, моя тетка Жеанна, жизнь которой с отъездом хозяйки нашего Дома существенно облегчалась, поспешила к бабушке, помогла ей устроиться в портшезе и поцеловала в бледную холодную щеку. Но именно меня демуазель де Люксембург высмотрела в толпе провожающих и поманила к себе крючковатым, костлявым пальцем.

– Да благословит тебя Господь, Жакетта, – промолвила она, когда я подошла к ней. – Не забывай того, чему я учила тебя. Ты у нас пойдешь далеко! – И она ободряюще улыбнулась мне. – По-моему, куда дальше, чем ты сейчас можешь себе вообразить.

– Мы ведь весной снова увидимся, да?

Бабушка не ответила, лишь пообещала:

– Я непременно пришлю тебе свои книги. И тот браслет.

– Но весной ты навестишь меня и моих родителей в Сен-Поле?

И по ее грустной улыбке я поняла, что никогда ее больше не увижу.

– Благослови тебя Господь, детка, – повторила она и тут же задернула занавески портшеза, словно опасаясь холодного утреннего ветерка.

И кавалькада выехала за ворота замка.

В ноябре я проснулась среди ночи в своей девичьей постели, которую делила со своей фрейлиной Элизабет, села и прислушалась. Мне показалось, что кто-то нежным голосом, очень

высоким, но еле уловимым, окликнул меня по имени. Затем совершенно отчетливо послышалось чье-то пение. Странно, но пение доносилось прямо из окна, хотя наша комната была на одном из верхних этажей башни. Накинув поверх ночной рубашки плащ, я подошла к окну и сквозь щель в деревянных ставнях выглянула наружу, однако там не было видно ни зги. Окрестные поля и леса были черны, как самый черный фетр, и совершенно безмолвны, и все же то пронзительное пение явственно раздавалось за окном, безусловно, это пел не соловей, хотя звук был почти таким же высоким и чистым. И, уж конечно, это был не крик совы – скорее, этот мелодичный и протяжный голос напоминал мальчишеский: так поют солисты в хоре мальчиков. Я вернулась к постели и растолкала Элизабет.

– Ты слышишь?

Но та даже проснуться была не в силах и полусонным голосом пробормотала:

– Ничего я не слышу. Я сплю. Прекрати толкаться, Жакетта.

Только тут я заметила, что стою босыми ногами на совершенно ледяном каменном полу, и снова забралась в кровать. Когда я сунула замерзшие ноги под теплый бочок Элизабет, она что-то недовольно пробурчала и повернулась ко мне спиной. Некоторое время я лежала, подозревая, что не усну и так и буду в теплой постели внимать этому таинственному пению. Однако, согревшись, я довольно быстро задремала.

А через шесть дней нам сообщили, что Жеанна Люксембургская, моя двоюродная бабушка, умерла глубокой ночью во сне. Это случилось в Авиньоне, на берегу великой реки Роны. И только тут я наконец поняла, чей голос тогда звучал, кто пел мне в ночи среди башен замка.

Стоило английскому герцогу Бедфорду узнать, что Жанна д'Арк лишилась самой могущественной своей защитницы, как он послал судью Пьера Кошона и целый отряд вооруженных людей провести переговоры относительно ее выкупа; теперь ей грозил церковный суд по обвинению в ереси. Из рук в руки были переданы поистине огромные суммы денег: двадцать тысяч ливров тому, кто стащил Жанну с коня, и десять тысяч франков моему дяде, причем с самыми добрыми пожеланиями от английского короля. Мой дядя даже слушать не стал свою жену, умолявшую его не выдавать Жанну и оставить ее у нас. Я же была лицом и вовсе незначительным и права голоса не имела, так что была вынуждена молча смотреть, как мой дядя соглашается передать Жанну для допроса церковному суду.

– Я же не к англичанам ее отправляю, – оправдывался дядя перед женой. – Как и велела мне демуазель – а я не забыл о ее словах, – я не сдаю Девственницу нашим врагам, а лишь вручаю ее в руки церкви. Это, кстати, позволит ей очистить свое имя от выдвинутых против нее обвинений в ереси. Ее будут судить служители Господа нашего, и если она невинна, они вернут ей свободу.

Тетя Жеанна взглянула на своего мужа с таким ужасом, словно перед ней была сама Смерть, а я подумала: неужели дядя действительно верит подобной чепухе? Неужели он считает нас, женщин, настолько глупыми, что пытается запудрить нам мозги заверениями, будто церковь, находящаяся в полной зависимости от англичан, церковь, которой управляют назначенные англичанами епископы, и впрямь способна судить по справедливости? Что церковники смогут заявить тем, кто ими правит и платит им, что девушка, сумевшая всю Францию поднять на борьбу с англичанами, – это самая обыкновенная деревенская девчонка, возможно, несколько излишне шумная и надоедливая, но абсолютно ни в чем не виноватая? Что ей достаточно самого простого наказания – например, три раза прочесть «Аве, Мария», – и ее можно отсылать обратно в деревню к родителям и коровам?

– Милорд, кто сообщит о вашем решении Жанне? – осмелилась все же вмешаться я.

– О, она и так уже все знает, – бросил дядя через плечо и вышел на крыльцо попрощаться с Пьером Кошоном; уже в дверях он обернулся и добавил: – Я послал к ней пажа; он велит ей собираться и быть готовой незамедлительно уехать вместе с месье Кошоном.

Меня охватили ужасные предчувствия, и я кинулась бежать, словно спасала собственную жизнь, – но нет, вовсе не на женскую половину, куда направился мальчик-паж с известием, что Жанну передают в руки англичан. И не в старую темницу, куда она могла бы пойти, чтобы забрать свой жалкий мешок с пожитками: походной деревянной ложкой, острым кинжалом и молитвенником, который подарила ей моя бабушка. Я сразу ринулась по винтовой лестнице наверх, влетела на галерею над парадным залом, юркнула в крошечную дверку, на ходу ударившись своим дурацким головным убором о дверной косяк, причем с такой силой, что шпильки так и посыпались у меня из волос, и, топоча ногами и как можно выше задрав подол платья, стала быстро подниматься по каменной лестнице на плоскую крышу башни. Сердце, казалось, вот-вот выскочит у меня из груди, я задыхалась, зато, очутившись на крыше, сразу увидела Жанну. Она стояла на самом краю башенной стены, раскинув руки, словно птица, готовая к полету. Когда дверь с грохотом распахнулась, она оглянулась, посмотрела на меня, услышала мой пронзительный крик: «Нет, Жанна! Нет!» – и тут же шагнула в бездну.

Самое ужасное, действительно самое ужасное – что она не просто прыгнула в никуда, точно испуганный олень, а нырнула со стены вниз головой. Быстро догадавшись, что сейчас произойдет, я тут же метнулась к краю и успела увидеть ее, летящую вниз в позе того «танцора» из бабушкиной колоды карт: одна нога вытянута, вторая согнута и большим пальцем почти касается колена другой ноги. И сердце остановилось у меня в груди, поскольку в эти несколько мертвящих мгновений я поняла: да, так и есть, это поза «Повешенного» с гадальной карты, и Жанна летит головой вперед навстречу собственной гибели, а на губах ее играет безмятежная улыбка.

Глухой удар о землю, когда она рухнула у подножия башни, прозвучал в моих ушах с такой силой, словно это моя собственная голова врезалась в землю. Я хотела побежать вниз, хотела поднять ее тело, тело Жанны Девственницы, уродливой кучкой лежавшее на земле и похожее на мешок со старьем, но не смогла сдвинуться с места. Колени подо мной подгибались; царапая руки, я цеплялась за каменную стену, такую же холодную, как и мои пальцы, но не плакала и все никак не могла вздохнуть полной грудью; мое судорожное дыхание более всего напоминало рвущиеся из груди рыдания. Я была прямо-таки охвачена леденящим ужасом: все получилось в точности так, как и говорила моя бабушка. Жанна, молодая женщина, попыталась отыскать собственный путь в мире мужчин, однако этот путь привел ее лишь на вершину мрачной башни, откуда она и совершила свой лебединый прыжок-полет в объятия смерти.

Когда ее подобрали, она не подавала признаков жизни и все же осталась жива, хотя в течение четырех дней даже ни разу не пошевелилась. Затем это смертное оцепенение прошло, она начала потихоньку вставать с постели, каждый раз с изумлением охлопывая себя руками, словно желая удостовериться, что ее тело сохранилось в целости. Удивительно, но в результате падения она не сломала ни одной кости, не раскроила череп, не повредила ни одного пальца на руках! Казалось, ее и впрямь подхватили ангелы, когда она парила в их родной стихии. Конечно, это чудесное спасение имело и плохие последствия: церковники тут же заявили, что только дьявол мог спасти самоубийцу, прыгнувшую головой вниз с такой высоты. Вот если бы Жанна умерла, они бы наверняка сказали, что Господь свершил свой справедливый суд. А мой дядя, человек весьма суровый и здравомыслящий, объяснял ее спасение чрезвычайной мягкостью земли под стеной; почва настолько пропиталась влагой после нескольких недель непрерывных дождей, что крепостной ров переполнился, и вода, выплескиваясь из него, превратила землю, по сути дела, в болото; в общем, Жанне скорее грозила возможность утонуть, чем разбиться. После случившегося дядя решительно потребовал, чтобы Жанна немедленно покинула наш замок, поскольку не желал нести за нее ответственность; ведь старой демуазель, способной предотвратить любую опасность, здесь уже не было. Сначала дядя отослал Жанну в

свой дом в Аррасе, а когда ее для допросов перевезли в принадлежавший англичанам Руан[13], за нею последовали и мы.

Мы обязаны были присутствовать на суде. Такой знатный лорд, как мой дядя, должен был наблюдать, как свершается правосудие, а его домочадцам, разумеется, полагалось его сопровождать. Тетя Жеанна взяла меня с собой, чтобы я собственными глазами увидела конец Орлеанской девы, святой советчицы французского дофина – «лжепророчицы при лжекороле», как ее теперь окрестили. По меньшей мере половина страны устремилась в Руан; французам было интересно, чем все это кончится, и мы должны были находиться в первых рядах.

Для той, кого судьи называли «спятившей деревенской простушкой», надежды на спасение не было никакой. Ее поместили в замок Буврёй и держали в цепях в темнице с двойными дверями и окошком, забитым досками. Всех охватывал ужас при одной лишь мысли о том, что Жанна, как мышь, сумеет выбраться в щель под дверью или же, как птичка, вылетит в окно, протиснувшись меж досками. От нее потребовали дать слово, что она не попытается сбежать, но она отказалась, и ее приковали цепью к кровати.

– Уж так-то она точно не сбежит, – печально вздохнула моя тетя Жеанна.

Ждали герцога Бедфорда, и в конце декабря он вошел в город с отрядом личной охраны, одетой в цвета английских «Роз» – ярко-красный и белый[14]. Герцог, крупный мужчина, ехал верхом на мощном боевом коне; его начищенные доспехи отливали серебром; лицо его под увесистым шлемом показалось мне мрачным и суровым, а крупный нос, похожий на изогнутый клюв, придавал ему сходство с какой-то большой хищной птицей, возможно, орлом. Герцог Бедфорд был родным братом английского короля Генриха V и старательно охранял те земли, которые его знаменитому брату удалось отвоевать у Франции во время битвы при Азенкуре[15]. Теперь же лавры покойного короля[16] достались его молодому сыну, и герцог Бедфорд, продолжавший верно служить английскому трону, редко снимал воинские доспехи и редко слезал со своего боевого коня; в общем, не знал ни дня покоя.

Мы выстроились у главных ворот замка, когда герцог въехал в город, шаря своими сумрачными глазами по нашим лицам так, словно выискивал среди нас предателя. Тетя Жеанна и я склонились перед ним в глубоком реверансе, а дядя Жан снял шляпу и весьма куртуазно поклонился. Наш Дом Люксембургов долгое время был союзником англичан; мой второй дядя, Людовик Люксембургский, был ближайшим советником герцога Бедфорда и клятвенно заверял всех, что это самый великий человек, когда-либо правивший Францией.

Бедфорд тяжело спрыгнул с коня и встал, мощный, как крепостной донжон. Приветствовавшие его люди низко кланялись ему, сняв шляпы, а некоторые чуть ли не падали перед ним на колени. К Бедфорду подошел какой-то человек, и лорд поздоровался с ним легким высокомерным кивком, взирая куда-то поверх его головы. Вдруг взгляд герцога упал на меня. Я-то, конечно, уставилась на него во все глаза – это было прямо-таки настоящее представление, забылся даже холод зимнего дня, – но потом мне стало не по себе: он еще раз пристально на меня посмотрел, и в его глазах что-то мелькнуло, какая-то вспышка, смысл которой я разгадать не сумела. Больше всего это, пожалуй, напоминало внезапное чувство голода; примерно такими глазами человек после долгого поста пожирает пышно накрытый пиршественный стол. Я даже чуть отступила назад. Нет, я не испугалась, и кокеткой я тоже не была, но мне было всего четырнадцать, а в этом человеке чувствовались огромная сила и могущество, и мне вовсе не хотелось, чтобы вся эта потаенная мощь обрушилась именно на меня. Я еще немного попя-

---

[13] Нормандия, и Руан в том числе, была завоевана англичанами еще в 1066 г.

[14] Красный цвет – «Алая роза» – символизировал Дом Ланкастеров, а белый – «Белая роза» – Дом Йорков.

[15] Знаменитая битва при Азенкуре состоялась 25 октября 1415 г. Французское войско было представлено 50 000 человек, тогда как в войске Генриха V было всего 6000, однако он сумел одержать блестящую победу; в список погибших французов входили три герцога, девять графов, девяносто шевалье и свыше пяти тысяч простых рыцарей.

[16] Генрих V умер в 1422 г.

тилась и шагнула чуть вбок, оказавшись за спиной тети и спрятавшись за ее высоким головным убором с вуалью.

Принесли огромный портшез, плотные занавеси которого были туго затянуты золоченым шнуром, чтобы внутрь не проникал холод, и оттуда с помощью слуг выбралась супруга Бедфорда, герцогиня Анна. Мы сами и все наши немногочисленные сопровождающие приветствовали ее радостными криками; она принадлежала к Дому герцогов Бургундских, наших сеньоров и родственников, так что мы почтительно с нею раскланялись. Анна, бедняжка, была такой же некрасивой, как и все в этом знатном бургундском семействе, зато улыбка у нее была веселой и доброй; она тепло поздоровалась со своим мужем и встала с ним рядом, удобно опершись о его руку и с любопытством озираясь. Заметив мою тетю, она радушно помахала ей рукой и показала куда-то внутрь замка, давая понять, чтобы попозже мы непременно к ней зашли.

– Мы приглашены туда к обеду, – шепотом сообщила мне тетя. – Считается, что никто в мире не ест лучше, чем герцоги Бургундские.

Бедфорд снял шлем и поклонился – как бы разом всей толпе, собравшейся у ворот замка, – затем поднял руку в латной перчатке, приветствуя тех, кто свисал из окон верхних этажей домов или опасно балансировал на садовой изгороди, желая хоть издали увидеть великого регента. Потом герцог повел свою жену в замок; по-моему, у всех возникло ощущение, что нам только что показали первую сцену одного из тех спектаклей, которые так любят изображать актеры передвижных театров. Однако осталось неясным, что будет дальше: шествие масок, или торжественный прием, или похороны, или празднование удачной охоты на дикого зверя. И хотя этот спектакль уже привлек во Францию, в Руан так много знатных людей, самое интересное было еще впереди.

Руан, Франция, весна 1431 года

Обвинение стряпали наскоро. Жанну смущали учеными фразами, подвергая сомнению каждое ее слово и заставляя снова и снова отвечать на один и тот же вопрос; в протокол записывали такие вещи, которые она обронила случайно, в минуту крайней усталости, а потом предъявляли ей в качестве свидетельства ее вины; ей излагали условия в самых заумных выражениях, зато без конца допытывались, что она имеет в виду; зачастую она попросту не понимала того или иного вопроса и говорила: «Это пропустите», или «Дальше», или «Избавьте меня от этого», или даже «Пощадите!». Несколько раз она сказала так: «Этого я не знаю. Я ведь девушка простая, неученая. Откуда мне это знать?»

Мой дядя получил исполненное боли письмо от королевы Иоланды Арагонской. Она была уверена, что дофин непременно выкупит Жанну, что дня через три ей, Иоланде, удастся его убедить, а потому нужно постараться отложить вынесение приговора, затянуть процесс и выиграть хотя бы несколько дней отсрочки. Но церковники уже успели поймать несчастную Жанну в сети своих хитростей и теперь явно не собирались выпускать ее из рук.

Все, что эти высокообразованные люди могли сделать, дабы затемнить самую простую и ясную истину и заставить молодую невежественную женщину сомневаться в своих чувствах и путаться в собственных мыслях, они уже сделали. Они использовали свои знания как капкан для Жанны; они создавали для нее бесконечные непреодолимые препятствия, заставляя метаться из стороны в сторону; они ловили ее на противоречиях, в которых она никак не могла разобраться. Иногда они зачитывали свои обвинения на латыни, и она лишь ошеломленно смотрела на них: этот язык она слышала только в церкви, а здесь совершенно не понимала. Кроме того, она поражалась, как эти божественные звуки, эти знакомые и горячо любимые интонации, которые во время мессы казались такими торжественными и музыкальными, могли превратиться в глас грозного обвинения.

Иногда ее откровенно позорили, для чего, разумеется, пользовались языком ее родного народа, грубыми житейскими историями из Домреми о тщеславии и незаслуженной гордыне. Заявляли, что Жанна, будучи незамужней девицей, сожительствовала с мужчинами, что она сбежала от своих добропорядочных родителей, что она работала в пивной, где весьма свободно, точно настоящая шлюха, выражала свои предпочтения. Говорили даже, что она странствовала вместе с солдатами как полковая проститутка, то есть никакая она не девственница, а самая настоящая потаскуха, о чем давно уже всем известно.

Пришлось Анне, добросердечной маленькой герцогине Бедфорд, отправиться к Жанне в темницу и самой удостовериться в том, что та действительно девственница. После этого Анна решительно потребовала, чтобы охранникам запретили прикасаться к девушке или оскорблять ее словами, и припугнула, что воля Господа нашего будет нарушена, если над Жанной будут по-прежнему издеваться подобным образом. Такой приказ церковники отдали, но сразу же сказали: раз теперь этой девице гарантирована полная безопасность, раз за нее поручилась сама герцогиня, то у нее нет никаких причин носить мужскую одежду, и она должна немедленно переодеться в женское платье, ведь это смертный грех – когда на женщине мужские штаны.

Они постоянно сбивали ее с толку и старательно ставили в тупик всевозможными вопросами. И ведь все это были великие люди, служители церкви, а Жанна, простая крестьянская девушка, истинно верующая, всегда подчинялась указаниям своего священника – до тех пор, правда, пока не вняла голосам ангелов, которые призвали ее покинуть родные места и совершить великие деяния. Под конец слушаний она просто расплакалась, как ребенок, и, полностью утратив самообладание, согласилась надеть женское платье и призналась во всех грехах, которые ей приписывали. Вряд ли она хоть что-то понимала в этом длинном списке грехов, но подписалась под всеми признаниями – нацарапала свое имя и рядом изобразила крест, словно тут же и отказываясь от своей подписи. Она засвидетельствовала, что никаких ангелов не было, никаких голосов она не слышала, дофин так и остался дофином, а королем Франции так и не стал, ведь его коронация была осуществлена против всех правил; она подтвердила, что те прекрасные рыцарские доспехи, которые она носила в бою, оскорбляли и Господа нашего, и весь мужской род, а сама она – всего лишь глупая девчонка, пытавшаяся ввести в заблуждение взрослых мужчин, утверждая, что лучше их знает, каким путем им следует идти. Жанна согласилась также, что вела себя как тщеславная дурочка, полагая, что девушка способна руководить мужчинами, и добавила, что показала себя хуже Евы, поскольку, давая советы мужчинам, помогала самому дьяволу.

– Что? – взревел герцог Бедфорд.

Мы с тетей Жеанной были в гостях у его жены и сидели в ее покоях, где в камине жарко горел огонь, а музыкант в уголке тихо наигрывал на лютне. На столах стояли наилучшие вина, все вокруг было таким красивым и элегантным; и вдруг, несмотря на две пары закрытых дверей, из покоев герцога донесся этот возмущенный возглас.

Мы слышали, как хлопали двери, как граф Уорик[17] выбежал из покоев герцога в недоумении, чем вызван этот взрыв бешеного гнева. Постепенно все прояснилось, хотя, собственно, особых сомнений на этот счет у нас и не было: англичане никогда и не желали, чтобы церковь билась за спасение души какой-то заблудшей девицы и заставляла ее раскаяться в совершенных грехах, дабы понести заслуженное наказание и обрести прощение. С самого начала это была обыкновенная охота на ведьм. Ведьму следовало непременно найти и отправить на костер, который только и ждал, когда к нему поднесут пылающий факел. Смерть уже стояла наготове, готовая принять в объятья жертву-девственницу, которую ей посулили. Герцогиня Анна подошла к дверям, их услужливо перед ней распахнули, и теперь каждое слово герцога раздавалось отчетливо; замерев от ужаса, мы слушали, как он громит епископа Пьера Кошона –

[17] Имеется в виду отец Ричарда Невилла, графа Уорика, знаменитого «делателя королей».

Кошона-судью и Кошона-человека, – в глазах герцога, видимо, представлявшего одновременно и Господа, и правосудие, и всю церковь.

– Да поймите вы, наконец! Я вовсе не хочу, чтобы она признала себя виновной и отреклась от веры! Не хочу, чтобы она подписала признание и церковь отпустила ей все грехи! Я, черт возьми, не желаю, чтобы она до конца жизни торчала в темнице! Разве это даст мне гарантию безопасности? Мне нужно, чтобы она как можно скорее превратилась в горстку пепла, которую унесет ветер. Неужели я выразился недостаточно ясно? Мне что, самому ее сжечь? Вы обещали, что это сделает церковь, так делайте же, черт побери!

Герцогиня быстро вернулась на прежнее место, жестом приказав слугам плотно затворить двери, однако из-за них по-прежнему звучал раскатистый голос регента Франции. Ругательства и проклятия так и сыпались из его уст, и герцогине осталось лишь пожать плечами: мол, ничего не поделаешь, мужчина есть мужчина, да еще в такое сложное, военное время. Моя тетушка понимающе ей улыбнулась, а музыкант сильней ударил по струнам лютни и громко запел. Я встала, подошла к окну и выглянула наружу.

На рыночной площади уже был почти сложен огромный костер, весьма внушительное сооружение: в центре торчал толстый столб с мощной перекладиной, вокруг которого пирамидой выкладывали охапки дров. Итак, Жанна призналась во всех грехах, отреклась от прежних убеждений, и ее, объявив виновной в многочисленных преступлениях, приговорили к тюремному заключению.

А костер на площади продолжали готовить!

Тетушка кивнула мне в знак того, что нам пора, и я сразу же спустилась вниз. Некоторое время я была вынуждена ждать там – тетя зачем-то задержалась в покоях герцогини, возможно, прощалась с ней. Уже наступил май, однако было очень холодно, и я низко надвинула капюшон и спрятала под плащ руки, думая о том, есть ли у Жанны в темнице теплое одеяло. Вдруг огромные двустворчатые двери, ведущие в приемную герцога, настежь распахнулись, и оттуда быстрой походкой вышел он сам.

Я склонилась перед ним в реверансе, хотя была почти уверена, что он и не заметит меня в моем темном плаще, да еще и в самом углу, за дверью, или же попросту стремительно пронесется мимо. Но Бедфорд вдруг остановился и удивленно спросил:

– Жакетта? Жакетта де Сен-Поль?

– Да, ваша милость, это я, – отозвалась я, еще ниже опустив голову.

Герцог твердой рукой взял меня под локоть, заставил выпрямиться, сбросил у меня с головы капюшон и, повернув лицом к свету, лившемуся из раскрытой двери, приподнял мое лицо за подбородок, как мать приподнимает лицо ребенка, желая убедиться, чистый ли у него рот после еды. Люди из его свиты почтительно замерли рядом; их было, по-моему, не меньше дюжины, однако он вел себя так, словно мы находились одни, и изучал меня очень внимательно, даже пристально. Казалось, он хочет прочесть мои мысли. Впрочем, и я глаз не отводила, хоть и была весьма сильно смущена. Я не понимала, что Бедфорду от меня нужно, но знала, что моя тетя непременно рассердится, если я ляпну при этом невероятно могущественном и важном человеке что-нибудь не то. Я даже губу слегка прикусила, опасаясь за свой язык, а он, удивленно охнув или вздохнув, вдруг произнес:

– Боже мой, сколько ж тебе лет?

– В этом году будет пятнадцать, ваша милость.

– И ты здесь с отцом?

– С дядей, ваша милость. Мой отец – Пьер[18] де Сен-Поль, теперь он новый граф Люксембургский.

– Новый граф Люксембургский? – повторил он, уставившись на мои губы.

[18] Граф Пьер де Сен-Поль был коннетаблем герцогства Бургундия.

– Да, после смерти демуазель де Люксембург именно он получил этот титул. Он ведь был ее наследником.

– Да-да, конечно, конечно…

Казалось, сказать ему больше нечего, но он по-прежнему не сводил с меня глаз и по-прежнему крепко держал меня одной рукой за локоть, а второй – за край капюшона.

– Ваша милость… – прошептала я, надеясь, что он опомнится и отпустит меня.

– Что, Жакетта? – ответил он тоже шепотом, словно беседуя сам с собой.

– Могу ли я быть вам чем-то полезна?

Вообще-то я бы с удовольствием крикнула: «Пожалуйста, оставьте меня!», но девушке моих лет не пристало говорить такое могущественному регенту Франции.

Он усмехнулся.

– А ведь и впрямь можешь, Жакетта. Вскоре ты станешь красивой женщиной, очень красивой молодой женщиной.

Я огляделась. Сопровождающие герцога по-прежнему ждали в сторонке; они почти не двигались и делали вид, что ничего не видят и не слышат. Кажется, никому из них и в голову не приходило посоветовать Бедфорду отпустить меня, а сама я не могла даже обмолвиться об этом.

– Ну а возлюбленный у тебя уже есть? За тобой кто-нибудь ухаживает? Может, ты уже и целовалась с каким-нибудь пухлощеким юным пажом?

– Что вы, милорд! Конечно же, нет…

Я заикалась, словно обманывала, словно и впрямь была виновна в том глупом и вульгарном поведении, на которое он намекал. Он смотрел на меня, добродушно посмеиваясь и будто оправдывая любые мои «грехи», но при этом так крепко сжимал мой локоть, словно был на меня за что-то сердит. Я невольно попыталась выдернуть руку, высвободиться из его железной хватки, уйти от его алчного взгляда.

– У меня очень строгий отец, – слабым голосом бормотала я, – и честь моей семьи… И потом, сейчас я живу у дяди Жана и его супруги Жеанны, и уж они бы никогда не позволили…

– Разве ты не мечтаешь выйти замуж? – перебил он, будто не веря ни одному моему слову. – Разве ночью, лежа в постели, ты не думаешь о том, кто станет твоим мужем? Разве не грезишь о юном женихе, который, подобно трубадурам, будет воспевать твою красоту и морочить тебе голову клятвами в великой любви?

Теперь мне уже стало страшно, я вся дрожала; это был какой-то кошмар. Хватка герцога не ослабевала, его ястребиное лицо склонялось ко мне все ближе и ближе; вот он уже зашептал что-то мне в самое ухо. «Может, он сумасшедший?» – испугалась я. Он смотрел на меня так плотоядно, словно хотел съесть. В голове моей все помутилось – я начинала понимать, что вот сейчас, прямо в эти секунды передо мной открывается мир неких новых отношений, о которых я ничего не знаю и знать не желаю.

– Нет, нет… – упиралась я.

Но он все не отпускал меня, наоборот – еще крепче прижимал к себе. И меня вдруг охватил приступ настоящего гнева, я внезапно вспомнила, кто я такая и что собой представляю.

– Если вашей милости будет угодно, я – девственница, – ледяным тоном отчеканила я, хотя и слегка запинаясь. – Да, девственница, и я из Дома Люксембургов, и ко мне не прикасался ни один мужчина. Да ни один и не осмелился бы! Меня воспитывала сама демуазель де Люксембург. Такая же девственница, как и я. Я вполне могла бы приручить единорога[19], и вам не следовало бы задавать мне подобные вопросы…

---

[19] Единорог в средневековых христианских сочинениях рассматривался как символ чистоты и девственности; приручить его могла только чистая дева, отсюда возникла и более поздняя христианская традиция, связывающая единорога с Девой Марией и Христом.

Из покоев герцогини донесся шум, и дверь у нас за спиной внезапно отворилась. Герцог тут же оттолкнул меня, словно мальчишка, застигнутый врасплох и бросивший на пол украденное печенье, и, протягивая руки навстречу своей простенькой Анне, вскричал:

– Дорогая, а я как раз собирался тебя искать!

Ясные глаза герцогини Анны разом охватили все: мое бледное как мел лицо, явно сдернутый с моей головы капюшон, чрезмерное благодушие Бедфорда.

– Ну, вот она я, – сухо произнесла Анна, – так что тебе не придется меня искать. А ты, я вижу, вместо меня отыскал маленькую Жакетту де Сен-Поль?

Я благодарно склонилась перед ней в реверансе, а герцог, взглянув на меня так, словно только что меня заметил, небрежно обронил:

– Добрый день. – И, повернувшись к жене, доверительно сообщил ей: – Дорогая, мне пора идти. Они там всё совершенно перепутали, и мне придется теперь разбираться.

Она кивнула, отпуская его, и ласково ему улыбнулась. Герцог тут же удалился; следом за ним, тяжело топая, вереницей потянулась его свита. Я с ужасом предвкушала, какой допрос мне учинит герцогиня Анна: что я обсуждала с ее мужем, что это мы с ним делали в темном углу, почему он говорил со мной о любви и трубадурах? Ни на один из этих вопросов я ответить не могла. Я действительно даже не представляла, почему он так вел себя, почему так крепко держал меня и не оставлял в покое. Меня слегка подташнивало, у меня даже ноги подкашивались, стоило мне вспомнить, как внимательно он изучал мое лицо своими яркими глазами, как непристойно шептал мне что-то на ухо. Зато я прекрасно понимала: никакого права поступать так он не имел. Понимала я и то, что сумела защитить себя, и сказанное мною – правда: я действительно была настолько чиста и непорочна, что могла бы приручить единорога!

Но все получилось гораздо хуже: Анна лишь пристально на меня взглянула, и весь мой гнев, все мое возмущение тут же куда-то улетучились. Она не стала допытываться, чем мы с ее мужем занимались в темном углу; она смотрела на меня так, словно и без того уже все знала, словно ей известно все на свете; она разглядывала меня неторопливо, внимательно, рассматривала с головы до ног и сочувственно мне улыбалась. И от этого я ощущала себя мелким воришкой, которого она схватила за руку, когда он шарил у нее в кошельке.

Лорд Джон, герцог Бедфорд, желал действовать по-своему; и могущественный граф Уорик желал действовать по-своему; различные представители английской знати также имели собственное мнение. А Жанна, не располагая ни советниками, ни защитниками, способными обеспечить ее безопасность, решила изменить свои показания. Она сняла женское платье, вновь облачилась в мужские штаны и колет и, став опять похожей на юношу, кричала в суде, что совершила ошибку, когда заявила, будто не слышит никаких голосов, и когда признала себя виновной в самых различных преступлениях. Она больше не желала соглашаться, что является еретичкой и идолопоклонницей, и твердила, что она – не ведьма, не гермафродит и не чудовище, а потому не станет каяться в грехах, которых никогда не совершала. Жанна упорно стояла на своем: она – непорочная девственница, ею руководили ангелы, и это ангелы потребовали от нее найти французского принца и возвести его на трон. Да, она слышала голоса ангелов! И они приказали ей позаботиться о коронации Карла. «Это святая правда, – гордо провозгласила она, – и я клянусь в этом перед Господом». Вот тут-то хищные челюсти Англии и захлопнулись с облегчением, поскольку птичка попалась.

Из своей комнаты в замке я хорошо видела место будущей казни; груда дров становилась все выше; одновременно возвели помост для знати, чтобы удобнее было наблюдать, словно здесь намечалась не казнь, а пышный турнир. Вокруг площади выстроили загородку, предназначенную для того, чтобы сдерживать напор тех тысяч любопытствующих, которые явятся поглазеть на сожжение. И вот этот страшный день настал. Тетя Жеанна велела мне надеть мое лучшее платье и высокий головной убор и сопровождать ее на площадь.

– Я не могу, я плохо себя чувствую, – заупрямилась я.

Но тетка в кои-то веки осталась непреклонна. Нет, никаких отказов от меня она не принимает, я должна пойти туда! Меня должны там видеть, рядом с ней и герцогиней Анной Бедфорд. Мы обязаны сыграть свою роль до конца, обязаны быть покорными свидетельницами того, как точно соблюдаются законы, установленные мужчинами. Кроме того, я должна служить для других примером истинно непорочной молодой особы, не слышащей никаких голосов и не воображающей, что она знает и понимает больше, чем мужчины; а потому мое присутствие на площади не обсуждается. В общем, получалось, что герцогиня Анна, моя тетка и я являем собой образец того идеала женщины, каким его представляют мужчины. А вот таких женщин, как Жанна д'Арк, мужчины терпеть не могут.

Мы грелись под теплым майским солнцем, словно ожидая, когда звуки труб возвестят начало рыцарского турнира. Вокруг нас оживленно шумела толпа. Лишь очень немногие хранили суровое молчание. Некоторые женщины держали распятие, некоторые нервно сжимали рукой нательный крест; но большинство присутствующих веселились, радуясь свободному дню, щелкая орехи и попивая винцо из фляжек – этакий беспечный, солнечный майский день[20], под конец которого народу покажут увлекательное представление в виде казни на костре.

Затем двери башни распахнулись, оттуда вышли стражники и сразу принялись оттеснять толпу назад. Люди недовольно гудели и вытягивали шеи – каждому хотелось первым увидеть Ту Самую Девственницу. Наконец двери приоткрылись, и показалась Жанна.

Я сразу заметила, насколько она переменилась; теперь она совсем не походила на ту Жанну, что некоторое время была мне хорошей подружкой. Ее вывели через маленькие ворота для вылазок в боковой стене замка. На ней снова были ее мальчишеские сапожки, которые она очень любила, но двигалась она совсем не так стремительно, свободно и уверенно, как прежде. Я догадалась, что ее жестоко пытали, что, возможно, кости стоп и пальцы на ногах у нее переломаны тисками. Собственно, стражники почти волокли ее по земле, хотя она и сама пыталась как-то переставлять ноги, делая крошечные, осторожные шажки и словно в последний раз пробуя обрести опору на этой зыбкой земле.

На голове у нее не было ни коротко стриженных каштановых волос, ни той мужской шапчонки – ее обрили наголо, точно позорную шлюху, и она казалась совершенно лысой. А на обнаженный череп, на котором еще виднелись пятна засохшей крови там, где бритва поранила бледную кожу, ей напялили высокий бумажный колпак, напоминавший митру епископа, и на этом колпаке неуклюжими буквами написали главные ее грехи, чтобы каждый мог прочесть: еретичка, ведьма, предательница. На Жанне болталась бесформенная белая рубаха, подпоясанная куском дешевой веревки. Рубаха была слишком длинной; ноги Жанны, и без того заплетавшиеся, то и дело путались в подоле, так что выглядела она и впрямь потешно. А раз ее выставили на посмешище, то люди, конечно, тут же принялись хохотать, улюлюкать, мяукать по-кошачьи, кто-то швырнул в нее пригоршню грязи.

Жанна озиралась, словно отчаянно пыталась найти кого-то глазами, и мне вдруг стало страшно: а вдруг она увидит меня и поймет, что я так ничего и не сделала, да теперь уж и не сделаю для ее спасения? Меня просто ужас обуял при мысли, что она может окликнуть меня по имени – ведь тогда все узнают, что я когда-то дружила с этим сломанным клоуном, и я, разумеется, буду навеки опозорена. Но я ошиблась: Жанна вовсе не всматривалась в лица окружающих, распаленные, пылающие возбужденным румянцем – нет, она о чем-то просила. Приглядевшись, я поняла: она настойчиво молила о чем-то, и какой-то солдат, обыкновенный английский солдат, сунул ей в руки деревянный крест, и она благодарно прижала его к себе. Как раз в этот момент ее подняли и привязали к столбу.

[20] Жанну д'Арк действительно сожгли в мае, но здесь намек на народный праздник – Майский день, – отмечаемый танцами вокруг майского дерева и коронованием королевы мая.

Костер был такой высоты, что взгромоздить Жанну наверх оказалось делом нелегким. Ее изувеченные ноги неуклюже скребли по перекладинам лестницы, переломанными пальцами она ни за что не могла ухватиться. Солдаты грубо ее подталкивали и под зад, и под спину, и под бедра, а потом какой-то здоровенный парень, быстро взбежав по лесенке, взял ее за ворот грубой рубахи и втащил наверх, точно мешок, рывком поставил на ноги и прислонил к столбу. Снизу ему бросили кусок цепи, и он, несколько раз обмотав эту цепь вокруг ее тела и накрепко соединив звенья, даже подергал за нее, проверяя на прочность, точно мастеровой. Тот деревянный крест он сунул Жанне на грудь под рубаху. Вдруг к костру сквозь толпу протолкался какой-то монах и поднял вверх распятие. Жанна не сводила с распятия глаз, и я, к стыду своему, ощутила вдруг, что даже рада этому: ведь так она не заметит меня в моем нарядном платье и новом бархатном головном уборе, стоящую среди представителей высшей знати, которые громко переговариваются и смеются, ожидая кульминации действа.

Священник обошел вокруг костра, читая что-то на латыни – это было ритуальное проклятие еретику, но я почти не слышала его из-за пронзительных возгласов одобрения и непрерывного гула, висевшего над возбужденной толпой. Наконец из ворот замка вышли несколько человек с зажженными факелами и направились к костру. Окружив его, они бросили факелы в кучу дров, однако те лишь задымились и разгораться не желали – видимо, кто-то нарочно смочил их, чтобы костер горел медленней, а жертва страдала как можно дольше.

Клубы дыма уже почти скрывали Жанну, но мне все же было видно, как шевелятся ее уста; она по-прежнему не спускала глаз с высоко поднятого распятия и все повторяла: «Иисус, Иисус!», и вдруг меня озарила мысль: а что, если и впрямь свершится какое-нибудь чудо? Что, если начнется гроза и ливень потушит пламя? Или примчится стремительный как молния отряд арманьяков и освободит ее? Однако никаких чудес не случилось. Клубы дыма над костром сгущались, и теперь я с трудом различала в дыму ее белое лицо и шевелящиеся губы.

Огонь занимался слишком медленно, и толпа стала обвинять солдат в том, что они заготовили никуда не годные дрова. Ноги мои в новых жестких туфлях совершенно онемели. Раздался торжественный звон огромного соборного колокола. Жанна совсем исчезла в плотных клубах дыма, лишь временами мелькал знакомый поворот головы, увенчанной бумажной «митрой» – она всегда так поворачивала голову, когда к чему-то прислушивалась. И мне подумалось, что в звоне этого колокола ей, наверное, слышатся голоса ангелов. Вот только что они говорили ей сейчас?

Дрова понемногу разгорались; языки пламени, взлетая вверх, подобрались к ногам Жанны. Внутри кострища дрова оказались гораздо суше – ведь подготовка казни продолжалась несколько недель, – и огонь пылал все ярче. В его грозном свете домишки, окружавшие площадь, словно подскакивали, словно вставали на дыбы. Время от времени в густых клубах дыма стали проскальзывать мощные языки пламени, освещая Жанну, и я заметила, что она по-прежнему упорно смотрит в небеса; потом губы ее дернулись, явственно произнесли: «Иисус!», и головка ее, точно у ребенка, заснувшего сидя, упала на грудь. Она затихла и больше не шевелилась.

И я вдруг, тоже точно ребенок, в отчаянии понадеялась: а может, она и впрямь уснула? Может, это и есть чудо, посланное ей Господом? Тут пламя взметнулось как-то особенно ярко – это загорелась длинная белая рубаха Жанны, и огонь лизнул ее обнаженную спину; затем ее бумажная «митра» стала бурой и, вспыхнув, скорчилась. Однако сама Жанна так и осталась неподвижной и безмолвной, напоминавшей изваяние, маленького каменного ангела. А костер все бушевал, в нем вспыхивали и рассыпались угли, красные искры взмывали высоко к небесам.

Я даже зубами скрипнула от горя и ужаса, но тут же почувствовала, как руку мне сжали тетины пальцы. «Смотри, не упади в обморок, – шепнула она. – Ты должна все выдержать до конца». И мы с ней простояли там до последнего, крепко стиснув руки, с помертвевшими,

ничего не выражающими лицами. Словно это вовсе и не было для нас самым настоящим кошмаром, словно теперь мне не было столь же ясно, как если бы это было написано в небе огненными скрижалями, какой конец ожидает любую девушку или женщину, вздумавшую противиться законам, установленным мужчинами, и решившую самостоятельно строить свою судьбу. Я понимала, что стала свидетельницей не того, как поступают с еретиками, а того, как мужчины уничтожают женщину, возомнившую, что она в чем-то разбирается лучше их.

Сквозь жаркое марево, дрожавшее над костром, я видела замок, и окно своей комнаты, и мою подругу, юную фрейлину Элизабет, которая смотрела вниз, на меня. И когда наши взгляды встретились, я догадалась, что мои широко раскрытые глаза – как и у Элизабет – кажутся пустыми и бессмысленными от пережитого шока. Вдруг Элизабет медленно подняла руку и изобразила в воздухе тот самый знак, который Жанна показала нам когда-то у крепостного рва в солнечный денек: указательным пальцем она нарисовала в воздухе круг – колесо Фортуны, способное и поднять женщину на недосягаемую высоту, позволив ей даже королями командовать, и сбросить ее в бездну, навстречу бесславной и мучительной гибели.

Замок Сен-Поль, Артуа, весна 1433 года

Вернувшись из Руана, я еще несколько месяцев прожила у своего дяди Жана, а затем на целый год уехала к нашим родственникам в Бриенн; лишь после этого моя мать сочла мое воспитание достаточно отшлифованным и позволила мне на какое-то время вернуться домой, где они с отцом стали искать мне подходящего жениха. Так что я жила дома, в нашем замке Сен-Поль, когда мы получили весть о том, что скончалась герцогиня Анна Бедфорд и герцог чувствует себя совершенно потерянным и несчастным. Затем пришло письмо от моего дяди Луи, канцлера герцога Бедфорда, и мать неожиданно пригласила меня к себе.

– Жакетта, это как раз тебя касается, – сообщила она, когда я вошла.

Она сидела в глубоком кресле, а отец стоял у нее за спиной, и оба они строго на меня смотрели. На всякий случай я быстро прикинула, в чем могла провиниться за минувший день. Конечно, имелось немало всяких дел, которые я не доделала; кроме того, утром я пропустила мессу, оставила свою комнату неприбранной, здорово отстала с шитьем. И все-таки мне казалось, что отец вряд ли явился бы в материны покои, чтобы отругать меня за такие пустяки.

– Да, матушка? Я внимательно слушаю.

Мать явно колебалась. Она вопросительно взглянула на отца, но все же решилась и сразу приступила к главному:

– Разумеется, мы с твоим отцом хотели выбрать для тебя достойного мужа, рассматривали различные варианты… мы надеялись… Впрочем, теперь все это не имеет значения, тебе очень повезло: мы получили в высшей степени выгодное предложение. Короче, твой дядя Луи предлагает тебе брак с герцогом Бедфордом.

Я была настолько ошеломлена, что попросту утратила дар речи.

– Это великая честь, – кратко заметил мой отец. – В том числе и для тебя. Ты займешь очень высокое положение в обществе, станешь английской герцогиней и первой дамой Англии после королевы-матери. А во Франции тебе и вовсе не будет равных. Тебе бы следовало на коленях благодарить Господа за подобную милость.

– Что? – пробормотала я, поскольку была совершенно оглушена и ничего не понимала.

Моя мать молчала, только кивала, подтверждая слова отца; оба они смотрели на меня, ожидая ответа.

– Но ведь его жена только что умерла, – слабым голосом пролепетала я.

– Да уж, твой дядя Луи и впрямь отлично постарался ради тебя. Успел раньше всех, назвав герцогу твое имя.

– А мне казалось, что после смерти жены он должен немного подождать и все-таки не сразу жениться снова, – промямлила я.

– По-моему, вы с герцогом уже знакомы? – спросила мать, словно не слыша меня. – Вы ведь еще в Руане познакомились, верно? И потом вы, кажется, встречались с ним в Париже?

– Да, встречались, но ведь он был женат, – довольно глупо попыталась протестовать я. – То есть он, конечно, меня видел…

Я припомнила его мрачный взгляд хищника, который он не сводил с меня, совсем еще ребенка, и то, как я испуганно пряталась за тетину спину, спасаясь от этого взгляда. Я припомнила тот мрачный холл и немолодого мужчину, который, крепко прижимая меня к себе, что-то шептал мне на ухо, а потом как ни в чем не бывало оттолкнул, делая вид, что он тут ни при чем. И ведь это он отдал приказ сжечь Девственницу…

– Но и герцогиня там всегда была, – закончила я. – И с нею я тоже была знакома. Кстати, с ней мы виделись гораздо чаще, чем с ним.

Отец пожал плечами.

– Ну, это уже неважно. Так или иначе, ты герцогу явно понравилась. А уж твой дядя постарался ему напомнить об этом, назвав твое имя. Теперь ты станешь его женой.

– Но он же старый, – тихо промолвила я, адресуя эту мольбу матери.

– Не такой уж и старый. Всего немного за сорок, – возразила она.

– И по-моему, вы говорили, что он серьезно болен! – повернулась я к отцу.

– Тем лучше для тебя, – тут же вмешалась мать.

Она явно намекала, что у пожилого и не слишком здорового мужа требований к жене куда меньше, чем у молодого. А уж если он умрет, то я в свои семнадцать лет вполне могу остаться богатой вдовствующей герцогиней, что намного приятнее, чем в семнадцать лет быть просто герцогиней.

– Но я ведь и не стремлюсь к такой высокой чести, – обратилась я уже к обоим родителям. – Нельзя ли мне под каким-нибудь предлогом отказаться от этого брака? Боюсь, я недостойна его.

– Мы принадлежим к одному из знатнейших семейств христианского мира, – высокомерно произнес мой отец. – Мы – родственники самого императора Священной Римской империи. Как ты можешь быть недостойна герцога?

– Нет, ни под каким предлогом отказаться ты не можешь, – отрезала мать. – С твоей стороны это было бы непростительной глупостью. Да ты радоваться должна такой партии! Любая девушка и во Франции, и в Англии правую руку бы за это отдала! – Мать помолчала, откашлялась и добавила: – Герцог Бедфорд – самый могущественный человек во Франции. Да и в Англии – после короля, разумеется. А если нынешний английский король умрет…[21]

– Чего Господь, конечно, не допустит, – поспешно вставил мой отец.

– Да, Господь, конечно, этого не допустит, но если все же Генриху суждено умереть, то именно герцог Бедфорд станет наследником трона, а ты – королевой Англии. Ну, что ты на это скажешь?

– Я никогда не думала, что выйду замуж за такого человека, как герцог.

– Ну, так теперь самое время подумать, – резко заявил отец. – В апреле он приезжает сюда, чтобы сыграть свадьбу.

Мой дядя Луи, епископ Теруанский и канцлер герцога, был на моей свадьбе одновременно и распорядителем, и священником. Он же эту свадьбу и устроил. Пышный прием состоялся у него в епископском дворце, и Джон Бедфорд въехал туда верхом на коне в сопровож-

[21] Генрих VI (1422–1471) действительно отличался слабым здоровьем и явной нехваткой здравого смысла; сознание его не раз помрачалось; возможно, он унаследовал безумие от своего деда, Карла VI Валуа; во всяком случае, к 1453 г. он почти окончательно утратил рассудок.

дении целого отряда охраны, одетой в красно-белые ливреи. Я ждала в дверях; на мне было платье бледно-желтого цвета и высокий головной убор с золотистой вуалью.

Один паж герцога торопливо взял его коня под уздцы, а второй опустился возле коня на четвереньки, предложив герцогу спину в качестве «ступеньки», чтобы его господину было удобнее спешиться. Герцогу это далось явно нелегко, он сперва вынул ногу из стремени, затем медленно поставил ее на спину пажа и только после этого с достоинством сошел на землю. Никто не проявил по этому поводу ни малейшего удивления. Могущество герцога было столь велико, что пажи считали за честь подставить собственную спину ему под ноги. Оруженосец принял у Бедфорда шлем и латные перчатки и скромно отступил в сторонку.

– Милорд! – воскликнул мой дядя-епископ.

Он тоже приветствовал своего господина с несколько преувеличенным, хотя и довольно искренним восторгом и низко склонил голову, целуя ему руку. Герцог одобрительно похлопал его по спине и повернулся к моим родителям. Наконец, когда взаимный обмен любезностями закончился, он обратил внимание на меня: решительно шагнул ко мне, взял за обе руки, притянул к себе и поцеловал в губы.

Давно не бритая борода его была колючей, изо рта дурно пахло; такое ощущение, будто меня лизнул охотничий пес. Когда он приблизил ко мне лицо, оно показалось мне каким-то слишком крупным; впрочем, и когда он отодвинулся от меня, оно осталось таким же большим. Возле меня он долго не задержался и даже ни разу толком на меня не посмотрел – ему было достаточно одного лишь этого плотоядного поцелуя. Затем он сразу обратился к моему дяде с вопросом: «А не найдется ли у вас случайно доброго вина?», и все дружно рассмеялись, потому что это была их с дядей личная шутка, связанная с каким-то периодом их многолетней дружбы. Дядя повел всех в дом, и герцога, и моих родителей, а я немного замешкалась, глядя вслед старшим, и вдруг заметила рядом с собой оруженосца герцога.

– Миледи, – произнес он и низко мне поклонился, сняв шляпу.

Доспехи герцога он тут же сунул кому-то из слуг. Он был темноволос, его волосы были острижены над самыми бровями ровной челкой, из-под которой на меня смотрели красивые серо-голубые глаза. Улыбка у него была какая-то очень забавная – казалось, он все время чему-то удивляется. На мой вкус, он был поразительно хорош собой, а потом я услышала, как об этом шепчутся и наши фрейлины. Поклонившись, молодой человек предложил мне опереться о его руку, дабы он мог проводить меня в дом. Я взяла его под локоть и под мягкой кожей перчатки ощутила тепло его тела. А он, сдернув перчатку с другой своей руки, нежно стиснул мои пальцы. И мне это было чрезвычайно приятно! Мне вдруг захотелось, чтобы он взял мою руку в свои теплые ладони, чтобы обнял меня за плечи, крепко прижал к себе…

Я даже головой тряхнула, стараясь прогнать столь неуместные мысли, и ответила ему – резко, точно неуклюжая девчонка:

– Благодарю вас, я и одна прекрасно могу войти в дом!

И, отняв у него свою руку, поспешила следом за взрослыми.

Трое мужчин сидели с бокалами в руках, а моя мать устроилась на широкой скамье у окна и следила за слугами, которые то подносили господам печенье и сласти, то подливали в бокалы вина. Я подошла к ней вместе с фрейлинами и двумя моими младшими сестрами, которых ради столь важного события нарядили в праздничные платья, позволив побыть в компании взрослых. «Жаль, что мне не восемь лет, как Изабель», – думала я, ведь я не могла, как она, с интересом разглядывать герцога Бедфорда, восхищаться его величием и быть уверенной, что уж мне-то он ничего такого не скажет и, скорее всего, меня и вовсе не заметит. Увы, теперь я считалась уже почти взрослой, и когда я посмотрела на него, он, хоть и не сразу, тоже посмотрел на меня, и в его глазах сверкнуло такое алчное любопытство, что мне снова захотелось спрятаться, только на этот раз прятаться было негде.

Накануне венчания мать зашла ко мне в спальню. Она принесла платье для завтрашней церемонии и бережно положила его в изножии постели. Высокий головной убор с вуалью уже красовался на специальной подставке – на всякий случай подальше от зажженных свечей.

Служанка расчесывала мне волосы перед серебряным зеркалом, и, когда появилась моя мать, я прервала ее:

– Достаточно, Маргарет.

Девушка тут же заплела мои длинные волосы в свободную косу, завязала на конце ленту и удалилась.

Мать неловко присела на краешек кровати.

– Я хочу поговорить с тобой о том, что такое брак, – начала она. – О том, каковы отныне будут твои обязанности замужней женщины. Полагаю, тебе следует это знать.

Повернувшись к ней, я молча ждала продолжения.

– Этот брак в высшей степени выгоден для тебя, – напомнила она. – Мы, конечно, и сами из Дома Люксембургов, но стать английской герцогиней – великая честь.

Я кивнула. И все думала, обмолвится ли она хоть словом о том, что происходит в первую брачную ночь. Я боялась герцога; меня страшили и его могущество, и его грубая сила, а уж мысль о том, что мне придется делить с ним ложе, меня просто в ужас приводила. Я не так давно сама стала свидетельницей того, как во время свадьбы жениха и невесту проводила в спальню целая толпа гостей, их уложили в кровать, а утром снова явились к ним с хохотом, с музыкой, с песнями, а потом мать кого-то из новобрачных вынесла из спальни простыни, красные от крови. Но никто не пожелал объяснить мне тогда, что же там все-таки стряслось, какая беда случилась. Гости вели себя так, словно все просто замечательно, и страшно радовались, видя эту кровь на простынях. Все они смеялись и почему-то поздравляли жениха. Может быть, хоть теперь, надеялась я, мать скажет мне, что все это значит.

– Впрочем, для него самого этот брак отнюдь не является таким уж выгодным, – рассуждала между тем она. – Это может очень дорого ему стоить.

– Дорого? – удивилась я, подумав, что ему, наверное, надо купить разрешение на мне жениться. – Ему придется за меня заплатить?

– Это может стоить ему отношений с союзниками, – строго произнесла мать. – У него давно установились теснейшие отношения с герцогами Бургундскими; он вместе с ними сражался с арманьяками. Без поддержки Бургундии Англии было бы не выдержать такой войны. Кстати, не забывай, что его женой была Анна Бургундская, сестра нынешнего герцога Бургундского. А она всегда очень заботилась о дружеских отношениях между ее братом и мужем. Теперь она, увы, умерла, и некому поддерживать эту дружбу, некому помочь им устранить возникающие противоречия…

– Но ведь и я не смогу им помочь, – возразила я, вспоминая герцога Бургундского, которого за всю свою жизнь видела, может, полдюжины раз, а он, скорее всего, меня и вовсе ни разу не заметил.

– Нужно попытаться! – резко заявила моя мать. – Это твой долг. Став английской герцогиней, ты должна будешь приложить все силы, чтобы союз Англии и Бургундии не распался. Твой будущий муж наверняка надеется, что ты сумеешь развлечь нужных ему людей, прежде всего его союзников, и постараешься очаровать их.

– Очаровать?

– Да, именно очаровать. Но тут может возникнуть одна трудность. Поскольку милорд Джон Бедфорд немного поторопился со свадьбой – ведь после смерти его жены прошло совсем мало времени, – герцог Бургундский счел это оскорблением памяти покойной сестры и не слишком хорошо отнесся к намерению Бедфорда.

– Так зачем спешить? – обрадовалась я. – Если эта свадьба столь сильно огорчает герцога Бургундского? Конечно же ее следует отложить по крайней мере на год, чтобы не вызывать его

неудовольствия. Он ведь наш родственник, а не только союзник герцога Бедфорда. Наверное, и нам не следовало бы обижать его, не так ли?

Мать слабо улыбнулась и напомнила:

– Этот брак сделает тебя герцогиней. Это куда более высокий титул, чем даже у меня.

– Я спокойно могу стать герцогиней и через год. – Мысль о том, что можно избежать свадьбы или отсрочить ее хотя бы на год, наполнила мою душу надеждой. – Можно было бы просто заключить помолвку и подождать.

– Лорд Джон ждать не станет, – ответила мать. – Так что на это даже не рассчитывай. Я только хотела тебя предупредить: взяв тебя в жены, он может потерять сильнейшего своего союзника. А потому ты должна приложить максимум усилий, чтобы удержать герцога Бургундского в числе его друзей. Ты должна постоянно напоминать им обоим, что мы родственники бургундцев и вассалы их Дома. Поговори с герцогом Бургундским наедине. Пообещай ему, что всегда будешь помнить о нашем родстве. Постарайся сделать все, чтобы сохранить дружбу между этими двумя герцогами, Жакетта.

Я кивнула, хотя действительно не понимала, как именно я, семнадцатилетняя девочка, могу восстановить дружеские отношения между самыми могущественными людьми Англии и Франции, учитывая, что каждый из них достаточно стар и годится мне в отцы. Но мне, естественно, пришлось согласиться.

– А сам брак… – начала я и осеклась.

– Да?

Набрав в грудь воздуха, я решилась:

– Что в действительности происходит после самой свадьбы?

Мать пожала плечами, слегка поморщилась, явно считая, что обсуждать такие вещи недостойно, неприлично, а может даже, у нее и слов-то для этого подходящих не было.

– Ах, моя дорогая, ты просто исполняй свой долг. Твой муж сам объяснит тебе, чего от тебя ожидает. Сам скажет, что и как тебе делать. Разумеется, герцог вовсе не думает, что тебе и так уже все известно, и наверняка предпочтет сам стать твоим наставником.

– А это больно? – спросила я.

– Да, – с унылым видом подтвердила она. – Но не очень долго. Поскольку он гораздо старше тебя и гораздо опытней, то наверняка постарается, чтобы тебе было не слишком больно и страшно. – Мать немного помолчала, явно колеблясь, и прибавила: – Но если он все-таки причинит тебе боль…

– Да, мама?

– Не жалуйся на это.

Бракосочетание должно было состояться в полдень, и в восемь утра меня начали готовить. Служанка принесла мне целую гору хлеба и мяса, а также немного эля, чтобы поддержать мои силы в преддверии торжественного и утомительного дня. От такого количества еды на подносе я даже захихикала.

– Я же не на охоту собралась! Или, может, ты забыла?

– Нет, конечно, – зловещим тоном произнесла она, – это на вас, госпожа, охота будет!

Стоявшие поодаль служанки и фрейлины дружно закудахтали, точно куры-несушки. К сожалению, это была последняя шутка, которой я обменялась с ними за весь тот день.

Несколько помрачнев, я уселась за стол и принялась за еду. Фрейлины все не умолкали, продолжая всячески развивать столь выигрышную тему: предстоящую охоту на меня и то удовлетворение, которое испытает охотник, поймав свою добычу. К счастью, вскоре в комнату вошла моя мать, а следом двое слуг вкатили круглую деревянную бочку, чтобы я могла хорошенько выкупаться.

Бочку поместили перед камином, где жарко горел огонь, выстлали дно мягкой тканью и кувшин за кувшином налили туда горячую воду. Служанки так и носились взад-вперед; они

принесли простыни для вытирания, выложили на постель мое новое белье и нижние юбки и без конца трещали, восхищались кружевами, ленточками и тем, какое все красивое и как мне повезло. Наконец мать, заметив мое напряженное лицо, выгнала их всех из комнаты; осталась только моя старая нянька, которая заботливо потерла мне спину и хорошенько промыла волосы, один за другим выливая мне на голову целые кувшины теплой воды. Я чувствовала себя ягненком, которого, готовя к закланию, тщательно моют и причесывают, а потом попросту перережут ему горло; и мысль эта, надо сказать, была далеко не самой приятной.

Но моя няня Мари как ни в чем не бывало весело щебетала, восхищаясь моими чудесными волосами и нежной кожей, и говорила, что если б она была хотя бы наполовину так же хороша, как я, то непременно при первой же возможности убежала в Париж. Выкупав меня, она старательно просушила мне волосы, заплела в косу и стала меня наряжать; тут уж и я не могла не оценить новую льняную рубашку с прелестными ленточками, которую надевают под платье, новые туфельки, новое изумительное платье из шитой золотом парчи и новый головной убор. Опять явились фрейлины и служанки; они завязали ленты и кружева на платье, поправили головной убор и раскидали мне по плечам длинную фату. Наконец меня объявили готовой к венчанию, заявив, что такой прекрасной невесты сроду никто не видал.

Я повернулась к большому зеркалу, которое мать заранее приказала внести в мою спальню; фрейлины держали его передо мной, чуть наклоняя то в одну сторону, то в другую, чтобы я могла как следует полюбоваться собственным отражением, подолом подвенечного платья, украшенным дивной вышивкой в виде маленьких красных львов, вставших на дыбы – такой лев есть и в гербе нашего Дома, – и чудесными мягкими туфельками из красной кожи с загнутыми кверху носками. Затем они повернули зеркало вертикально, и я рассмотрела само платье: оно было из золотой парчи, чуть присборено под грудью, на завышенной линии талии; тяжелый, расшитый золотом прекрасный пояс свисал вдоль моих хрупких бедер чуть ли не до полу. Я сделала нетерпеливый жест, и фрейлины приподняли зеркало, чтобы я могла лучше видеть обшитый драгоценными кремовыми кружевами глубокий вырез платья, золотые рукава, ниспадавшие с плеч, и соблазнительно выглядывавшую сквозь прорези на плечах белоснежную льняную рубашку. Затем я внимательно изучила лицо и волосы, гладко зачесанные назад, заплетенные в косу и убранные под высокий головной убор. Все это смотрелось так торжественно, что я, как завороженная, все не могла отвести глаз от материного серебряного зеркала. В утреннем свете мои серые глаза казались особенно большими и выразительными, кожа была чистой и гладкой, как жемчуг. Пожалуй, в этом зеркале я напоминала прекрасную мраморную статую и, глядя на собственное отражение, все пыталась понять, кто же я такая на самом деле; на мгновение мне даже показалось, что я вижу не себя, а Мелюзину, основательницу нашего рода, взирающую на меня из серебристых глубин зазеркалья, словно со дна озера, залитого лунным светом.

– Когда ты станешь герцогиней, у тебя, конечно же, будет собственное большое зеркало, – сказала мне мать. – И вообще – все самое лучшее. И все ее наряды достанутся тебе.

– Ты имеешь в виду герцогиню Анну?

– Естественно! – ответила она таким тоном, словно носить платья только что умершей женщины – это невероятное счастье. – У нее были самые лучшие соболя на свете. А теперь они станут твоими.

– Чудесно, – вежливо промолвила я. – А свою одежду мне можно будет взять с собой?

Мать рассмеялась.

– Ты станешь первой дамой Франции и почти первой дамой Англии! Ты получишь все, что твой муж пожелает тебе подарить. И очень скоро научишься внушать ему, что именно он должен пожелать.

Кто-то из женщин заметил, прикрывая рот рукой, что такая красавица, как я, способна убедить такого старого мужчину, как герцог, даже если у меня одна рука будет привязана за

спиной. Кто-то прибавил: «Даже если у нее обе руки будут связаны за спиной. Так даже лучше получится!» Все засмеялись, а я и не поняла, почему.

– Он будет любить тебя, – заверила меня мать. – Он и теперь уже от тебя без ума.

Я промолчала. Я все смотрела на ту молодую женщину в зеркале. И почему-то мысль о том, что Джон Бедфорд от меня без ума, вовсе меня не радовала.

Венчание длилось примерно час. Служба велась на латыни, так что я не поняла и половины тех обетов, которые мне пришлось произнести, хотя это были не просто обещания верности, которые дают молодые люди во время помолвки, а нечто куда более торжественное и серьезное. Зал во дворце епископа был полон совершенно незнакомых мне людей, которые явились посмотреть на невесту и отпраздновать выпавшую ей великую удачу. Когда все клятвы были наконец принесены, мы двинулись сквозь эту толпу – я шла под руку со своим мужем, едва касаясь кончиками пальцев его рукава, – и со всех сторон слышался прямо-таки рев одобрения, и повсюду, куда бы я ни взглянула, я видела лишь чужие, алчно улыбающиеся лица.

Затем мы сели во главе праздничного стола, лицом к собравшимся в зале; на галерее взвыли трубы; подали первую дюжину блюд с угощением. Слуги, неся их на уровне плеч, сразу направились к нам и положили понемножку каждого из двенадцати кушаний на отдельную золотую тарелочку; герцог, попробовав кушанья, указал слугам, кому из его фаворитов следует в первую очередь поднести то или иное угощение. Для всех остальных тут же внесли в зал огромные блюда с мясом и гигантские подносы с белым хлебом. В общем, это был поистине великий пир; мой дядя Луи не пожалел средств, чтобы ублажить своего покровителя и отметить мое возвышение, ведь теперь я стала членом английской королевской семьи.

Вино вносили в огромных золоченых кувшинах, наполняя кубок за кубком. Почетные гости, сидевшие за тем столом, где в центре стоял высокий золоченый сосуд с солью, могли пить вина, сколько угодно, и они весьма охотно пользовались этой возможностью. Да и внизу менее знатные гости и слуги кружку за кружкой потягивали самый лучший эль, сваренный специально для сегодняшней свадьбы, особым образом подслащенный и сдобренный изрядным количеством специй.

Затем явился второй «претендент»; он въехал верхом на коне прямо в парадный зал, бросил оземь латную перчатку и выкрикнул мое имя. Его конь выгибал мускулистую шею и нервно косил глазом на столы и огромный круглый камин в центре зала. Мне пришлось встать, обойти то круглое возвышение, на котором находился стол жениха и невесты, и подать «претенденту» золоченую чашу с вином. Потом он объехал весь зал; его конь осторожно ступал по полу своими могучими копытами, неся в украшенном чеканкой парадном седле всадника в тяжелых доспех. Наконец «претендент» аккуратно покинул зал. Меня изрядно удивило соблюдение подобного обычая и тем более то, что в зал во время торжественного обеда впустили рыцаря в доспехах, да еще и на таком могучем коне. Я подняла голову и тут же встретилась взглядом с тем молодым оруженосцем; ему все это тоже явно показалось довольно нелепым, и он с трудом сдерживал смех. Как, впрочем, и я. Чтобы не засмеяться, мы оба быстро отвели глаза в сторону и больше старались друг на друга не смотреть, но я все же не выдержала и хихикнула.

Одних только мясных блюд было не менее двадцати перемен; за ними последовали десять рыбных, потом со столов все убрали и подали рейнское вино и к нему множество различных варений и засахаренных фруктов. Когда гости отведали этих кушаний, внесли последнюю перемену – марципаны, печенья, пряники, украшенные настоящими золотыми листочками, те же засахаренные фрукты и прочие сласти. Затем выступал шут. Он жонглировал всевозможными предметами, отпуская при этом непристойные шутки насчет юности и старости, мужчины и женщины, а также жаркого брачного ложа, где пылает огонь, на котором выковывается новая жизнь. Следом в зале появились актеры и музыканты, представившие живую картину, символизирующую могущество Англии и красоту Люксембурга в виде прекрасной женщины, почти

обнаженной, если не считать длинного зеленого шлейфа-хвоста – явно символа Мелюзины. Самым лучшим был актер в костюме льва – лев есть в гербах обеих наших стран, – этот лев прыгал и плясал с невероятной силой и изяществом, а потом, слегка запыхавшись, подошел к столу жениха и невесты и склонил передо мной свою огромную голову. Его грива представляла собой массу золотистых кудрей, от которых, правда, попахивало мешковиной; лицо закрывала разрисованная бумажная маска, не прятавшая только честный улыбающийся взгляд. Я стала надевать актеру на шею свою золотую цепочку, и, когда протянула к нему руки, он вдруг поднял голову, и в прорезях маски блеснули уже знакомые мне синие глаза; только тут я догадалась, что мои ладони покоятся на плечах того красивого оруженосца, а я так близко от него, что могу даже незаметно поцеловать, пока вожусь с этой цепочкой.

Наконец мать кивком дала мне понять, что мы можем покинуть пиршественный зал. Все женщины и музыканты разом поднялись и в танце двинулись по кругу, построились в ряд и высоко вскинули сомкнутые руки. Я шла по этому живому коридору; все девушки желали мне счастья, а женщины благословляли меня. Мои младшие сестренки, семеня передо мною в танце, бросали мне под ноги розовые лепестки и маленькие золотые ключики. Затем я стала подниматься по широкой лестнице, и гости толпой потянулись за мною следом; у меня даже возникло подозрение, что все они собираются втиснуться вместе со мной в спальню, однако отец остановил их у дверей, и я перешагнула порог спальни только в сопровождении матери и ее фрейлин.

Сначала они вынули у меня из волос шпильки, сняли мой высокий головной убор и аккуратно поместили его на высокую подставку. Потом распустили мне волосы, и только тут я почувствовала, как болит кожа головы из-за того, что косы заплели слишком туго; я невольно даже виски потерла. Затем мне на плечах развязали кружева, сняли расшитые золотом рукава и распустили ленты на спине; платье упало на пол, и я осторожно его переступила. Платье тут же понесли прочь, чтобы вытряхнуть его, напудрить и повесить в шкаф – до следующего торжественного события, когда я смогу в него нарядиться, будучи уже настоящей герцогиней Бедфорд; тогда лишь красные львы на подоле будут напоминать мне о том Доме, к которому я некогда принадлежала. Развязав на плечах кружевные завязки льняной рубахи, фрейлины раздели меня догола, и я задрожала от холода и страха; но они поспешно накинули на меня через голову ночную рубашку, закутали в теплую шаль, усадили на табурет, принесли лохань с горячей душистой водой, и я с наслаждением опустила туда заледеневшие ступни. Потом одна из женщин расчесала мне волосы, а другие расправили вышитый подол моей рубашки и складки шали у меня на плечах. В комнате навели порядок. Когда мои ноги согрелись, их досуха вытерли, заплели мне волосы в свободную косу, водрузили на голову ночной чепец и настежь распахнули двери.

Мой дядя Луи в епископской ризе, с митрой на голове покружил по комнате, покачивая кадилом, благословляя каждый угол и желая мне счастья и здоровья, а более всего – много-много деток, рожденных в великом союзе Англии и Люксембурга. «Аминь, – ответила я, – аминь», но дядя, судя по всему, меня не слышал; мне казалось, что он так никогда и не перестанет махать своим кадилом. Тут снизу, из зала, донеслись громкие мужские голоса, смех, пронзительный вой труб и грохот барабанов, и в спальню ввели моего жениха, старого герцога Бедфорда.

Его, собственно, не ввели, а внесли на плечах под оглушительные вопли «Ура! Ура!» и поставили на ноги лишь на пороге спальни, явно намереваясь ввалиться туда следом за ним. Сотни людей в коридоре и в иных помещениях за дверями спальни с любопытством вытягивали шеи, чтобы увидеть, что там творится, крича другим, чтоб проходили скорее. Ворвался шут с зажатой в руке погремушкой из бычьего мочевого пузыря; тыча рукой в сторону кровати, он заявил, что постель должна быть достаточно мягкой – так герцогу будет легче на нее приземляться. Его слова вызвали дружный хохот, который волной выкатился из спальни и долго

еще раздавался за ее пределами и даже внизу, в зале, поскольку острота, видимо, была сказана не один раз. Затем шут велел девушкам разжечь пожарче огонь в очаге, чтобы постель стала «еще горячей», и принести в спальню кувшин со свадебным элем, ведь герцога вскоре, вполне возможно, начнет мучить жажда, а если он встанет среди ночи… «Встанет он среди ночи…!» – громко повторил шут, и все снова рассмеялись.

Трубы опять оглушительно взвыли, и мой отец произнес: «Ну что ж, оставим их, и да благословит их Господь! Спокойной ночи, мои дорогие!» Мать поцеловала меня в лоб, затем – ее фрейлины, затем – добрая половина вломившихся в спальню гостей. Мать сама подвела меня к брачному ложу и помогла мне устроиться. Я сидела, опершись о подушки и застыв, как резной деревянный болванчик. По другую сторону кровати раздевался герцог; синеглазый оруженосец принимал его одежды, потом откинул простыни и поддержал хозяина, пока тот забирался в постель. На меня оруженосец не смотрел; и я продолжала хранить неподвижность, точно кукла, одной рукой крепко сжимая под самым подбородком ворот ночной рубашки.

Теперь мы с герцогом находились на кровати бок о бок, но и не думали ложиться, а сопровождающие всё никак не расходились, всё смеялись, всё шутили, всё желали нам добра, пока мои отец и дядя чуть ли не силой выпроводили их за дверь. Но и за закрытой дверью нам были отлично слышны их громкие голоса – они пели, спускаясь по лестнице, требовали еще вина, поскольку они хотят выпить за здоровье счастливых жениха и невесты, а также «смочить головку младенцу», который, если на то есть Божья воля, будет зачат в первую же брачную ночь.

– Ты как, Жакетта? – обратился ко мне герцог, когда в комнате наконец относительно стихло и свечи стали гореть ровнее, поскольку двери были затворены.

– Хорошо, милорд, – отозвалась я.

Однако сердце у меня в груди стучало так сильно, что я боялась, как бы он не заметил этот стук. Страшнее всего было то, что я понятия не имела, как мне себя вести и что я должна делать. Опасалась я и того, чего же потребует от меня мой супруг.

– Можешь ложиться и спокойно спать, – тяжело обронил он, – сам я пьян и до смерти устал. Надеюсь, ты будешь счастлива со мной, Жакетта. А я постараюсь быть тебе добрым мужем. Ладно, ложись и спи. И я тоже буду спать, поскольку напился как сапожник.

Он нырнул под одеяло, повернулся на бок, словно не видел нужды ни действовать, ни что-то еще обсуждать, и через несколько секунд уже храпел так громко, что я испугалась, как бы его не услышали внизу. Я же еще долго лежала без сна, боясь даже пошевелиться. Но потом, когда дыхание герцога стало более глубоким и замедленным, а храп сменился ровным негромким гудением и сонным ворчанием, я все же решилась: выскользнула из постели и сделала добрый глоток свадебного эля – ведь, в конце концов, это все-таки моя свадьба! Затем задула свечи, вернулась в теплую кровать и легла, с изумлением чувствуя рядом с собой огромную тушу столь мало знакомого мне спящего мужчины.

Мне казалось, что я глаз до утра не сомкну. Снизу по-прежнему доносились крики и громкое пение; наконец гости с шумом высыпались во двор, вразнобой приказывая слугам принести факелы и показать место для ночлега. Мой новоиспеченный муж мерно рокотал рядом, его храп напоминал рев медведя, угодившего в медвежью яму-ловушку – был таким же бессмысленно громким и угрожающим. Я думала о том, что вряд ли еще когда-либо в жизни мне доведется спать рядом с другим таким же могучим и могущественным человеком; и под жужжание подобных мыслей, под аккомпанемент собственных недовольных вздохов по поводу подобного соседства в постели и того, насколько все-таки со мной несправедливо поступили, я как-то незаметно погрузилась в сон.

Проснувшись, я обнаружила, что герцог уже не спит. Он одевался, натягивал штаны; под его белой льняной рубашкой, распахнутой на груди, виднелось обширное брюхо и мясистая волосатая грудь. Я села в постели, покрепче стиснув у горла ворот ночной рубашки.

– Милорд…

– Доброе утро, женушка! – с улыбкой приветствовал он меня. – Хорошо ли спала?

– Да, – отозвалась я. – И вы, по-моему, тоже.

– Я храпел? – весело спросил он.

– Немножко.

– Куда там – немножко! Наверняка грохотал, точно гром небесный, ведь так?

– Ну, в общем, да.

Он усмехнулся.

– Ничего, ты привыкнешь. Анна говаривала, что у нее такое ощущение, будто она живет у моря и вечно слышит прибой. А к постоянному шуму, как известно, привыкаешь. И тогда будит уже не шум, а внезапно наступившая тишина.

При упоминании об Анне, моей предшественнице, я невольно вздрогнула и моргнула.

Обойдя кровать и оказавшись на моей стороне, он тяжело плюхнулся прямо мне на ногу.

– Ох, извини!

Я подвинулась, и он снова уселся.

– Послушай, Жакетта, я значительно старше тебя. Должен признаться сразу: я не смогу подарить тебе сына. Я вообще никому не смогу подарить ребенка. Мне очень жаль, но это так.

Легко вздохнув, я ждала, какую еще ужасную новость он сообщит. Я-то решила, что он женился на мне ради рождения наследника. Зачем еще мужчине молодая жена? Но он ответил на этот вопрос мгновенно, еще до того, как я задала его.

– И невинности я тебя не лишу, не бойся, – тихо произнес он. – Во-первых, потому, что я больше уже не мужчина, так что при всем желании сделать этого не смогу, а во-вторых, я и не хочу заниматься этим с тобой.

Мои пальцы невольно еще сильнее сжали ворот рубашки. Моя мать будет возмущена и оскорблена, как только узнает об этом. Еще хуже воспримет это мой отец.

– Милорд, мне, право, очень жаль… Значит, я не нравлюсь вам?

Он хохотнул.

– Разве ты можешь не нравиться мужчине? Ты самая восхитительная девушка во Франции, Жакетта. Но я выбрал тебя не только из-за твоей исключительной красоты и юности. Есть и иная причина. Видишь ли, я хочу предложить тебе нечто куда более важное и интересное, чем делить со мной постель. Да стоит мне приказать, и любая французская девушка… Но ты, безусловно, заслуживаешь значительно большего. Разве тебе самой это не известно?

Я тупо помотала головой.

– Демуазель как-то обмолвилась, что у тебя имеется некий дар, – пояснил он тихо.

– Моя двоюродная бабушка?

– Да. Она сказала твоему дяде, что ты унаследовала тот дар, которым обладали многие женщины в вашем семействе – дар предвидения. Ну а твой дядя уже сказал мне.

Некоторое время я молчала.

– Я не понимаю…

– Во всяком случае, она полагала, что у тебя есть определенные способности. Она ведь беседовала с тобой об этом? По словам твоего дяди, ты с ней даже чем-то таким занималась, она оставила тебе все свои книги и магический браслет с амулетами. А также – ты порой слышишь какое-то пение.

– Он вам и об этом говорил?

– Да, и об этом. Мне кажется, твоя бабушка завещала тебе все эти вещи потому, что была уверена: ты сумеешь ими воспользоваться.

– Милорд…

– Это не ловушка, Жакетта, и я вовсе не пытаюсь выдавить из тебя признание…

«Но ты же обманул Жанну д'Арк, заставил ее подписать признание!» – с горечью подумала я.

– Я тружусь на благо моей страны и моего короля, и мы уже почти у цели, так что вскоре, если Господу будет угодно, сумеем найти эликсир, способный исцелять умирающих, и даже философский камень!

– Философский камень?

– Мы, Жакетта, как я надеюсь, очень близки к открытию способа, превращающего железо в золото. Очень близки! И тогда…

Я молча ждала продолжения.

– И тогда у меня будет достаточно денег, чтобы заплатить моей армии, и она завоюет для меня во Франции каждый город. И тогда господство Англии распространится по всему миру, и повсюду настанет жизнь, полная благоденствия и покоя. И мой племянник-король будет править своей страной и уверенно сидеть на троне, и бедняки в Англии легко прокормят себя, не платя разорительные налоги, которые доводят их до нищеты. Это будет совсем иной, новый мир, Жакетта. И мы с тобой взойдем на его престол. Мы за все станем платить золотом, которое будут добывать прямо в Лондоне, а не копать в шахтах Корнуолла и не мыть в золотоносных ручьях Уэльса. Наша страна будет самой богатой на свете! И я очень надеюсь, что уже через несколько месяцев мой план осуществится.

– А я вам зачем?

Он молча покивал; видимо, этот вопрос вернул его к реальности, и он осознал, что сегодня всего лишь первое утро нашей совместной жизни – наше первое утро после брачной ночи, которая таковой вовсе и не была.

– Ах да. Ты. Прости. Дело вот в чем: мои алхимики и астрологи утверждают, что нам необходим кто-то, обладающий таким же даром, как у тебя. Кто-то, умеющий гадать по магическому кристаллу и видеть в зеркале или на поверхности воды то, что готовит нам будущее. В общем, моим ученым необходим помощник с чистыми руками и чистым сердцем. И это должна быть женщина, молодая женщина, которая никогда и никого не лишила жизни, никогда и ничего не украла и никогда не ведала греховной страсти. Перед нашей с тобой первой встречей я как раз накануне узнал, что мы не можем двинуться дальше в научных изысканиях, если не найдем такую женщину, точнее, юную девственницу, которая способна заглянуть в будущее, которая способна приманить единорога.

– Но милорд…

– Это твои слова. Помнишь? В Руане, в вестибюле замка? Ты заявила мне, что настолько чиста, что могла бы приручить единорога.

Верно. И дернул же черт за язык. Лучше бы я молчала!

– Конечно, ты стесняешься, тебе очень хочется убедить меня, что ничего такого ты делать не умеешь. Я понимаю твою сдержанность и твои опасения. Но скажи мне хотя бы вот что: лишила ли ты хоть кого-нибудь жизни?

– Нет, разумеется, нет!

– Ты хоть раз в жизни что-нибудь украла? Хотя бы жалкий гостинец. Хотя бы грош из чужого кармана.

– Нет, конечно.

– Ты когда-либо желала мужчину?

– Нет! – воскликнула я.

– А ты когда-нибудь предсказывала будущее – любым способом?

Тут я заколебалась. Я вспомнила Жанну, и карту с «Повешенным», и колесо Фортуны, которое в итоге сбросило ее в самый низ, и то волшебное пение, которое разливалось в воздухе над башнями замка ночью, когда умерла демуазель де Люксембург…

– Мне кажется, я пробовала. Я, правда, не совсем уверена… Иногда что-то видится мне, хотя я не прилагаю никаких специальных усилий, не пытаюсь ничего узнать об этом.

– Ну, а единорога ты могла бы подманить?

Не удержавшись, я нервно хихикнула.

– Милорд, это же просто такое выражение! Это же просто картинка, вытканная на гобелене![22] Понятия не имею, что для этого нужно…

– Говорят, единственный способ поймать единорога – это отправить в лес девственницу и оставить ее там одну. И это должна быть девушка, которой еще не касалась рука ни одного мужчины. Тогда единорог сам выйдет из чащи, приблизится к девушке и положит голову ей на колени.

Я лишь плечами пожала.

– Мне известно, что так говорят, но сама я ничего о единорогах не знаю, милорд. Не знаю даже, существуют ли они на самом деле.

– Это неважно. Так или иначе, но как девственница ты представляешь для меня величайшую ценность. Как девственница, как дочь Мелюзины, как наследница ее дара. Как юная супруга ты была бы для меня радостью, удовольствием, но не более того. Я женился на тебе, имея в виду куда более далекие и важные цели. Мне мало, если ты всего лишь будешь покорно ложиться на спину, дабы я мог удовлетворить свои мужские потребности. Теперь тебе ясно?

– Не совсем.

– Не страшно. Итак: мне нужна молодая женщина, вернее, чистая девственница, которая бы выполняла все мои требования, телом и душой принадлежала бы мне настолько, насколько мог бы принадлежать раб, которого выкупили с турецких галер. Надеюсь, все это я обрету в тебе. Позже ты сама поймешь, чего конкретно я хочу от тебя, и, полагаю, сама станешь с интересом выполнять мои просьбы и поручения. И обещаю тебе: ты ни в коем случае никогда не испытаешь ни страданий, ни страха. – Герцог встал, вынул из ножен, висевших у него на поясе, кинжал и добавил: – А теперь нам нужно испачкать простыни кровью. И если кто-то поинтересуется, как прошла твоя первая ночь со мной – допустим, твои родители, – ты ответишь, что я был довольно тяжел, тебе было немножко больно и ты надеешься, что мы сумели зачать ребенка. Но главное: ни слова о той жизни, которая нам с тобой предстоит. Пусть все считают, что ты самая обычная женщина и я только лишил тебя девственности.

Он взял кинжал и, не издав ни звука, полоснул им себе по левому запястью; из раны выступила кровь. Откинув покрывала и не обращая внимания на меня, старательно поджимавшую под себя голые ноги, герцог вытянул руку над постелью, и несколько крупных капель крови упали на простыню. Я наблюдала, как расплывается красное пятно, и мне было ужасно стыдно. «Боже мой, – думала я, – с какой лжи, замешенной на крови моего мужа, начинается наш брак!»

– Сойдет, – заключил герцог. – Когда твоя мать это увидит, она должна поверить, что я овладел тобой. Ты помнишь, что нужно говорить?

– Что мне было тяжело и немножко больно, но я надеюсь, что мы сумели зачать ребенка, – послушно повторила я.

– То, что я собираюсь и впредь сохранить твою девственность, будет нашей с тобой тайной. – Его тон вдруг стал очень серьезным, почти угрожающим. – Не забывай об этом. В качестве моей жены ты, конечно, будешь знать все мои тайны; это первая из них и одна из самых важных. Занятия алхимией, попытки предвидеть будущее, твоя чистота и непорочность – все эти секреты ты должна свято хранить, если не хочешь опорочить и собственное честное имя. Не доверяй их никому! Теперь ты тоже принадлежишь Дому английских королей, это принесет

[22] Имеется в виду знаменитый гобелен «Дева и единорог» XV века, ныне хранящийся в парижском музее Клюни.

тебе и знатность, и богатство, но и цену за это придется уплатить немалую. Впрочем, за всякое удовольствие приходится платить свою цену.

Я кивнула, не сводя глаз с его смуглого лица.

А он, поднявшись с постели, ловко отсек кинжалом кусок нижней льняной простыни, даже не задумавшись о том, что портит такую дорогую вещь, и молча протянул мне лоскут. И я, тоже молча, перевязала ему рану на запястье.

– Ты очаровательная девушка, – сказал он. – Увидимся за завтраком.

И, надев сапоги, вышел из спальни.

Париж, Франция, май 1433 года

Мы путешествовали с огромным эскортом, как и подобает правителю Франции, особенно такому, который захватил и удерживает эти земли силой. Впереди шел большой вооруженный отряд под командованием того самого голубоглазого оруженосца. Следовавшие в авангарде должны были убедиться, что путь впереди безопасен. Затем, выждав, когда уляжется пыль на дороге, трогались уже мы – я и мой муж герцог; я тряслась на седельной подушке позади дородного воина в доспехах, вынужденная обеими руками держаться за его пояс. Супруг мой на своем боевом жеребце находился неподалеку, словно желая составить мне компанию, однако за все время почти не проронил ни слова.

– Мне бы очень хотелось ехать самостоятельно, на своей собственной лошади! – воскликнула я.

Он взглянул на меня так, словно давно позабыл о моем существовании, и заметил:

– Не сегодня. Сегодня у нас тяжелый день, слишком большое расстояние придется пройти, а если по дороге возникнут неприятности, так еще и мчать галопом. Не можем же мы двигаться с той скоростью, с какой обычно ездят дамы. Или девушки.

Я ничего не смогла ему возразить, поскольку это была чистая правда: я действительно не так уж хорошо держалась в седле. Помолчав, я попыталась снова завести разговор:

– А почему сегодня нам предстоит такой долгий путь, милорд?

Он ответил не сразу, словно размышляя, стоит ли вообще отвечать мне.

– Потому что мы направляемся не в Париж, а на север, в Кале.

– Простите, милорд, но я была уверена, что мы едем в Париж. А почему мы едем в Кале?

Герцог вздохнул, словно два вопроса подряд – это уже чересчур.

– В гарнизоне Кале подняли мятеж. И это солдаты, нанятые на службу мной, воевавшие под моим началом! Глупцы чертовы! Я заезжал туда по дороге к тебе. Повесил зачинщиков. А теперь надо снова туда вернуться и убедиться, что остальные хорошо усвоили преподанный им урок.

– Вы повесили людей по пути на нашу свадьбу?

Мой муж уперся в меня мрачным тяжелым взглядом.

– Отчего же нет?

Объяснить, отчего нет, я действительно не могла, но мне это казалось совершенно отвратительным. Я поморщилась и опустила голову. Он усмехнулся и добавил:

– Для тебя самой лучше, если в этом гарнизоне будет полный порядок. Кале – наша самая надежная опора. Все английские владения в Северной Франции были получены благодаря тому, что мы удерживали Кале.

Дальше мы ехали молча. Даже на привалах герцог почти не общался со мной, разве что в середине дня, когда мы остановились перекусить, поинтересовался, не слишком ли я устала; я сказала «нет», а он сам позаботился, чтобы меня хорошо и вкусно накормили, потом сам подсадил меня на седельную подушку, и мы тронулись дальше. Опять же в тишине. Через некоторое время к нам прискакал голубоглазый оруженосец герцога, командовавший авангардом;

он склонился передо мной в низком поклоне, изящно взмахнул шляпой и стал что-то быстро и непонятно докладывать моему супругу, после чего снова умчался, а мы, прибавив скорости, двинулись вперед.

Уже спустились сумерки, когда впереди возникли могучие высоченные стены крепости Кале, возвышавшиеся над прибрежной равниной, затянутой туманом. Всю землю вокруг пронизывала сеть пересекающихся каналов и канав, отделенных друг от друга небольшими воротцами; над каналами клубился густой туман. Оруженосец герцога снова появился рядом с нами, когда флаг на самой высокой башне чуть приспустили в знак того, что нас приглашают в крепость. Огромные крепостные ворота распахнулись, и оруженосец, разворачивая коня, весело произнес:

– Ну вот, мы почти дома.

– Это не мой дом, – отрезала я.

– О, скоро будет вашим, – возразил он. – Это одна из величайших крепостей, и она принадлежит вам.

– И там в самом разгаре мятеж?

Он покачал головой.

– С мятежом покончено. Просто солдатам гарнизона несколько месяцев не давали жалованье, вот они и решили отнять у купцов Кале шерсть, то есть попросту украсть ее из амбаров, а потом заставили купцов платить за нее выкуп. Сейчас милорд Бедфорд вернет купцам деньги, и дело с концом. – Оруженосец усмехнулся, увидев мое озадаченное лицо. – Да что вы, миледи, это же сущие пустяки! Если бы солдатам вовремя заплатили, такого никогда бы не случилось.

– Но почему же в таком случае милорд Бедфорд кого-то казнил?

Улыбка на его лице сразу потухла.

– Чтобы они запомнили: если в следующий раз их жалованье запоздает, им придется ждать столько, сколько нужно милорду.

Мой муж ехал рядом и молча слушал наш разговор. Я посмотрела на него и спросила:

– А что там происходит сейчас?

Мы уже приближались к стенам крепости; солдаты сбегали по склонам крутого холма и строились в ряды почетного караула. На этом холме, в самом центре города, и высилась крепость, охраняя и порт, расположенный на севере, и болотистые луга на юге.

– А сейчас произойдет следующее: я уволю тех, кто выкрал товар у купцов, а также прежнего командира, и назначу нового. – Герцог быстро взглянул на своего оруженосца. – Тебя вот и назначу.

– Меня, милорд?

– Да, тебя.

– Это огромная честь, милорд, но я…

– Ты что, намерен со мной спорить?

– Нет, милорд, конечно же, нет.

Молодой человек смущенно примолк, а мой муж, улыбнувшись ему, заключил:

– Вот и хорошо. – И, повернувшись ко мне, пояснил: – Дорогая, моего молодого оруженосца и друга зовут Ричард Вудвилл; он участвовал почти во всех сражениях, которые мы вели во Франции. Мой брат, наш покойный король Генрих Пятый, посвятил его в рыцари прямо на поле брани. Его отец также верно служил нам. Ричарду еще и тридцати лет не исполнилось, но в моем окружении нет более верного и надежного воина. И ему, я уверен, вполне по силам управлять этим гарнизоном. А пока командующим здесь будет он, можно не сомневаться: в крепости не возникнет ни мятежей, ни жалоб, ни мелкого воровства. И приказы мои, разумеется, оспариваться тоже не будут. Я прав, Вудвилл?

– Вы совершенно правы, сэр.

Мы миновали городские ворота, проехали по темному, полному эха коридору между толстенными стенами и двинулись вверх по вымощенной булыжником улице мимо повешенных мятежников, тела которых тихо покачивались на виселицах, мимо кланявшихся нам горожан – прямо к замку Кале.

– Так мне прямо сейчас остаться здесь? – уточнил Вудвилл, словно речь шла всего лишь о том, где ему переночевать.

– Пока нет, – ответил мой муж. – Мне нужно, чтобы ты был рядом со мной.

В Кале мы провели всего трое суток, и этого оказалось вполне достаточно: герцог уволил полгарнизона, послал в Англию запрос на замену войска и предупредил командира крепости, что в ближайшее время его на этом посту сменит сэр Ричард Вудвилл. А через три дня наши кони уже снова грохотали по булыжной мостовой, направляясь к воротам крепости; теперь мы устремились на юг, в Париж, и оруженосец Вудвилл вновь скакал впереди, возглавляя авангард, а я тряслась на неуклюжем першероне позади одетого в латы и такого же неуклюжего воина. Мой супруг, как всегда, ехал рядом со мной и, как обычно, хранил мрачное молчание.

В дороге мы провели два дня и наконец достигли стен Гранж-Бательер, возвышавшихся над странно пустынной местностью, окружавшей город. За этими стенами оказались возделанные поля и маленькие молочные фермы, вскоре сменившиеся небольшими огородами и садами парижских предместий, поставлявших товар на городские рынки. В сам город мы вошли через северо-западные ворота неподалеку от Лувра, и я сразу же увидела мой парижский дом, Отель де Бурбон, одно из крупнейших зданий в городе, вполне достойное правителя Франции. Этот дом располагался рядом с королевским дворцом в Лувре и смотрел на юг, за реку; он напоминал детское лакомство – домик из марципана, – столько там было всевозможных башенок, горбатых крыш и балконов, а мощные округлые углы дома походили на крепостные башни. Я, конечно, предполагала, что это будет очень большое здание, ведь я уже посетила замок моего супруга в Руане, но, когда мы приблизились к высоченным воротам, я почувствовала себя принцессой из сказки, попавшей во дворец великана. Дом окружала настоящая крепостная стена с несколькими воротами, возле каждых ворот стояла будка охраны, так что я сразу вспомнила – словно можно было хоть на минуту об этом забыть! – что милорд герцог, возможно, и правит почти всей Францией, однако далеко не все французы воспринимают его как Богом данного короля. Тот, кого многие из них действительно называли своим королем, находился сейчас недалеко, в Шиноне: осматривал принадлежащие нам земли и всячески преумножал наши беды. А тот, кого королем Англии и Франции считали мы[23], спокойно сидел в Лондоне, но был слишком беден, чтобы послать в помощь моему мужу деньги и войска, столь необходимые сейчас для того, чтобы держать в подчинении этих ненадежных французов, и слишком слаб, чтобы приказать своим лордам сражаться под нашими знаменами.

Муж подарил мне несколько дней полной свободы – я должна была немного освоиться в новом доме. Я отыскала и шкатулку с драгоценностями покойной герцогини, и ее гардеробную, полную мехов и роскошных нарядов. Сразу после заутрени герцог явился ко мне в спальню и заявил:

– Идем, Жакетта. Сегодня тебе придется кое-что для меня сделать.

Я шла, вернее, бежала за ним чуть не вприпрыжку, как щенок, а он решительно шагал по галерее, где со стен на нас смотрели вытканные на гобеленах лики богов. Мы направлялись к двустворчатым дверям, которые охраняли два стражника в доспехах и с оружием. Рядом на подоконнике сидел в самой непринужденной позе Вудвилл, оруженосец герцога. Завидев нас, он спрыгнул с подоконника и низко мне поклонился.

Стражники распахнули двери, и мы вошли внутрь. Не знаю, чего я ожидала, но, уж конечно, не такого. Во-первых, там оказалось поистине огромное помещение размером, навер-

[23] Генрих VI.

ное, с парадный зал, но похожее скорее на монастырскую библиотеку, с полками из темного дерева, где за бронзовыми решетками во множестве хранились книги и свитки. В центре стояли удобные для работы высокие столы и стулья; на таком столе можно спокойно развернуть свиток, а потом неторопливо читать. На столах имелись чернильницы, полные чернил, подставки для перьев, уже, кстати, отточенных, и стопки чистой бумаги для заметок. Я никогда не видела ничего подобного даже в самых знатных домах – только в монастырях – и с новым уважением посмотрела на своего супруга. На все это наверняка было потрачено целое состояние, ведь каждая из этих книг стоила не меньше любого из драгоценных украшений покойной герцогини.

– У меня самое лучшее в Европе собрание книг и манускриптов, за пределами церкви, конечно, – подтвердил мои мысли Бедфорд. – Есть и свои собственные копиисты.

Он указал на молодых людей, сидевших за одним из столов напротив друг друга; один из них читал вслух свиток, но слова были какие-то очень странные, а второй старательно что-то за ним записывал.

– Они заняты переводом с арабского, – пояснил мой муж. – С арабского на латынь, с латыни на французский или на английский. Ведь мавры – кладезь великих знаний! Ими создана и математика, и многие науки. Я покупаю свитки и приказываю переводить их на другие языки. Благодаря этому я значительно продвинул нашу науку и сам узнал массу нового и полезного. Я давно уже обнаружил этот неиссякаемый источник. – Герцог довольно улыбнулся и посмотрел на меня. – И точно такой же источник я нашел в тебе. Надеюсь, я подобрался к самому средоточию магических тайн.

В центре комнаты находился огромный стол, украшенный узором и резными изображениями. Не сдержавшись, я издала восхищенный возглас и подошла ближе, желая получше разглядеть рисунок. Он представлял собой настоящую маленькую страну, запечатленную с большой высоты, допустим, полета орла. Присмотревшись, я поняла, что передо мной Франция. Я отыскала и городскую стену Парижа, и Сену, ярко-голубой лентой пересекавшую столицу, и Иль-де-Пари[24], похожий на маленький лабиринт из-за тесно построенных на нем зданий, а очертаниями своими напоминающий лодку, плывущую по реке. Затем я обратила внимание на то, как поделена территория страны: верхняя половина Франции раскрашена в белые и красные английские цвета, а нижняя оставлена бесцветной; флаг арманьяков на замке Шинон указывал нынешнее местонахождение короля-претендента Карла VII. По нескольким глубоким царапинам можно было легко определить те места, куда в ярости втыкали флажки, отмечая триумфальное продвижение войска Жанны д'Арк, когда она, отвоевав почти пол-Франции, всего два года назад подошла к самым стенам Парижа.

– Вся Франция по праву принадлежит нам, – заявил мой муж, ревниво озирая зеленые земли, простиравшиеся на юг, в сторону Средиземноморского побережья. – И мы будем ею владеть! Клянусь Господом, я сам верну эти земли Англии именем нашего славного короля Генриха! – Он наклонился над столом и добавил, указывая на флажки с изображением святого Георгия, которыми он, судя по всему, отмечал положение английских войск на востоке Франции: – Видишь, как быстро мы продвигаемся? А если герцог Бургундский по-прежнему останется нашим надежным союзником, мы вскоре сумеем отвоевать и наши прежние владения вдоль реки Мен. Если же дофин настолько глуп, что вздумает первым напасть на герцога – а я полагаю, что именно так он и поступит, – и если мне удастся убедить герцога выступить одновременно с нами… – Он умолк, заметив, что я смотрю уже не на стол, а куда-то вверх, и воскликнул таким тоном, словно владел не только Францией, но и звездами в ночном небе: – О, это мои планеты!

[24] Старое название острова Сите, на котором находится собор Парижской Богоматери.

К пересекающимся деревянным балкам под потолком были подвешены прекрасные серебряные шары; некоторые из них окружала загадочная светящаяся дымка, а возле других плавали в воздухе более мелкие серебристые шарики. Это зрелище настолько меня заворожило, что я напрочь забыла и о карте, и о флажках, означавших развитие военной кампании, и даже руками всплеснула, не в силах сдержать свой восторг:

– Ой, как красиво! Что это?

Оруженосец Вудвилл насмешливо хмыкнул, явно с трудом подавив желание громко расхохотаться.

– Это висит не для красоты и не для развлечения, – строго произнес мой муж и кивнул одному из писцов. – Ладно… покажите герцогине, где находились планеты в момент ее рождения.

Молодой писец подошел ко мне и вежливо осведомился:

– Прошу прощения, ваша милость, когда вы появились на свет?

Я вспыхнула. Как и почти все девушки, точной даты своего рождения я не знала, мои родители не потрудились записать день и час моего появления на свет. Мне были известны только год и время года, да и то о времени года я догадалась благодаря воспоминаниям матери о том, что ей постоянно хотелось спаржи, когда она носила меня, и она готова была есть ее даже незрелой, отчего у нее постоянно болел живот, и это в итоге вызвало несколько преждевременные роды.

– Весна тысяча четыреста шестнадцатого года, – ответила я. – Возможно, май.

Писец вытащил с полки какой-то свиток и расстелил его на одном из высоких столов. Он внимательно изучил свиток, затем потянул за один рычажок, за другой, за третий… И, к полному моему восхищению, шары вместе с окутывавшей их дымкой и вращавшимися вокруг них маленькими шариками стали опускаться вниз и медленно кружиться у нас над головой, а потом остановились, слегка покачиваясь, обозначив те места небесного свода, где они находились в момент моего рождения. Раздался легкий перезвон, и я заметила, что к тем струнам, на которых подвешены шары, прикреплены маленькие серебряные колокольчики; это они звенели, когда шары занимали ту или иную позицию.

– Я могу заранее предвидеть, в каком положении будут планеты в день, когда я планирую то или иное сражение, – пояснил Бедфорд. – Я начинаю военную кампанию только в случае благоприятного расположения звезд. Чтобы рассчитать это на бумаге, нужно потратить немало времени и сил, к тому же довольно легко ошибиться. А здесь мы имеем механизм, столь же прекрасный и точный, как тот, что создал сам Бог, поместив звезды на небо и приведя их в движение. Да, я создал машину, подобную творениям самого Господа!

– И с ее помощью можно предсказать будущее? Можно узнать, что с нами случится?

Бедфорд покачал головой:

– Нет. Но я надеюсь, что это для нас будешь делать ты. Я могу лишь определить, что время пришло, однако о спелости самого плода мне ничего не известно. Я могу определить, когда взойдет наша звезда, но выяснить, чем закончится та или иная битва, мне не дано. Мы, например, не получили никаких предостережений насчет появления этой ведьмы из Арка.

Слушавший его писец печально покачал головой и посетовал:

– Это сам сатана скрыл ее от нас. Ничто – ни тьма, ни комета, – не указывало на ее стремительный взлет, как, впрочем, и на ее гибель. И слава Богу.

Мой супруг согласно кивнул, взял меня под руку и повлек прочь от стола.

– Моему брату покровительствовал Марс, – сообщил он, – бог жары, огня и великой суши; мой брат был рожден, чтобы бороться и побеждать. А у его сына натура влажная и холодная; годами он уже молодой мужчина, но душою совсем еще ребенок, мало того – грудной младенец, сосунок, который до сих пор мочится в пеленки. Мне приходится ждать, когда звезды привнесут хоть какой-то огонь в его душу и поступки; мне приходится изучать различные виды

оружия, размышляя, какой клинок вложить ему в руку. Он мой родной племянник, и я, его дядя, обязан поддерживать и наставлять его. Но он также и мой король, и я должен сделать его поистине победоносным правителем. Таков мой долг; такова моя судьба. И ты будешь помогать мне в этом.

Вудвилл некоторое время молчал, явно выжидая, поскольку его господин вновь погрузился в безмолвные раздумья, затем распахнул дверь, ведущую в следующую комнату, и отступил в сторону, давая нам пройти. Я перешагнула через порог на каменный пол, и в носу у меня защипало от странных острых запахов. Это были запахи, характерные скорее для кузницы: пахло горячим металлом и чем-то острым, кислотным. Горло першило от едкого дыма. В центре комнаты возле четырех маленьких жаровен с раскаленными углями стояли четверо мужчин в кожаных фартуках; жаровни были как бы вделаны в тяжелые и широкие каменные скамьи, и над ними в бронзовых сосудах что-то кипело и булькало, точно рагу в сотейнике. Далее, за открытыми настежь дверями виднелся внутренний дворик, где какой-то обнаженный по пояс парень изо всех сил раздувал мехи горна, отчего, видимо, в этой просторной комнате и царила жара, как в духовке, когда там печется хлеб. Я вопросительно посмотрела на Вудвилла, и он ободряюще кивнул мне, словно говоря: «Не бойся!» И все же явственно ощущаемый запах серы и этот пылающий во внутреннем дворике очаг создавали ощущение, что мы приблизились к вратам ада. Я невольно попятилась, внутренне сжавшись, и мой муж, заметив, что я побледнела, рассмеялся и произнес:

– Не надо бояться, дорогая. Я же предупреждал тебя, что в моих мастерских ничего страшного не происходит. Ученые работают здесь над составами различных сложных веществ, пробуют в действии тот или другой эликсир. А во внутреннем дворике мы куем некоторые металлы и проводим над ними опыты. Как раз здесь мы и намерены превратить железо в серебро и золото, а также – проникнуть в самую основу жизни, создав эликсир бессмертия.

– Но здесь так жарко, – пожаловалась я.

– На этом огне вода как раз и преобразуется в вино, – пояснил он. – А железо – в золото. Здесь оживает даже сама земля. Здесь любое вещество способно достигнуть идеальной чистоты. Мы лишь ускоряем этот процесс; и металлы, и воды, и соки земные меняют здесь свою природу; именно такие перемены в течение многих столетий творит и сам мир в своих глубинных сосудах с помощью высочайших температур, способных моментально превратить яйцо в курицу. А мы, еще более повышая температуры, пытаемся сделать это быстрее. Здесь мы подвергаем испытаниям то, что нам уже известно; здесь наблюдаем за результатами наших опытов; здесь учимся не повторять своих ошибок. Здесь самое сердце того великого дела, которому я посвятил всю жизнь.

Тут кузнец во внутреннем дворе вытащил щипцами из огня раскаленный докрасна металлический брус и принялся его ковать.

– Только представь, что было бы, если б я мог создавать золото, – с затаенной страстью продолжал Бедфорд. – Если бы я мог настолько очистить железо, чтобы удалить из него все неблагородные примеси, выжечь их, вымыть и в итоге получить чистейшую золотую монету… Я бы нанял тогда сколько угодно солдат, я бесконечно бы усиливал оборону, я бы даже накормил весь Париж! Если бы у меня был свой Монетный двор и своя собственная золотоносная шахта, я бы уже захватил всю Францию и вечно удерживал ее во власти Англии именем моего племянника-короля!

– А это возможно?

– Да, определенно, это возможно. И не один раз уже делалось, но всегда в строжайшей тайне. Ведь все металлы имеют одну и ту же природу, все состоит из одного и того же вещества – из «первичной материи», как пишут в книгах, или из «темной материи», как называют ее маги. Это то самое вещество, из которого создан весь наш мир. И мы должны этот мир изменить, сотворить его заново. Так что мы снова и снова пытаемся очистить эту «темную

материю», дабы получить ее наичистейшую, наилучшую форму. – Он помолчал, глядя на мое озадаченное лицо. – Ты знаешь, что вино делают из сока раздавленных виноградных ягод?

Я молча кивнула.

– Любой французский крестьянин отлично с этим справляется. Сперва он собирает виноград, затем давит ягоды, добывая сок. То есть он срывает с лозы ягоды – некий твердый предмет – и превращает эти ягоды в жидкость. Это уже алхимия – преобразование твердого предмета в жидкость. Затем крестьянин особым образом хранит эту жидкость, позволяя жизни внутри ее превращать сок в вино. Вино ведь тоже жидкость, но обладает совсем иными, чем сок, свойствами. Что ж, теперь можно пойти и дальше. Итак, мы уже совершили одно превращение, а вот и еще одно: я прямо здесь могу извлечь из вина некую эссенцию, которая в сто раз крепче вина и вспыхивает, стоит поднести к ней огонь. Она способна излечивать людей от меланхолии и дурной крови. Это вещество жидкое, но одновременно горячее и сухое! Мы называем его aqua vitae – «вода жизни». Все это я уже умею – я могу превратить виноградный сок в aqua vitae; а превращение железа в золото – просто следующая ступень.

– И что же предстоит сделать мне? – немного нервничая, спросила я.

– Сегодня ничего, – ответил он. – Но возможно, завтра или послезавтра ты понадобишься моим ученым, чтобы просто налить жидкость из фляги, или помешать что-то в плошке, или же просеять сквозь сито какой-нибудь порошок. Не сложнее, чем хлопоты в молочном сарае у твоей матушки. – И, прочитав в моем взгляде недоумение, он добавил: – Мне нужно всего лишь твое прикосновение. Твое чистое прикосновение.

Один из мужчин, что наблюдали за кипевшей в сосуде жидкостью, которая затем стекала по трубке на охлажденное блюдо, специально помещенное на лед, отставил блюдо в сторону, подошел к нам, вытирая руки о фартук, и поклонился моему мужу.

– А вот и настоящая девственница, как я обещал, – сообщил Бедфорд, указывая на меня, словно я была таким же неодушевленным предметом, как жидкость, кипевшая в сосуде, или тот раскаленный на огне железный брус.

Он назвал меня прозвищем Жанны д'Арк, и я вздрогнула.

– Теперь она в моих руках, настоящая дочь Мелюзины и девственница, до которой никогда не дотрагивался ни один мужчина.

Я протянула руку, собираясь поздороваться с этим человеком, но он вдруг от меня отшатнулся. И, словно смеясь над самим собой, воскликнул:

– Ну, так и я вряд ли осмелюсь до нее дотронуться! Ей-богу, никак не могу! – Демонстративно заложив руку за спину, он низко мне поклонился и, не сводя с меня глаз, произнес: – Добро пожаловать, леди Бедфорд! Ваше присутствие нам давно уже необходимо, так что мы ждали вас с нетерпением и очень надеялись на ваше появление. Ведь вы принесете с собой гармонию, а также – силу луны и воды; ваше прикосновение все на свете сделает чище.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, я поглядывала на своего супруга. А он на этот раз смотрел на меня с нескрываемым горячим одобрением.

– Когда я нашел ее, то сразу понял, кем она может для нас стать, – заявил он. – И что может сделать. Я чувствовал, что у нее получится стать для нас Луной, богиней ночного света и магии. В жилах ее течет вода, а сердце девственно чисто. Кто знает, какие силы скрыты в ее душе, на что она способна?

– А способна ли она разбирать знаки внутри магического кристалла? – с воодушевлением поинтересовался ученый.

– Она уверяет, что никогда не пробовала, но предсказать будущее ей несколько раз удавалось, – ответил мой муж. – Ну что, испытаем ее?

– В библиотеке.

И алхимик первым направился в огромный библиотечный зал, мы последовали за ним. Бедфорд щелкнул пальцами, и двое переводчиков тут же удалились из библиотеки в боковую

комнатку. Вудвилл с алхимиком сдернули покрывало, и передо мной возникло самое большое зеркало из всех, какие мне когда-либо доводилось видеть – в прочной раме, абсолютно круглое, оно было сделано из сверкающего серебра и напоминало полную луну.

– Затворите ставни, – распорядился мой муж, – и свечи зажгите.

Он говорил с каким-то странным придыханием, и по его голосу я поняла, что он до крайности возбужден; мне даже страшно стало. Вокруг меня кольцом расставили горящие свечи и велели смотреть в зеркало. Поверхность его была такой блестящей, что я едва различила в ней собственное отражение среди дрожащих, подпрыгивающих язычков пламени.

– Спрашивай ее ты, – обратился мой муж к алхимику. – Клянусь Господом, я чересчур взволнован. У меня даже язык заплетается. Только не слишком ее нагружай, давай просто проверим, есть ли у нее дар.

– Посмотрите в зеркало, – тихо скомандовал мне алхимик. – Просто смотрите и позвольте своим мыслям течь свободно. Мечтайте о чем-либо. – Он выдержал паузу и строго произнес: – Итак, Девственница, что ты там видишь?

«Ну, что еще я могу там видеть, кроме себя самой? Это же очевидно!» – думала я, изучая отражавшуюся в зеркале девушку в бархатном платье, сшитом по самой последней моде, и в двурогом головном уборе на золотистых волосах, заправленных в густую сетку и аккуратно уложенных вдоль моих щек. На ногах у меня были совершенно очаровательные туфельки из синей кожи. Я еще никогда не видела себя в зеркале в полный рост и даже чуточку приподняла подол платья, любуясь своими синенькими туфельками. Алхимик негромко суховато кашлянул, словно напоминая мне, что следует опасаться тщеславия.

– Загляните глубже, герцогиня. Что вы там видите?

Повсюду вокруг меня ярко горели свечи – так ярко, что затмевали и цвет моего платья, и цвет моих блестящих синих туфель; в этом ярком свете даже полки с книгами у меня за спиной были словно окутаны темным туманом.

– Посмотрите глубже, в самые глубины зеркала, герцогиня, и рассказывайте нам, что вы там видите, – снова тихим голосом, но весьма настойчиво потребовал алхимик. – Ну, рассказывайте же, леди Бедфорд, что вы там видите?

Свет поистине ошеломлял, он был слишком ярок, чтобы я могла хоть что-то разобрать; уже и мое собственное лицо расплывалось в свете сотен свечей. А затем вдруг появилась она; совершенно ясно я увидела тот самый день, когда мы лениво болтали на берегу крепостного рва с водой, и она была еще жива и весело смеялась, пока не вытащила карту с «Повешенным» в таком же синем, как мои туфельки, костюме…

– Жанна, – тихо и печально промолвила я; мое сердце разрывалось от горя, – о, Жанна! Девственница!

Я хотела поскорее вернуться в реальную действительность, но упала в обморок и очнулась от хлопков – это алхимик поспешно тушил свечи. Судя по всему, некоторые свечи свалились на пол, когда я потеряла сознание. Вудвилл, оруженосец моего мужа, обнимал меня за плечи и поддерживал мою голову, а сам Бедфорд брызгал мне в лицо холодной водой.

– Что ты видела? – тут же обратился он ко мне, как только я открыла глаза.

– Не знаю.

По какой-то причине я вдруг испытала острый приступ страха – точно предупреждение. Мне хотелось скрыть правду, не упоминать даже имя Жанны в присутствии того человека, который велел сжечь ее заживо.

– Что она сказала? До того, как упала в обморок? – вопрошал мой муж, гневно сверкая глазами на оруженосца и алхимика. – Она ведь что-то сказала! Я сам слышал. Что она сказала?

– Вроде слово «девственница»… – неуверенно пробормотал алхимик. – По-моему, так.

Теперь они оба уставились на Вудвилла.

– Она сказала: «Дело сделано», – легко солгал он.

– О чем же шла речь? – Герцог посмотрел на меня. – Что ты имела в виду? Объясни, что ты имела в виду, Жакетта?

– Может, университет, который вы, ваша милость, намерены открыть в Кане? – вмешался Вудвилл. – По-моему, она сначала произнесла «Кан», а потом – «дело сделано».

– Это верно, я же видела университет! – поспешила я ухватиться за эту идею. – Он был уже достроен и очень красив. Вот я и сказала: «Дело сделано».

Бедфорд улыбнулся, он был явно польщен.

– Ну что ж, это доброе видение! – похвалил он и с воодушевлением прибавил: – Замечательное предвидение нашего благополучного и счастливого будущего. Приятно это слышать. Но лучше всего то, что мы убедились: она способна на многое! – Он протянул руку, помог мне подняться на ноги и, победоносно улыбаясь, повернулся к алхимику: – Значит, завтра я снова приведу ее – после мессы, когда ее пост наконец закончится. И, пожалуйста, в следующий раз принесите для нее удобное кресло, чтобы она могла спокойно сесть, и заранее здесь все приберите. Посмотрим, что еще она сможет нам поведать. Но она ведь действительно способна заглянуть в будущее, не так ли?

– Несомненно, – подтвердил алхимик. – И я, конечно же, все подготовлю.

Он поклонился и ушел в дальнюю комнату, а Вудвилл затушил и собрал остальные свечи. Сам герцог тем временем снова накрыл зеркало покрывалом. Я же, чувствуя себя совершенно обессиленной, на мгновение прислонилась к арочному проходу между рядами книжных полок. Заметив это, мой муж скомандовал:

– Стой там.

Я послушно встала ровно в центре арки, а он внимательно наблюдал, как я исполняю его приказание. Я неподвижно застыла в арке, как в раме, и все пыталась понять, чего он от меня теперь хочет. А он все не сводил с меня глаз, словно я превратилась в картину, или в гобелен, или еще в какой-то неодушевленный предмет, который нужно то ли огранить, то ли перевести на другой язык, то ли просто закинуть на полку. Прищурившись, он изучал меня, точно смотрел в конец парковой аллеи или на статую, которую намеревался приобрести.

– Как я рад, что женился на тебе! – наконец воскликнул он, и в голосе его не было ни капли любви – только удовлетворение человека, который добавил некий экспонат к своей блестящей коллекции, причем купил его по весьма сходной цене. – Чего бы мне это ни стоило в отношениях с Бургундией или с кем бы то ни было, я все равно очень рад, что женился на тебе. Ты – мое сокровище!

Я нервно взглянула на Ричарда Вудвилла: слышал ли он, как его хозяин оценивает свое «новое приобретение»? Но Вудвилл сделал вид, что поглощен уборкой комнаты и абсолютно глух и нем.

Теперь каждое утро мой супруг сопровождал меня в библиотеку. Там меня усаживали перед зеркалом, зажигали вокруг множество свечей, велели как можно внимательнее всматриваться в блестящую зеркальную поверхность и докладывать, что я вижу. И вскоре я, судя по всему, начинала впадать в некую прострацию – не то чтобы сон, но все-таки почти сон. Порой на колышущейся сверкающей поверхности зеркала возникали поистине невероятные вещи: младенец в колыбели; обручальное кольцо в виде золотой короны, привязанное к леске, с которой капает вода; а однажды утром я отвернулась от зеркала вся в слезах, потому что мне пригрезилось сначала одно сражение, потом второе, а затем целая череда бесконечных боев и множество людей, умирающих в тумане, в снегу, на церковном дворе…

– А флаги там были? – спросил герцог, подавая мне стакан с легким элем. – Выпей. И скажи: ты видела, чьи там были флаги? Ты так ничего толком и не сказала. Ты видела, где именно состоялись эти сражения? Ты сумела понять, какие в них участвовали армии?

Но я только головой качала, а он все допытывался:

– Какой это был город? Может, сама местность тебе известна? Пойдем к карте – ты посмотришь и, возможно, у тебя получится показать нам, где находился тот город. Как ты думаешь, твое видение относится к настоящему времени или связано с будущими событиями?

Он подтащил меня к столу, где, точно маленький волшебный мир, передо мной раскинулась вся Франция, и я почувствовала легкое головокружение, глядя на пестрые границы чьих-то владений, на волнистую гряду холмов.

– Я не знаю, – отозвалась я наконец, – там был сильный туман… и какая-то армия пробивалась вверх по склону горы. А еще там было много снега, и этот снег покраснел от крови. И какая-то королева скакала верхом на боевом коне, у которого подковы были прибиты задом наперед…

Бедфорд уставился на меня так, словно ему хотелось хорошенько меня встряхнуть или даже ударить, чтобы я изъяснялась более конкретно.

– Мне от этих твоих историй никакого проку, – прошипел он. – Я таких предсказаний могу сколько угодно получить во время субботней ярмарки! Мне нужно знать, что будет происходить в этом году. Мне нужно знать, что будет происходить во Франции. Мне нужны названия городов и количество мятежников. И все это нужно мне подробно, в деталях.

Онемев от ужаса, я смотрела на него. У него даже лицо потемнело от гнева; он явно был разочарован моими «талантами».

– Я здесь на страже целого королевства, – продолжал он, – и мне требуются совсем иные сведения, а не байки о каком-то тумане или снеге, запятнанном кровью. Я женился на тебе вовсе не для того, чтобы ты говорила мне о королевах, которые ездят на конях, подкованных задом наперед. Ну, и что ты поведаешь нам в следующий раз? О том, как ты принимала ванну вместе с русалкой?

Я снова покачала головой, поскольку действительно ничего не понимала и не могла ему этого объяснить.

– Клянусь, Жакетта, ты пожалеешь, если будешь проявлять непокорность, – с тихой угрозой промолвил он. – Все это слишком важные вопросы, чтобы, отвечая на них, притворяться дурочкой.

– Возможно, нам не следует слишком перегружать ее? – осмелился вмешаться Вудвилл, глядя куда-то на книжные полки. – Возможно, каждый день – это для нее слишком? Она ведь еще совсем юная, да и не привыкла выполнять такие сложные задания. Может, следовало бы сперва потренировать ее, как тренируют молодых соколов? Дать ей больше свободы. Например, позволить по утрам кататься верхом и побольше гулять. А предсказаниями пусть бы занималась, допустим, раз в неделю.

– Нет! – взорвался герцог. – А если она и впрямь видела некое предупреждение нам? А если ее видения касались настоящего момента? Как можно позволить ей отдыхать, если все мы в опасности? И если сражение в тумане или битва в снегу произойдут этой зимой во Франции, то нам совершенно необходимо уже сейчас знать об этом!

– Но вам же известно, милорд, что у дофина нет ни оружия, ни союзников, так что ничего подобного прямо сейчас случиться не может, – возразил герцогу Вудвилл. – Даже если это и было предостережением, то оно вряд ли касается настоящего момента – скорее это был просто ужасный вещий сон, имеющий отношение к неопределенному будущему. Мысли герцогини полны страхов, она боится войны, и, кстати, это мы так сильно ее напугали. Сами вложили ей в голову подобные идеи. И теперь нам нужно очистить ее ум, дать ей время, чтобы она немного успокоилась и вновь представляла для нас как бы девственно-чистый источник. Вы купили ее… – Он споткнулся и тут же поправился: – Вам она досталась совершенно неиспорченной. И нам следует вести себя очень осторожно, дабы не замутить чистую воду этого источника.

– Раз в месяц, – внезапно ожил алхимик. – Как я и советовал в самом начале, милорд. Она лучше всего сможет описать свои видения и ответить на наши вопросы, когда ее природ-

ная сила окажется на подъеме. То есть накануне новолуния. Она – существо, неразрывно связанное с луной и водой, так что ее способности наиболее раскроются, а мысли станут наиболее четкими, когда луна будет на подъеме. Ей следует работать именно в эти дни, в дни прибывающей луны.

– Она могла бы приходить в библиотеку по вечерам, когда светит луна, – произнес мой муж, словно размышляя вслух. – Возможно, так ей было бы легче.

И он окинул меня критическим взглядом. Я сидела, бессильно откинувшись на спинку кресла и прижимая руку ко лбу – в висках у меня пульсировала боль.

– Ты прав, – кивнул герцог Вудвиллу, – мы слишком много от нее требовали и слишком рано стали задавать ей вопросы. Покатайся с ней верхом, своди ее к реке. А на следующей неделе мы отправимся в Англию. Спешить не станем, будем делать частые остановки и проезжать за день совсем немного. Она бледна, ей необходим отдых. Сегодня же утром возьми ее на прогулку. – Он улыбнулся мне. – Я не такой жестокий учитель, Жакетта, как тебе могло показаться. Просто мне нужно очень многое успеть, и я тороплюсь. Но ты, разумеется, должна немного отдохнуть. А сейчас ступай на конюшню – увидишь, какой сюрприз я тебе приготовил.

Меня так обрадовала возможность выйти из этой комнаты, что я не помню даже, поблагодарила ли мужа. Лишь после того, как за мной и Вудвиллом закрылась дверь, я начала проявлять некоторое любопытство и спросила:

– А что за сюрприз милорд приготовил для меня на конюшне?

Мы спускались по узкой винтовой лестнице, ведущей с галереи вниз; Вудвилл следовал за мной, стараясь держаться на полшага позади. Затем мы пересекли вымощенный булыжником двор, прошли мимо оружейной и оказались на конюшенном дворе. Слуги так и сновали, таща на кухню корзины с овощами; мясники, держа на плечах огромные куски говядины, расступались передо мною и низко кланялись; женщины, вернувшись после дойки с полными ведрами молока на коромыслах, приседали так низко, что ведра скребли по булыжнику. В лицо я никого из них толком не знала, а в тот момент и вовсе едва замечала. Пробыв герцогиней всего несколько недель, я уже успела привыкнуть и к преувеличенно низким поклонам, которыми встречали меня повсюду, где бы я ни появилась, и к тому, что мое имя все произносят почтительным шепотом.

– А каково было ваше самое большое желание? – поинтересовался Вудвилл.

Уж в его-то поведении я никогда не чувствовала ни страха, ни подобострастия, и он никогда не лебезил передо мной. Он, безусловно, обладал должной уверенностью в себе; наверное, по причине того, что он с юных лет был правой рукой моего мужа. Его отец служил королю Генриху V, а затем – герцогу Бедфорду, и теперь Вудвилл, выросший и получивший воспитание на службе у герцога, стал самым доверенным и самым любимым из его оруженосцев; назначив его командиром крепости Кале, Бедфорд как бы доверил ему ключи от «ворот Франции».

– Не знаю, может, новый портшез? – пожала я плечами. – С золочеными занавесками и меховыми одеялами.

– Возможно. А вам действительно больше всего на свете хочется именно такой портшез?

Я помолчала. Но все же не выдержала:

– Неужели он купил для меня лошадь? Новую лошадь, которая будет принадлежать только мне одной?

Казалось, Вудвилл колебался: признаться или нет? Потом уточнил:

– А какой масти лошадку вам бы хотелось?

– Серую! – страстно воскликнула я. – Красивую серую в яблоках лошадку с гривой, как белый шелк, и с темными внимательными глазами.

– Внимательными? – Он расхохотался. – У вашей лошади должны быть внимательные глаза?

– Вам же ясно, что я имею в виду: у нее должны быть такие глаза, словно она понимает тебя, словно способна думать, как и люди.

– Да, конечно, вы правы, – отозвался Ричард. – И мне действительно ясно.

Он подал мне руку, помогая обойти стоявший возле оружейной возок, нагруженный пиками; старший оружейник герцога подсчитывал, сколько нужно уплатить за новые поставки, и делал зарубки на особой дощечке. Сотни, тысячи пик были уже разгружены: начиналась очередная военная кампания. Ничего удивительного, что мой муж каждый день заставлял меня сидеть перед зеркалом и пытал вопросами о войне и о том, где нам лучше начать атаку. Мы постоянно пребывали в состоянии войны, казалось, никому из нас еще не довелось хоть сколько-нибудь пожить в мирной стране.

Нырнув под арку, мы оказались на конюшне, и Вудвилл чуть отступил назад, явно желая взглянуть на мое выражение лица, когда я немного осмотрюсь. У каждой из лошадей было свое стойло, и окна во всех стойлах выходили на юг, так что рыхлый камень успевал за день нагреться. Сперва я увидела четырех могучих боевых коней моего мужа, качающих головами над дверцами денников. Дальше топтался сильный и красивый жеребец Вудвилла, на котором тот участвовал в турнирах, и несколько других его лошадей – для охоты и для передачи посланий. А в следующем стойле я обнаружила лошадку, которая была гораздо меньше всех этих боевых коней; у нее была идеальной формы головка со светлыми ушками, которыми она то и дело подергивала, а ее серая шерсть была такого светлого оттенка, что в солнечных лучах, пронизывавших конюшню, казалась почти серебряной.

– Это моя? – шепотом спросила я у Вудвилла. – Это для меня?

– Ваша, миледи, – подтвердил он с каким-то странным почтением. – И она столь же прекрасна и столь же благородна, как и ее хозяйка.

– Это кобыла?

– Разумеется.

Я подошла к лошадке, и ее серые ушки тут же насторожились, прислушиваясь к моим шагам и моему ласковому голосу. Вудвилл сунул мне в руку корочку хлеба; я встала от нее совсем близко и заглянула в темные глаза, в которых будто переливалась влага. Я рассмотрела ее изящную голову и восхитительную серебристую гриву; мне казалось, что передо мной чудо, порожденное моим неистовым желанием, воплощенная мечта. Я протянула ей руку с угощением, и она сперва обнюхала хлеб и мою ладонь, раздувая ноздри, а потом губами осторожно взяла хлеб, и я сразу почувствовала запах ее теплой шкуры, ее пахнувшее овсом дыхание и мирный запах амбара вокруг нас.

Вудвилл открыл передо мной дверцу денника, и я, не колеблясь, шагнула внутрь. Лошадка чуть подвинулась, вежливо освобождая мне место, и, повернув голову, обнюхала меня всю – сначала карманы платья, кушак и длинные свисающие рукава, затем мои плечи, шею и лицо. И пока она изучала меня, я послушно крутилась перед ней, словно мы обе были животными, которые впервые знакомятся друг с другом. Наконец я медленно, ласково приговаривая, протянула к ней руку, и она сама наклонила голову, чтобы я погладила ее.

Шея у нее была теплая, а шерстка – как шелк, особенно за ушами. Она даже позволила мне убрать у нее со лба челку и погладить ей морду; я нежно касалась широких ноздрей, мягких складок на щеках, теплых упругих губ и даже немного подержала в ладони ее толстенький «подбородок».

– Так это любовь? – тихо произнес стоявший у двери Вудвилл. – Во всяком случае, отсюда это выглядит именно так.

– Да, это любовь, – выдохнула я.

– Ваша первая любовь, – уточнил он.

– Моя единственная любовь, – поправила я и повторила ей на ухо: – Ты моя единственная любовь.

Он рассмеялся, посматривая на нас, точно мой снисходительный старший брат.

– В таком случае вы должны сочинить какую-нибудь поэму и спеть ей, как настоящий трубадур, вернее, трубадурша. Но как же ее зовут, эту вашу прекрасную даму?

Я задумчиво уставилась на лошадь; она отошла от меня и прихватила клок сена. От сена пахло душистым лугом.

– Меркьюри, – провозгласила я. – Пожалуй, я назову ее Меркьюри[25].

Вудвилл изумленно поднял брови.

– Ртуть? По-моему, это не очень хорошее имя, – заметил он. – И алхимики вечно о ртути толкуют. Как только они не называют ее: и Переменчивая, и Посланница богов. Это ведь один из трех главных ингредиентов в их опытах. Иногда ртуть и впрямь бывает очень полезной, а иногда наоборот; она – спутница Мелюзины, богини вод, которая тоже вечно меняет свое обличье. Посланница, которую приходится использовать в отсутствие других; но далеко не всегда надежная.

– Хватит с меня алхимии, – пожимая плечами, твердо заявила я. – Мне она ни к чему – ни на конюшне, ни где бы то ни было еще. Я стану звать лошадь Мерри[26], но мы-то с ней будем помнить, каково ее настоящее имя!

– И я тоже буду об этом помнить, – пообещал Вудвилл.

Но я уже не смотрела на него; я подбирала с пола пучки сена и протягивала их лошади.

– А вот будете ли об этом помнить вы, мне совершенно безразлично, – ответила я, едва удержавшись от того, чтобы не показать ему язык.

Теперь каждое утро мы с Вудвиллом катались верхом; нас сопровождал вооруженный эскорт – десять человек впереди, десять позади. Мы проезжали по улицам Парижа, стараясь не смотреть на нищих, умиравших от голода в сточных канавах или с мольбой протягивавших к нам руки. Нищета в городе царила поистине ужасающая, а все труды крестьян из окрестных деревень пропадали даром – из-за того, что творилось на дорогах, они не могли доставить выращенные ими продукты на рынок, к тому же посевы у них в полях постоянно вытаптывала то одна армия, то другая. Да и многие мужчины, покидая родную деревню, предпочитали прятаться в лесах, опасаясь, что их либо заберут в армию, либо повесят как предателей, и получалось, что в полях трудились в основном женщины. Цена хлеба в столице была немыслимо высока, обычным людям не по карману, да и работы там никакой не было, разве что податься в солдаты, однако в английской армии выплату жалованья всегда сильно задерживали. Вудвилл велел нашему маленькому отряду на улицах не зевать, скакать легким галопом, и не только из-за нищих попрошаек – гораздо больше он боялся, что я подхвачу там какую-нибудь заразу. Ведь моя предшественница, герцогиня Анна, умерла от неведомой лихорадки, посетив одну из парижских больниц, и теперь герцог требовал, чтобы я ни с кем на улицах даже не общалась. Вот Вудвилл и гнал коней, пока мы не оказывались за городскими воротами, после чего наш путь лежал уже среди бывших садов, огородов и некогда тщательно возделываемых плодородных полей между городскими стенами и рекой. Через некоторое время Вудвилл давал вооруженной охране команду остановиться, спешиться и ждать нас, и мы с ним вдвоем отправлялись на неторопливую прогулку по берегу Сены; мы ехали рядышком по буксирной тропе, слушая мирное журчание воды, и со стороны вполне могли показаться супругами, решившими покататься верхом.

Болтали мы о всяких пустяках. Кроме того, Вудвилл учил меня правильно сидеть в седле, демонстрировал, как нужно выпрямляться и подбирать поводья, чтобы лошадь подняла голову и выровняла шаг. Мерри оказалась самой замечательной лошадкой из всех, какие только мне попадались. Вудвилл показывал мне также, как вести себя во время кавалерийской атаки –

---

[25] Mercury (*англ.*) – ртуть.

[26] Merry (*англ.*) – веселая.

низко пригнувшись к шее коня, он уносился вперед по тропе и с громким топотом возвращался обратно, в самый последний момент резко натягивая поводья, и моя Мерри испуганно шарахалась и приплясывала на месте. Под его присмотром я тренировалась брать барьер, для чего он клал ветку поперек заброшенной тропы и постепенно делал препятствие все выше и выше, поскольку и я все более уверенно держалась в седле. Он учил меня тем же упражнениям, каким и его когда-то в Англии учил отец на узких дорожках между живыми изгородями; эти упражнения отлично помогали свыкнуться с седлом и ничего не бояться. Я ездила повсякому: и сидя боком, как обычно ездят женщины на седельной подушке; и лежа на спине поперек лошади, когда седло оказывается под поясницей, а лошадь бежит неторопливой рысцой; и держась прямо и по очереди поднимая вверх руки; и низко склоняясь с седла и одной рукой доставая стремя – в общем, под руководством Ричарда я выполняла все то, что приучает лошадь всегда двигаться ровно и спокойно, как бы ни вел себя наездник и что бы ни происходило вокруг.

– Не раз мой конь уносил меня от смертельной опасности, когда я бывал тяжело ранен и не мог даже понять, куда именно мы направляемся, – рассказывал Ричард Вудвилл. – Кстати, мой отец, будучи знаменосцем короля Генриха Пятого, был вынужден всегда мчать галопом впереди войска, а поводья держать только одной рукой. Вам, миледи, никогда, разумеется, не придется участвовать в сражении, да еще и верхом, но в беду можно угодить где угодно – и здесь, и в Англии, так что неплохо бы вам так натренировать вашу маленькую Мерри, чтобы она уберегла вас от любой напасти. – Он спешился, снял мои стремена, скрестил их и повесил передо мной. – Давайте теперь проедем примерно милю рысцой и без стремян. Чтобы вы увереннее чувствовали себя в седле.

– Интересно, в какую беду мы могли бы здесь угодить? – спросила я, когда Вудвилл снова вскочил на коня.

Он пожал плечами:

– Всего несколько лет назад нам доложили, что на герцога готовится засада на пути в Париж, и они с герцогиней Анной в итоге пробирались лесными тропами, объезжая вражеский лагерь стороной. А теперь я то и дело узнаю, что и в Англии дороги столь же небезопасны, что там орудуют грабители и горцы, и столкнуться с этими бандитами можно практически где угодно, а близ побережья особую угрозу представляют пираты, которые, высадившись на берег, хватают людей, увозят их и потом продают пленников в рабство.

Сперва мы шли шагом, и я все старалась покрепче устроиться в седле, так что Мерри даже уши насторожила.

– Но почему же английский король не охраняет свое побережье? – удивилась я.

– Он ведь совсем еще ребенок, так что реально страной правит его второй дядя, герцог Хамфри Глостер. Они оба – и мой господин, и герцог Глостер – регенты, но один Франции, а второй Англии, и пока король не войдет в полную силу, обе страны будут возглавлять его дядья.

– А когда он войдет в полную силу?

– Вообще-то, по-моему, ему бы следовало уже сейчас начинать распоряжаться своим королевством, – сказал Вудвилл. – Ему двенадцать лет; он, конечно, еще мальчик, но с помощью хороших советников вполне мог бы править сам. Ведь он был дважды коронован – и в Англии, и в парижском соборе Нотр-Дам, – у него есть парламент и совет, и оба обещали ему подчиняться. Вот только всеми его поступками руководит его дядя, герцог Глостер, а также друзья Глостера; кроме того, на короля сильнейшее влияние оказывает другой его родственник, кардинал Бофор, очень могущественный и влиятельный человек, способный убедить кого угодно. Эти двое склоняют короля то в одну сторону, то в другую, а вот с моим господином, герцогом Бедфордом, он почти никогда не встречается лично; милорд герцог старается хотя бы в письмах его вразумить, дабы удержать на верном пути. Говорят, чаще всего король поступает в соответствии с советами того, кто последний с ним пообщался. Впрочем, даже если б

наш король и был старше и тверже характером, денег-то у него все равно не хватает для того, чтобы оплатить защиту своего побережья, да и английские лорды по-прежнему не позволяют королевским законам действовать на их землях, хоть и должны были бы. Ну что, теперь попытаемся проехать немного рысцой?

Вудвилл подождал немного, наблюдая, как я поудобнее устраиваюсь в седле и стискиваю бока Мерри ногами. Наконец моя лошадка тронулась рысью, ну а я, разумеется, тут же тяжело осела в седле, точно рыцарь-кавалерист в доспехах.

– Неплохо, – похвалил меня Вудвилл. – А теперь легким галопом!

– Вы же говорили рысью!

– Рысью мы уже попробовали, и вы отлично справились, – с улыбкой промолвил он.

Польщенная, я тут же пустила Мерри легким галопом. Без стремян мне было немного страшновато, ведь я удерживалась на спине лошади только за счет собственного равновесия, однако Вудвилл оказался прав: все это у меня вполне получалось, и я довольно крепко сидела в седле, всего лишь сжимая бока лошади ногами. Мы проскакали легким галопом до конца буксирной тропы, и Ричард махнул мне рукой, призывая замедлить ход, натянуть поводья и остановиться.

– Но зачем мне всему этому учиться? – переводя дух, спросила я, когда он, спешившись, вернул мои стремена в прежнее положение.

– На тот случай, если вы потеряете стремена, или одно стремя сломается, или же вам придется от кого-то спасаться верхом, и у вас, допустим, не окажется седла. Хорошо быть готовым ко всему. Кстати, завтра мы попрактикуемся в езде без седла. Я сделаю из вас настоящую наездницу! Вы и теперь уже вполне способны на длительное путешествие верхом.

Он взлетел в седло, и мы, развернув лошадей, направились к дому.

– А почему английские лорды не согласны с королевскими законами? – осведомилась я, поднимая прежнюю тему. – Во Франции, например, два свода законов и два правителя. Но французская знать, по крайней мере, подчиняется законам того короля, который руководит в их части страны.

– А в Англии каждый знатный лорд по-прежнему распоряжается своими землями как собственным королевством, – ответил Ричард. – К тому же лорды используют сложные периоды в жизни страны для того, чтобы как можно больше выиграть самим – захватить побольше земель, устроить междоусобицу с соседом. Когда наш молодой король действительно решится взять власть в свои руки, то поймет, что отныне он вынужден бросать вызов людям, которые только что были его ближайшими друзьями и советчиками. Вот тогда-то ему и понадобится, чтобы рядом с ним непременно был милорд герцог.

– И тогда нам придется уехать в Англию? И жить там? – с тревогой отозвалась я.

– Англия – это моя родина, – просто сказал Вудвилл. – И на мой взгляд, даже самый плохой акр английской земли стоит десяти квадратных миль земли французской.

Я взглянула на него и сухо заметила:

– Все вы, англичане, одинаковы. Все вы считаете, что Господь чудесным образом благословил вас всего лишь по той причине, что во время битвы при Азенкуре у вас уже был большой лук!

– Да, мы такие, – рассмеялся Вудвилл. – Но ведь мы правы. И Господь действительно нас благословил. Но я хотел предложить вам вот что: когда мы будем в Англии, я был бы счастлив показать вам свой дом. Возможно, вы найдете для этого время? И когда вы увидите его, то, не исключено, согласитесь со мной насчет англичан.

И меня вдруг охватило предчувствие чего-то радостного, чудесного.

– А где находится ваш дом? – поинтересовалась я.

– В Графтоне, это в Нортгемптоншире, – сообщил он; в его голосе слышались истинная любовь и восхищение. – По-моему, это самое красивое место в самой лучшей стране на свете!

Через некоторое время мы предприняли еще одну попытку прочесть в зеркале, что готовит нам судьба. А потом это зеркало тщательно упаковали – оно должно было вместе с нами отправиться в Англию. По настоянию своего супруга я пробовала выяснить, безопасно ли покидать Францию. Зная, что у претендента-арманьяка нет ни денег, ни армии, да и советники у него хуже некуда, поскольку двор его состоит в основном из фаворитов, милорд Джон все же опасался, что после его отъезда в Англию во Франции не останется никого, способного удержать здесь власть и противостоять тому, кто называет себя французским королем. Однако и на этот раз мне не удалось исполнить свой долг перед мужем и дать ему добрый совет: в зеркале я ровным счетом ничего не увидела, хотя смотрела в его сверкающую, полную отражений горящих свечей поверхность до тех пор, пока у меня не закружилась голова. В обморок я, правда, не упала, но чуть не заснула. Два часа мой муж стоял у меня за спиной и тряс меня за плечо, как только замечал, что голова моя начинает опускаться на грудь, пока алхимик не произнес тихонько:

– Вряд ли сегодня у нее что-то получится, милорд.

Бедфорд тут же повернулся и широкими шагами удалился из комнаты, не проронив ни слова.

Алхимик помог мне подняться с кресла, а Вудвилл задул свечи и открыл ставни на окнах, чтобы проветрить комнату. За окном висел тоненький серпик нарождающейся луны, и я невольно присела в поклоне, а потом быстро перевернула монетки в кармане, загадав желание. Алхимик быстро взглянул на Вудвилла с таким выражением лица, словно всем им только что пришлось провести вечер в обществе невежественной крестьянской девицы, которая кланяется луне и загадывает желание о хорошем женишке, но сама ни на какие предвидения не способна, так что они лишь попусту тратят с ней время.

– Не обращайте внимания, – шепнул мне Вудвилл и весело улыбнулся, предлагая мне опереться о его руку. – Утром мы отбываем в Англию, и по крайней мере месяц вас не будут заставлять этим заниматься.

– Но ведь зеркало они возьмут с собой? – возразила я.

– Да, конечно, и зеркало, и кое-что из книг; зато все эти сосуды, печи, наковальня и горн, разумеется, останутся здесь; алхимики продолжат трудиться, пока мы будем в отъезде.

– А они уже что-нибудь открыли?

Вудвилл кивнул.

– О да! Милорд сумел добиться высочайшей очистки серебра и золота; металл такой чистоты еще никому не удавалось получить. Он работает и с новыми металлами и их соединениями, мечтая увеличить их прочность и гибкость. И если бы он смог создать сам этот камень…

– Камень?

– Это только так называется – «философский камень». Считается, что он превращает металл в золото, а воду – в эликсир жизни, позволяющий человеку жить вечно.

– Разве есть на свете такая вещь? – удивилась я.

Он пожал плечами:

– Тому имеется немало свидетельств в старинных манускриптах, которые милорд велел перевести с других языков. И в христианском мире, и на Востоке сотни, а может, и тысячи людей пытаются решить эту задачу. Но милорд герцог опередил всех! И если ему повезет найти этот камень, а вы ему в этом поможете, мы могли бы установить вечный мир и во Франции, и в Англии.

На рассвете меня разбудил шум – в замке была суета: укладывали вещи, готовясь к большому путешествию. Солнце уже поднималось, и я отправилась в часовню к ранней мессе. По окончании богослужения священник сразу принялся упаковывать иконы, распятие и дароносицу. Мы почти все брали с собой.

В моих покоях фрейлины аккуратно положили мои наряды в огромные дорожные сундуки, позвали пажей, те перетянули сундуки веревками, а конюхи их запечатали. Ларцы с драгоценностями фрейлины намеревались везти лично, а мои меха отправляли под охраной грумов. Никто не знал, долго ли мы пробудем в Англии. Вудвилл становился очень осторожным, когда я спрашивала об этом. Было очевидно, что мой муж не получил ни достаточной помощи от своего племянника-короля, ни должного финансового обеспечения от английского парламента, которому ради войны во Франции пришлось повысить налоги. Цель у нашей поездки была одна: убедить их всех, что английское золото способно купить поддержку французов, так что король и парламент должны платить. Но никому было неведомо, сколько времени пройдет, пока англичане все-таки поймут, что бесплатно их армия существовать никак не может.

Среди всей этой суматохи я совершенно растерялась. Книги, подаренные мне демуазель, были спрятаны вместе с библиотекой моего мужа; ученые обещали бережно хранить их, пока нас не будет. А вот доставшиеся мне от бабушки карты я взяла с собой, сунув в ларец со своими драгоценностями – для пущей сохранности. Подаренный ею золотой браслет с магическими амулетами я всегда носила на шее в специальном мешочке и берегла от чужих глаз и прикосновений. Я облачилась в дорожное платье, съела завтрак, второпях поданный мне взволнованными служанками, и стала ждать отъезда. Я не знала, что мне еще делать и как я могу помочь со сборами; я занимала слишком важное положение, чтобы кто-нибудь осмелился дать мне поручение. В моих покоях всем заправляла старшая фрейлина, и мне оставалось только ждать, когда хлопоты улягутся и можно будет тронуться в путь, так что я с тоской наблюдала, как запыхавшиеся служанки и фрейлины носятся туда-сюда и хватаются то за одно, то за другое.

К полудню наконец все было готово к отправке, хотя и в доме, и на конюшне, и в оружейной еще продолжали что-то паковать. Герцог взял меня за руку, и мы спустились в парадный зал, где выстроились в ряд наши слуги; они низко нам кланялись и дружно желали Ангела в дорогу. Затем мы вышли на конюшенный двор, и я даже зажмурилась, увидев готовую к отправлению кавалькаду. Казалось, небольшой город целиком снимется с места и отправится в путешествие. Нас сопровождал вооруженный отряд в несколько сотен человек; кое-кто был в доспехах, но большая часть – в ливреях; люди ждали нас возле своих коней, попивая эль и флиртуя со служанками. По дороге уже протянулась вереница не менее чем из пятидесяти возков; повозки с наиболее ценным имуществом находились в начале, и к ним спереди и сзади была приставлена конная охрана. Ящики с вещами были прикреплены к стенкам возков цепями и запечатаны большой печатью герцога Бедфорда. Наши грумы должны были следить за этими возками, и каждый нес ответственность за конкретную поклажу. Мы забирали с собой всю нашу одежду, драгоценности и личные вещи. А также – постельное белье, кухонные принадлежности, стекло и хрусталь, ножи, ложки, солонки, горшочки со специями и даже значительную часть мебели. Постельничий герцога приказал осторожно разобрать его огромную кровать и вместе с занавесями и балдахином погрузить на отдельный возок; а мои слуги точно так же разобрали и уложили в повозку мою кровать, мои столики и мои прекрасные турецкие ковры; две повозки были выделены под гобелены, украшавшие стены замка.

Все, относящееся к кухне и готовке, занимало около дюжины повозок; мы везли не только запасы провизии, но и кур-несушек, уток, гусей, овец и даже пару коров; последние вынуждены были брести следом за повозками и каждый день обеспечивать нас свежим молоком. Ловчих птиц поместили в особый возок, устроенный так, чтобы они могли удобно сидеть на жердочках в своих клобуках и за закрытыми кожаными занавесками, дабы чувствовать себя в надежном убежище и не пугаться дорожного шума. Гончие псы герцога должны были просто бежать рядом с кавалькадой, а вот свору легавых привязали к последнему возку. Старший конюший велел впрячь в возки всех рабочих лошадей, а всех свободных скаковых коней взнуздать и передать на попечение грумов, чтобы те всегда вели в поводу свежую запасную лошадь. И ведь это было далеко не все! Те повозки, в которых находились вещи, предназначенные для обес-

печения нашей комфортабельной ночевки в Санлисе, выехали перед нами еще на рассвете. Ричард Вудвилл, вынырнув из самой гущи этого хаоса, с улыбкой поднялся по лестнице нам навстречу, учтиво поклонился и весело доложил, словно в замке и во дворе не творилось черт знает что:

– По-моему, все готово, милорд, а если что-то и забыли, так это всегда можно прислать позже.

– Где мой конь? – спросил герцог.

Вудвилл только пальцами щелкнул, и огромный боевой конь герцога тут же появился в сопровождении дежурного грума.

– А моя жена, разумеется, поедет в портшезе?

– Нет, ее милость выразили желание ехать верхом, – ответил Вудвилл.

Муж изумленно посмотрел на меня.

– Путь на север долгий, Жакетта. Мы остановимся только на ночлег в Санлисе. Тебе весь день придется провести в седле.

– Ничего, я справлюсь, – заверила я и взглянула на Вудвилла.

– У нее сильная лошадка – вы сделали отличный выбор, милорд, – заметил тот, обращаясь к герцогу. – А миледи – хорошая наездница, она легко преодолеет такое расстояние. И это ей, возможно, будет гораздо приятнее, чем трястись в портшезе, хотя я обязательно прикажу, чтобы портшез следовал за нами, и если она устанет, то сможет перебраться в него.

– Ну что ж, прекрасно, – согласился герцог и улыбнулся мне. – Приятно, что ты составишь мне компанию. Как ты назвала свою кобылу?

– Мерри, – сообщила я.

– Ну что ж, да поможет и нам Бог оставаться веселыми в дороге[27].

С этими словами мой муж вскочил с сажального камня на коня.

Обхватив меня за талию, Вудвилл легко подсадил меня в седло и почтительно отступил, чтобы моя фрейлина, тут же рванувшаяся вперед, смогла придать приличный вид моим слегка задравшимся юбкам и заставить их спадать ровными складками по обе стороны от седла, скрывая мои кожаные сапожки для верховой езды.

– Все в порядке? – тихо спросил у меня Вудвилл, подойдя ко мне очень близко; он наклонился, проверяя, хорошо ли затянута подпруга.

– Да, все нормально.

– Я буду следовать сразу за вами, и если вам что-нибудь понадобится, если вы устанете или захотите остановиться, просто поднимите руку. Я буду начеку. Часа два мы будем скакать без перерыва, а затем сделаем привал и перекусим.

Мой муж привстал в стременах и проревел: «В Бедфорд!» – и весь конюшенный двор разом откликнулся: «В Бедфорд!» Огромные ворота распахнули настежь, и герцог первым ступил на улицы Парижа, где было полно народу; все пялились на нас и громко просили – кто милостыню, а кто милости могущественного лорда. Затем через северные ворота мы покинули город и устремились по дороге к узкому проливу, за которым лежал еще неведомый мне английский берег, берег той страны, которую отныне мне предстояло называть своим домом.

Мы с мужем находились во главе этой невероятной процессии, так что поднятая лошадьми и повозками пыль нам совершенно не мешала; а стоило нам чуть удалиться от Парижа, и герцог решил, что будет вполне безопасно, если мы опередим и вооруженную охрану, так что мы вчетвером – герцог, я, Вудвилл и моя фрейлина – ехали впереди всех по свободной, залитой солнцем дороге, словно наслаждаясь приятной прогулкой. Дорога была отлично укатана и утоптана английскими купцами и английскими войсками, направлявшимися по английским владениям из принадлежавшего англичанам Парижа в английскую крепость

[27] В шутке герцога заключена игра слов, поскольку кличка лошади Мерри (Merry) по-английски значит «веселая».

Кале и обратно. В Шантийи мы устроились пообедать на опушке, где для нас уже были натянуты хорошенькие навесы и приготовлена жареная оленья нога. Я была рада отдохнуть часок в тени деревьев, но тем не менее с удовольствием снова пустилась в путь, когда Вудвилл скомандовал охране: «По коням!» И когда муж предложил мне остаток пути провести в портшезе, который везли мулы, я сразу отказалась. Денек был замечательный, теплый и солнечный, и, оказавшись под зеленой сенью леса, мы пустили лошадей легким галопом. Моя кобылка, натягивая поводья, прямо-таки рвалась вперед, и Бедфорд со смехом заметил:

– Смотри, Жакетта, как бы она не унесла тебя от нас.

В ответ я тоже засмеялась, поскольку и его огромный жеребец стал делать огромные прыжки, явно желая бежать ноздря в ноздрю с моей милой Мерри; мы весело мчались вперед, как вдруг раздался страшный треск, и перед нами рухнуло дерево, с пронзительным стоном ломая ветви. Мерри в ужасе шарахнулась, а мой муж взревел, точно иерихонская труба: «Засада! Опасайтесь засады!» Я вцепилась в гриву лошади, неловко съехав набок, и чуть не вылетела из седла, когда моя Мерри вдруг ринулась в сторону от дороги, испуганная жутким свистом тяжелых арбалетных стрел. Я постаралась выправиться, покрепче уселась в седле и снова низко прильнула к шее лошади, а Мерри все куда-то неслась среди деревьев, ныряя то вправо, то влево – туда, куда подсказывал ей инстинкт самосохранения. Я поняла, что она больше мне не повинуется, и отпустила поводья. Нечего было и думать усмирить ее, так что я лишь судорожно цеплялась за ее шею, пока она не перешла сперва на рысь, потом на шаг, а потом прерывисто вздохнула и остановилась.

Я выпала из седла на землю. Меня бил озноб. Жакет на мне был разорван в клочья ветками деревьев, чепец на скаку сорвало с головы, и он болтался теперь где-то сзади, держась только за счет завязок, волосы рассыпались по спине, в них застряли мелкие ветки. Я едва дышала, тщетно пытаясь стряхнуть напряжение, и даже слегка всхлипнула, так мне было страшно. Мерри повернула голову, взглянула на меня и стала нервно общипывать ветки кустарника, настороженно прядая ушами.

Чтобы она снова не бросилась бежать, я подобрала поводья и осмотрелась. В лесу было холодно и почти темно; а еще там царила абсолютная тишь, и только где-то очень высоко, на самых верхних ветвях дерева пела птичка да в траве негромко жужжали насекомые. Не было слышно ни грохота сапог по земле, ни потрескивания возков – ничего. Я не могла определить даже, далеко ли отсюда дорога. Стремительный галоп Мерри продолжался, казалось, целую вечность, но даже если это было не так, я все равно не знала, какое направление нам теперь выбрать. Мерри, разумеется, двигалась не по прямой, она постоянно петляла, куда-то сворачивала, и теперь мне никак не удавалось отыскать в лесной чаще какую-нибудь тропу, по которой можно вернуться обратно.

– Черт побери! – тихо выругалась я, как настоящий англичанин. – Мерри, ты хоть понимаешь, что мы с тобой заблудились?

Я знала, что Вудвилл непременно отправится меня искать, и очень надеялась, что он сумеет нас найти по маленьким отпечаткам копыт моей лошадки. С другой стороны, если то упавшее дерево действительно означало засаду, то, возможно, и Вудвилл, и мой муж сейчас ведут смертельную схватку, и никто из них еще просто не успел обо мне подумать. Еще хуже, если напавшие на наш караван сумели одержать вверх; тогда герцога и Вудвилла, возможно, возьмут в плен или даже убьют, и некому будет меня искать; и я окажусь одна-одинешенька в незнакомом лесу, среди врагов, да еще и потеряв дорогу. В общем, решила я, надо как-то спасаться самостоятельно.

Поскольку мне было известно, что путь мы держим на север, в Кале, я постаралась как можно лучше представить себе ту огромную карту Франции, которая находилась в библиотеке. Я понимала, что если сумею выбраться снова на северную дорогу, то наверняка обрету и поддержку, и гостеприимство в близлежащих деревнях – например, в доме какого-нибудь

местного священника. По северной дороге ездит немало людей, и я, возможно, встречу какую-нибудь группу англичан, и одного моего титула будет достаточно, чтобы они немедленно оказали мне помощь. Но прежде всего нужно отыскать тропу. Я изучила землю вокруг, пытаясь обнаружить отпечатки копыт Мерри и надеясь по ним двинуться в обратном направлении; через некоторое время я действительно увидела на земле ее след, затем второй, потом земля скрылась под слоем листвы, но меня это не смутило, и вскоре я снова заметила следы ее копыт. Я вернулась, правой рукой взяла лошадь под уздцы и сказала ей, очень стараясь сохранять уверенность в голосе: «Ну что, глупышка? Придется нам теперь самим искать дорогу домой». Старательно высматривая след, я повела Мерри в ту сторону, откуда мы прискакали, а она, покорно склонив голову, ступала за мной, словно ей было стыдно за то беспокойство, которое она мне доставляет.

Мы шли, как мне показалось, уже несколько часов, и в конце концов отпечатки копыт почти совсем поблекли в лесном полумраке, потому что на земле было слишком много травы и веток. Я примерно догадывалась, в каком направлении нам нужно двигаться, и мы продолжали неторопливо брести по лесу, хотя в душе моей уже зарождались сомнения, уж не заблудилась ли я снова, уж не брожу ли по кругу, как тот зачарованный рыцарь в сказочном лесу. Думая об этом, я почти не удивилась, когда услышала плеск воды; я повернула в ту сторону, и совсем скоро мы оказались у ручья, впадавшего в небольшое озерцо. Озерцо было такой правильной формы, почти круглое, и так красиво окаймлено зеленым мохом, что больше напоминало бассейн фонтана. На мгновение мне даже показалось, что вот сейчас со дна этого волшебного озера поднимется сама Мелюзина и поможет мне, своей дочери. Но Мелюзина, разумеется, так и не появилась. Я привязала Мерри к дереву, умылась, вдоволь напилась холодной воды, а затем и свою лошадку подвела к ручью, и она, опустив голову с белой гривой, стала беззвучно, долгими глотками пить живительную влагу.

Деревья на берегу ручья, расступившись, образовали небольшую полянку, на которую сквозь густую листву проникали лучи солнца. Не выпуская из рук поводьев, я присела на солнышке, чтобы немного отдохнуть. Вот отдохну, пообещала я себе, и поднимусь, а потом, ориентируясь на солнце слева от себя, мы неторопливо отправимся дальше и вскоре непременно выйдем на парижскую дорогу, где меня все давно уже ждут… Я так устала, а солнце так чудесно пригревало, что я, привалившись к стволу дерева, закрыла глаза. И через минуту уже крепко спала.

Оставив коня и своих боевых товарищей, рыцарь спешился и пошел по следам красавицы через лес, держа в руке горящий факел и громко окликая ее по имени. Ночной лес казался ему каким-то неземным, волшебным. Один раз в темноте рядом с ним блеснули чьи-то ясные карие глаза, от неожиданности он отшатнулся с проклятьем и почти сразу увидел исчезающий во мраке светлый «фартучек» под хвостом оленихи. Вскоре поднялась луна. Рыцарь решил, что теперь и без факела ему все видно, потушил его, воткнул в груду влажной, полусгнившей листвы, а сам зашагал дальше, напряженно вглядываясь в серебристый ночной полумрак. Со всех сторон его окружали густые заросли и высокие травы, в ночи казавшиеся особенно темными, и теперь, без желтого света факела, ему больше не хотелось громко звать красавицу, и он примолк, нервно озираясь по сторонам. Ему становилось все страшнее при мысли о том, что он так и не научил ее как следует скакать верхом, что и ее лошадь он толком не натренировал, а ей самой не успел объяснить, как вести себя в подобных обстоятельствах, и даже не предполагал, что с нею может такое случиться – в общем, он страдал, понимая, как сильно ее подвел.

И эта мысль была для него ужасней всего, ведь он поклялся себе, что всегда, до самой смерти, будет служить ей и защищать ее. И ему стало так стыдно, что он даже остановился и, опершись рукой о ствол дерева, низко склонил голову. Она была его прекрасной дамой, его госпожой, а он был ее верным рыцарем, однако уже во время самого первого своего испытания потерпел неудачу; и теперь она блуждала одна где-то в темноте, а он не мог ее отыскать.

Подняв голову, рыцарь был настолько поражен, что невольно захлопал глазами и даже протер их, чтоб не осталось ни тени сомнений: прямо перед ним мерцал все тот же белый свет, а в самом центре этого волшебного светового круга стояла небольшая белая лошадка. Что она делала там, среди леса, совершенно одна? А когда лошадка повернула голову, рыцарь ясно увидел у нее на лбу серебристый рог. Единорог! Да, это было оно, белоснежное прекрасное животное; некоторое время оно смотрело на рыцаря своими темными глазами, а затем медленно двинулось прочь, поглядывая через плечо и словно приглашая человека последовать за ним. Совершенно очарованный, рыцарь, тихо ступая, пошел за единорогом, словно окутанным мерцающим серебристым светом; на земле отчетливо отпечатывались маленькие копыта, которые тоже светились среди опавшей листвы, вспыхивая белым огнем, и тут же гасли, стоило рыцарю их миновать.

Рыцарь чувствовал, что не надо и пытаться поймать этого единорога; он припомнил, что во всех легендах говорилось, будто делать этого ни в коем случае нельзя, поскольку единорог, если к нему хотя бы попытаться слишком приблизиться, тут же бросится в атаку. Лишь одно-единственное существо в мире могло не только поймать, но и приручить единорога; изображение этой сцены рыцарь с детства наблюдал на различных гобеленах и гравюрах.

Белый единорог свернул с тропы, и теперь рыцарь ясно услышал плеск струящейся воды; вскоре они оказались на поляне, и ему даже пришлось язык прикусить, сдерживая возглас восхищения, ведь там он увидел ее – спящую, точно нимфа, у подножия дерева. Казалось, она и сама выросла в этом лесу, сама была порождением этого озера, берега которого были покрыты цветами – так сливался с сочной травой подол ее широко раскинувшегося зеленого бархатного платья. Свой коричневый дорожный чепец она подложила под щеку, как подушку; ее золотистые волосы рассыпались по траве, а лицо во сне казалось мирным, как нежный бутон. Рыцарь стоял и ждал, не зная, как ему поступить, и пока он так стоял и смотрел на нее, единорог подошел к ней, прилег с нею рядом и положил свою изящную продолговатую голову с серебристым рогом ей на колени – в точности так, как о том и рассказывается во всех легендах.

Меня разбудил звук шагов. Я сразу же вспомнила, что заблудилась в лесу, что мне грозит опасность, что я вела себя весьма опрометчиво, особенно когда легла и уснула на берегу озера. Вокруг было абсолютно темно. Охваченная паникой, я вскочила, и Мерри, которая мирно спала рядом со мною, опустив голову, тоже сразу встрепенулась и заплясала, нервно озираясь и насторожив уши. И тут мы обе резко повернулись на шум – во тьме проявились неясные очертания мужской фигуры.

– Кто здесь? – спросила я, сжимая в руке хлыст. – Осторожней! У меня шпага!

– Это я, Вудвилл, – раздался голос оруженосца. – С вами все в порядке, госпожа моя?

Он поспешил к нам, и я наконец сумела как следует его разглядеть. Он казался очень бледным, словно был испуган не меньше меня.

– Боже мой! Боже мой! Вудвилл! Как я рада вас видеть!

Я бегом бросилась ему навстречу, протягивая руки, и он, упав передо мной на колени и нежно сжав мои ладони, стал страстно целовать их.

– Госпожа моя, – шептал он. – Госпожа… Как же я счастлив, что нашел вас! Слава Богу, вы в целости и сохранности! Вы не ушиблись? Не ранены?

– Нет-нет, я лишь прилегла немного отдохнуть и случайно уснула. Я так долго шла пешком, пыталась вернуться на дорогу, а потом ужасно сглупила – просто взяла и села. И, конечно, тут же задремала…

Он поднялся на ноги, но его, кажется, слегка пошатывало.

– Здесь совсем недалеко. Я весь вечер искал вас. Отсюда до дороги совсем близко…

– А теперь уже очень поздно?

– Нет, часов одиннадцать. Мы все вас искали. Герцог просто вне себя от беспокойства. Я пытался найти вас по следам… и мне бы это никогда не удалось, если бы не…

– А герцог в безопасности? Это действительно была засада?

Вудвилл покачал головой.

– Да нет, просто какой-то дурак крестьянин рубил дерево и соседнее тоже задел, вот оно и свалилось, да еще и поперек дороги. К счастью, никто не пострадал. Мы просто неудачно оказались там как раз в тот момент, когда дерево рухнуло. Но из-за вас мы все очень переживали. Вы не упали?

– Нет. Мерри, правда, мчалась как ветер, но меня не сбросила. Она очень хорошая лошадка. А убежала просто потому, что испугалась грохота. Но потом она сама остановилась.

Оруженосец колебался. Ему явно хотелось еще что-то рассказать мне.

– Знаете, ведь это она привела меня к вам, – наконец сообщил он. – Это просто чудо какое-то. Я встретил ее в лесу, и она привела меня к вам.

Я подняла руку, показав ему поводья, обвитые вокруг моего запястья.

– Но я не отпускала ее!

– Значит, она все время была возле вас?

Вудвилл как-то странно осматривал полянку, залитую серебристым лунным светом, яркие блики на поверхности озера, густые тени под деревьями – словно что-то искал.

– Да, конечно. Но седло с нее я сняла, как вы учили.

– Но я же ее видел, – каким-то бесцветным голосом произнес он, – и она одна бродила по лесу…

– Нет, она постоянно была со мной. Я как повод вокруг руки обмотала, так и не снимала.

Он потряс головой, будто пытаясь освободиться от охватившей его растерянности.

– Да, вы все сделали правильно. Сейчас я оседлаю ее и провожу вас до дороги.

Подобрав с земли мое чудесное седло, он надел его на Мерри. Затем затянул подпругу, повернулся ко мне, намереваясь подсадить меня в седло, помедлил несколько мгновений и вдруг обнял меня за талию, и наши тела, казалось, сами устремились навстречу друг другу. Голова моя прильнула к его плечу, и он прижал меня к себе – нас словно притянуло друг к другу, как те планеты, подвешенные на проволочках в библиотеке герцога. Я неподвижно замерла, медленно осознавая, что в душе моей растет некое до сих пор неведомое чувство – страсть, любовное томление. Я приподняла голову и чуть ее повернула, глядя на Вудвилла; его темные глаза неотрывно смотрели на меня, я ощущала тепло его рук; а лицо его показалось мне почти озадаченным – видимо, и он почувствовал то желание, что начинало медленно пульсировать в моей крови. Мы простояли так довольно долго. А затем, не говоря ни слова, он приподнял меня, усадил в седло, расправил подол моего платья, подал мне чепец и повел Мерри под уздцы через лес к дороге.

Крепость Кале, Франция, июнь 1433 года

Мы снова ночевали в огромной крепости пограничного города Кале. Вудвилла все приветствовали уже как командующего гарнизоном, но герцог заявил, что пока не может отпустить его от себя и позволить ему там остаться. Стоя на крепостной стене и с тревогой глядя на боевое знамя на башне, яростно хлопавшее на сильном ветру, я спросила у мужа:

– Море неспокойное. Плыть будет трудно?

Он посмотрел на меня.

– Ты что, боишься? Но ведь вода – твоя стихия.

Я хотела возразить, однако прикусила язык. Мне лично вовсе не казалось, что присутствие водной богини среди моих предков способно избавить меня и от морской болезни, и от кораблекрушения, если уж нам так не повезет. А потому я ответила уклончиво:

– Ну да, мне немножко страшно. Волны кажутся отсюда такими высокими! Здесь что, всегда такое бурное море? И оно всегда с такой силой бьется о стены крепости? По-моему, раньше здесь не было такого сильного прибоя.

Герцог окинул взглядом морской простор, словно впервые в жизни прикидывая на глазок высоту волн в Кале.

– Да, пожалуй, штормит немного. Но со следующим отливом мы, так или иначе, выйдем в море. Отсрочка может нам дорого обойтись. Мне надо быстро добраться до Англии и сразу же выдвинуть свои требования в парламенте. Должны же они наконец понять, что необходимо выделять средства для ведения военной кампании во Франции! Кроме того, мне еще нужно каким-то образом заставить поработать моего брата Хамфри. Пусть поговорит с нашим дядей, кардиналом Бофором. Иначе молодой король… – На середине фразы герцог махнул рукой. – А, ладно! Короче, мы в любом случае вскоре отплываем. Вряд ли в пути ты будешь испытывать какие-то особые неудобства. Во всяком случае, никакая опасность тебе не грозит. Кстати, ты не могла бы попробовать успокоить воды? Ведь сегодня канун Иванова дня, так что ты, по-моему, могла бы и к колдовству прибегнуть, а?

Шутка, на мой взгляд, была крайне неудачная, и все же я попыталась улыбнуться.

– Нет, не могла бы. Хотя, пожалуй, не отказалась бы обрести такое умение.

Затем муж ушел куда-то во внутренние помещения крепости, и мне было слышно, как он громко зовет своих клерков, как велит капитану поскорее завершать погрузку, чтобы со следующим отливом выйти в море вне зависимости от погоды. Через некоторое время появился Вудвилл с теплым плащом в руках, который он заботливо накинул мне на плечи.

– Милорд встревожен событиями в Англии. Его брат, герцог Глостер, дает молодому королю дурные советы, а тот слишком юн и неопытен. Да и дядя вашего супруга, кардинал Бофор, имеет на королевство собственные виды. Каждый из них пытается перетянуть короля на свою сторону, и тот, бедняга, буквально разрывается между Глостером и кардиналом.

– Скажите, это безопасно – сейчас выходить в море?

– О да, вполне. Возможно, будет немного качать, но я обо всем позабочусь: вам, миледи, будет удобно и уютно у вас в каюте, а Мерри – в стойле. Ночь мы проведем в море, а утром вы проснетесь уже в новой для вас стране и поедете вместе с милордом герцогом смотреть ваш новый дом.

– Спенхёрст? – уточнила я, словно пробуя на вкус это странное название.

– Пенсхёрст, – поправил меня Ричард. – Уверен, он понравится вам. По-моему, это самый красивый дом в графстве Кент, а Кент – один из чудеснейших уголков Англии и весьма знаменит своими яблоневыми садами. Там, впрочем, выращивают и другие фрукты. Это не очень далеко от Лондона, но все же достаточно, чтобы вас не слишком часто тревожили всевозможные посетители. Чудесный дом! Настоящее сокровище, вполне достойное самой прекрасной из герцогинь.

– И мы все время будем там жить?

Я позволила Вудвиллу проводить меня с верхней площадки башни в теплое нутро замка, где в большом круглом зале в камине жарко горел огонь. Он придвинул для меня кресло к самому огню и только тогда ответил:

– Вряд ли у милорда получится долго отдохнуть в сельской тиши. Ему ведь необходимо встретиться с королем и убедить его, что для продолжения военной кампании во Франции нужны деньги, оружие и свежие людские резервы. Кроме того, ему нужно заручиться поддержкой парламента. И самое главное – у него будут весьма сложные переговоры с братом, герцогом Хамфри, и с дядей, кардиналом Бофором. К сожалению, милорду предстоит очень много дел.

– А король Генрих? Его я увижу? Какой он?

Вудвилл улыбнулся.

– Он еще очень молод, почти ребенок, ему ведь всего двенадцать лет. Вы, разумеется, увидите его уже во время вашего торжественного въезда в Лондон, ведь наш герцог – человек в высшей степени могущественный не только во Франции, но и в Англии, так что молодой король будет вас встречать. – Вудвилл снова улыбнулся. – Пожалуй, он понравится вам. Очаровательный мальчик, к тому же он… – Оруженосец не договорил и смущенно рассмеялся. – В общем, я думаю, и вы очень понравитесь ему, миледи. Он никогда еще не видел таких прекрасных женщин, а вы, безусловно, самая красивая женщина в Англии. Как, впрочем, и одна из самых могущественных.

Вестминстерский дворец, Лондон, лето 1433 года

Молодой король меня разочаровал. Собственно, опыта общения с королями у меня и не было; ведь моя родная страна, Люксембург – не королевство, мой отец – граф, а наши верховные правители – герцоги Бургундские (хотя во Франции они богаче и могущественнее всех). А последний французский король, который, по слухам, самым трагичным образом лишился рассудка[28], умер, когда я была еще маленькой девочкой; увидеть его я так и не успела. Так что мне очень хотелось посмотреть на юного английского короля, и я очень рассчитывала, что замечу в этом мальчике сходство с его героическим отцом[29]. К тому же мой муж, по сути, всю свою жизнь посвятил тому, чтобы обеспечить безопасность владений юного Генриха во Франции. Мы оба принесли английскому королю присягу верности, и я, естественно, ожидала познакомиться с неким поистине великим существом: этаким юным божеством.

Ничего подобного не было и в помине. Мы въехали в Лондон через городские ворота, сопровождаемые хоровым пением и радостными возгласами местных жителей. Герцог Бедфорд был старинным другом этого города, а меня, его новую жену, лондонцы и вовсе еще ни разу не видели и были рады как следует рассмотреть. Мужчины громогласным ревом одобряли мою юность и привлекательную внешность, женщины посылали мне воздушные поцелуи. Лондонские купцы были накрепко связаны торговыми отношениями с населением английских территорий во Франции, а мой муж, как известно, крепко держал в руках эти территории. Купцы, их жены и домочадцы высыпали на улицы и приветствовали нас, а в окнах своих домов вывесили наши флаги. Мэр Лондона подготовил целое представление – декламацию стихов и живые картины; главной героиней одной из этих картин была прекрасная русалка, обещавшая всем счастье, здоровье и плодовитость в вечно текущих водах жизни. Бедфорд сжимал мою ладонь и кланялся толпе, гордо на меня поглядывая, а люди выкрикивали мое имя и громко меня благословляли.

– Лондонцам ты явно очень понравилась, – сказал мне герцог. – И пока ты будешь оставаться такой красавицей, надеюсь, и я буду пользоваться их расположением.

Королевские слуги встречали нас у ворот Вестминстерского дворца. Нас тут же повели в королевские покои по лабиринту дворов, садов, бесчисленных помещений, галерей и внутренних двориков. Наконец перед нами настежь распахнули одни двустворчатые двери, затем вторые, и мы оказались в просторном зале, заполненном людьми в невероятно красивых нарядах. Вот тут-то, точно чертик из последней в бесконечном множестве вставленных одна в другую табакерок, перед нами возник и сам юный король. Он поднялся с трона навстречу герцогу Бедфорду, своему дяде.

Генрих VI оказался худеньким невысоким мальчиком и на первый взгляд каким-то чрезвычайно бледным, точно переусердствовавший в занятиях школяр. Мне было известно, что он

[28] Имеется в виду Карл VI Безумный (1368–1422), который действительно был психически болен и в 1420 г. подписал в Труа договор, по которому признал наследником французского престола английского короля Генриха V.

[29] Генрих V (1387–1422) действительно правил весьма успешно и в течение восьми лет успел создать империю и отвоевать французскую корону, одержав знаменитую победу при Азенкуре в 1415 г.

каждый день занимается физическими упражнениями и совершает прогулки верхом, а также постоянно участвует в турнирах, хотя и с условием, чтобы его противник на острие копья непременно надевал предохраняющий наконечник. Я даже подумала, уж не болен ли он. Было в прозрачности его кожи и замедленности походки нечто такое, что вызывало у меня ощущение некой внутренней усталости и даже болезненности. А потом вдруг, когда он подошел к нам совсем близко, мне показалось – возможно, всему виной освещение в зале, – что этот мальчик сделан из стекла и настолько хрупок и прозрачен, что может разбиться, если упадет на каменный пол.

Ощутив ужас, я не сдержалась и даже негромко охнула; мой муж быстро на меня взглянул, но в ту же секунду вновь повернулся к своему племяннику, одним широким движением и кланяясь ему, и обнимая его.

– Ой! Осторожней! – невольно вырвалось у меня.

Я испугалась, что Бедфорд сейчас сокрушит юного короля в своих объятиях, и тут Вудвилл, поступив весьма разумно, быстро подошел ко мне и, положив мою правую руку себе на сгиб локтя, сделал шаг вперед, словно собираясь представить меня королю.

– В чем дело? – встревоженным шепотом спросил он. – Вам плохо, миледи?

А герцог продолжал здороваться со своим племянником, любовно всматриваясь в его бледное лицо, в его светло-серые глаза; обе руки моего мужа лежали на хрупких плечах мальчика, и я сама почти чувствовала невероятную тяжесть этих рук, чувствовала, что тяжесть эта чересчур велика для юного короля…

– Он слишком хрупок, – прошептала я, затем нашла более подходящую фразу: – Он хрупок, точно принц изо льда, из стекла…

– Не сейчас! – остановил меня Вудвилл и с силой стиснул мои пальцы.

Меня так поразили его тон и внезапная боль в голосе, что, слегка вздрогнув, я удивленно на него взглянула. Зато я тут же пришла в себя и обнаружила, что нас со всех сторон окружают придворные, которые глаз не спускают с меня, с Бедфорда и короля. Вудвилл тем временем вывел меня вперед и буквально заставил склониться в реверансе; все это он делал с такой решительностью, почти грубо, что я поняла: мне лучше пока не говорить ни слова и во всем его слушаться.

Я низко поклонилась королю, и он, легко дотронувшись до моих плеч, поднял меня. Двенадцатилетний Генрих держался со мной весьма уважительно, ведь я теперь стала ему теткой, хоть мне и самой-то было всего семнадцать. В сущности, мы оба с ним были юными невинными несмышленышами среди всех этих пышно разодетых взрослых людей с суровыми лицами.

– Добро пожаловать в Англию! – сказал мне Генрих.

И я поняла, что его тонкий детский голосок еще и ломаться не начал. Потом он поцеловал меня и в правую, и в левую щеку, и прикосновение его губ было таким холодным, точно меня и впрямь поцеловал тот ледяной мальчик, какой мне только что привиделся; его тонкие пальцы, которыми он крепко сжимал мои руки, были совершенно ледяными, будто сосульки.

Король пригласил всех к обеду и повел меня в зал во главе целой толпы придворных. Какая-то красиво одетая женщина с несколько тяжеловатой походкой чуть отступила назад, как бы неохотно давая мне пройти; в ее взгляде сквозила столь явная зависть, что я вопросительно посмотрела на молодого короля, и он тут же пояснил мне своим тонким, как голос флейты, мальчишеским дискантом:

– Это еще одна моя тетя, Элеонора, герцогиня Глостер. Жена моего горячо любимого дяди Хамфри.

Я склонилась перед герцогиней в реверансе, и она ответила мне тем же; у нее за спиной я заметила красивого мужчину – это был родной брат моего мужа, герцог Глостер. Они с Бедфордом сжали друг друга в объятиях, однако я заметила, что мой муж смотрит на свою сноху Элеонору весьма сурово.

– Я очень надеюсь, что теперь все мы будем жить одной семьей весело и счастливо, – звонким голоском, но как-то не слишком уверенно заявил король. – Мне кажется, семья всегда должна быть единым целым. Тем более королевская семья. Все мы должны любить друг друга и жить в дружбе и гармонии. А вы как считаете?

– Разумеется, – согласилась я с ним.

Хотя, если честно, мне никогда еще не доводилось видеть столько зависти и ревности, сколько я видела сейчас в красивом и капризном лице герцогини Глостер. На ней был высоченный, как башня, головной убор, превращавший ее в настоящую великаншу; по-моему, она была самой высокой женщиной при дворе. Ее платье глубокого синего цвета было оторочено горностаем, самым что ни на есть королевским мехом. На шее у Элеоноры поблескивали синие сапфиры, прекрасно оттеняя ее глаза и делая их цвет более глубоким. Она широко улыбнулась мне, обнажив великолепные белоснежные зубы, однако в этой улыбке не было ни капли тепла.

Король усадил меня за стол справа от себя, а моего супруга, герцога, – слева. Далее рядом со мной сидел мой деверь, герцог Глостер, а рядом с моим мужем – герцогиня Элеонора. Столы стояли так, что мы были повернуты лицом ко всему огромному обеденному залу и служили для остальных чем-то вроде развлечения, неким ярким гобеленом, рисунком которого можно сколько угодно любоваться; придворные беззастенчиво рассматривали наши красивые яркие платья, наши головные уборы, наши сверкающие драгоценности. Они таращились на нас, будто на актеров в театре масок. А мы взирали на них сверху вниз, точно боги с небес на простых смертных, и по мере того, как столы обносили различными кушаньями, посылали наиболее вкусные угощения своим фаворитам, словно напоминая придворным, что они приглашены за стол только потому, что нам так захотелось.

После обеда были танцы, и герцог Глостер сразу же вывел меня на середину зала. Мы станцевали свою партию и остановились, выжидая, пока остальные пары завершат фигуры танца.

– Ты так обворожительна, милая моя невестка, – шептал мне герцог. – Мне говорили, будто Джон женился на какой-то юной сердцеедке, но я этому не поверил. Как же случилось, что я столько лет служил во Франции и ни разу тебя не видел?

Я улыбнулась и ничего ему не ответила. Если честно, мне надо было бы ответить ему так: пока мой муж вел во Франции бесконечные войны, обеспечивая сохранность английских владений, его никчемный братец Хамфри сбежал с графиней Жаклин Геннегау и начал собственную войну, пытаясь отвоевать и присвоить все ее прежние владения. Он растратил все свое состояние, но мог бы и собственную жизнь там потерять, если бы странствовавшая с ним возлюбленная не вздумала посетить свою фрейлину, вот эту самую Элеонору, познакомившись с которой Хамфри влюбился и снова сбежал – теперь уже с Элеонорой. Короче, это был человек, который подчинялся исключительно собственным прихотям, а отнюдь не долгу, и в этом отношении был настолько непохож на моего мужа, что я едва могла поверить, что они родные братья, сыновья короля Англии Генриха IV.

– Если бы я раньше тебя заметил, я бы никогда не вернулся в родную Англию, – снова принялся нашептывать мне Хамфри, когда мы сошлись с ним в очередной фигуре танца.

Мне было неуютно в его обществе и очень не понравилось, как он смотрит на меня.

– Если бы тогда мы успели познакомиться, я бы никогда с тобой не расстался, – продолжал он.

Я быстро взглянула на своего супруга, но тот беседовал с королем и на меня не смотрел.

– А ты не могла бы мне улыбнуться? – Мой деверь явно заигрывал со мной. – Вот прямо сейчас?

Однако я не улыбнулась; я окинула его мрачным взором, думая: а с какой стати он так ведет себя со мной, своей невесткой? Почему он так уверен, что я не устою перед ним? Было что-то одновременно и отвратительное, и восхитительное в той решительности, с которой он

обнимал меня за талию во время танца, крепко прижимая к себе; спиной я чувствовала жар его руки, а бедром он как бы случайно то и дело касался моего бедра. Но я оставалась безучастна и на его «призывы» никак не реагировала.

– Ну что, ты довольна моим братцем? Хороший он муж? – тихо промолвил Хамфри, чуть ли не касаясь губами моей шеи, так что я постоянно ощущала его теплое дыхание.

Тогда я попыталась немного от него отодвинуться, однако он лишь крепче прижал меня к себе и не отпускал.

– Хорошо ли он ласкает тебя? Ведь юные девушки любят ласки. Любят, когда все происходит нежно, но достаточно быстро. – И он рассмеялся, очень собой довольный. – Я ведь прав, Жакетта? Ты ведь любишь именно такие ласки? Любишь, чтобы все было нежно, но быстро?

Я вырвалась, оттолкнула его, и вокруг меня тут же возник небольшой водоворот красок, звуков, танцующих людей. Вдруг я почувствовала, что Ричард Вудвилл берет меня за руку; мы с ним продолжили танцевать в центре круга, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую.

– Простите меня! – через плечо крикнул он герцогу. – Я просто перепутал фигуры танца! Видно, я слишком долго прожил во Франции. Мне показалось, что мы как раз должны меняться партнерами.

– Да, вы поторопились, но ничего страшного, – великодушно отозвался герцог.

Он взял за руку партнершу Вудвилла, внезапно им брошенную, и присоединился к танцующим в кругу. А мы с Вудвиллом потанцевали в центре круга, затем все подняли руки наподобие арки, и пары стали по очереди проходить через эти «воротца»; наконец все снова обменялись партнерами, и я, к счастью, оказалась довольно далеко от герцога Глостера.

– Как тебе наш король? – спросил мой муж, заглянув тем вечером ко мне в спальню.

С его стороны постели угол простыни уже был предусмотрительно откинут, подушки высоко взбиты и уложены горкой, как он любил. Он опустился на кровать с тяжким вздохом смертельно утомленного человека, и я заметила, что его покрытое глубокими морщинами лицо и впрямь стало серым от усталости.

– Уж больно молод.

Он хохотнул.

– Ну да, а ты у нас старая замужняя дама!

– Нет, я имею в виду, что он выглядит слишком юным даже для своих лет. И, пожалуй, каким-то чересчур хрупким.

О своем виде́нии, когда этот мальчик показался мне хрупким, как стекло, и холодным, как лед, я упоминать не стала.

Муж нахмурился.

– Я надеюсь, он все же достаточно крепок, хотя согласен с тобой: он слишком мелкий и худенький для своего возраста. Его отец… – Он осекся. – Ну, теперь абсолютно неважно, каким был его отец в детстве или в юности. Хотя, Господь свидетель, мой брат Генрих всегда был сильным и властным. Но нынче не время для пустых сожалений, и именно этот мальчик был вынужден сменить на троне моего прославленного брата. Так что придется нашему малышу постараться и тоже стать великим. А как тебе понравился мой братец?

Язвительные слова уже готовы были сорваться с моего языка, однако я постаралась ответить уклончиво, хотя и довольно честно:

– Не думаю, что я когда-либо прежде встречала такого человека, как он.

Мой муж опять коротко хохотнул.

– Надеюсь, он не позволил себе говорить с тобой в таком тоне, который ты терпеть не можешь?

– Нет, он вел себя вполне учтиво.

– Он уверен, что ему ничего не стоит заполучить любую женщину. Он чуть не погубил нашу кампанию во Франции, когда принялся увиваться за Жаклин Геннегау. Да мне просто

жизнь спасло то, что он быстренько соблазнил эту Элеонору, фрейлину Жаклин, и сбежал с ней в Англию.

– Это, кажется, и есть нынешняя герцогиня?

– Она. Господи Боже, какой был скандал! Ходили слухи, что она соблазнила его с помощью любовного зелья, что она колдунья, а бедняжка Жаклин, оставшись одна в своем Геннегау, делала вид, что все в порядке, и даже заявляла, что они с Хамфри женаты! Как это типично для моего брата! Еще, слава Богу, он бросил эту Жаклин и вернулся в Англию, где не может причинить королевству особого ущерба – по крайней мере, вред от него не столь велик.

– А что собой представляет Элеонора? – поинтересовалась я. – Его теперешняя жена.

– Ну, смотри сама: сперва эта шлюха была фрейлиной Жаклин, так называемой жены Хамфри, затем стала его любовницей; теперь она вроде бы вышла за него замуж, но кто ее знает, что она собой представляет на самом деле. – Герцог пожал плечами. – Во всяком случае, в число моих друзей она не входит. Я старший из братьев, так что именно я унаследую трон, если, не дай Бог, что-то случится с королем Генрихом. И мне достанется корона не только Англии, но и Франции. Вторым после меня наследником считается Хамфри. И она, Элеонора, так на меня порой смотрит, словно только и мечтает, чтобы я как можно скорее убрался с ее дороги. Она наверняка Бога будет молить, чтобы ты не родила сына – ведь это еще на одну ступень отдалит ее от трона. Кстати, не могла бы ты с помощью своего внутреннего чутья определить, правда ли она способна наводить чары? Действительно ли обучена искусству магии? Способна ли проклясть меня, чего ей так хочется?

Я сразу вспомнила ее, эту бездушную злую красавицу с ослепительными сапфирами на шее и ослепительной улыбкой, но с таким ледяным и твердым взглядом.

– Нет, ничего такого я пока в ней не ощущаю, только чрезмерную гордость, тщеславие и невероятные амбиции, – заметила я.

– Что ж, и это уже достаточно плохо! – Муж отчего-то развеселился. – Она ведь всегда может нанять и настоящую колдунью, чтобы меня сглазить. Как ты считаешь, может, мне шпиона к ней приставить?

И снова у меня перед глазами возникли эта сверкающая холодной красотой женщина и ее муж-красавец, любитель нашептывать дамам на ушко всякие непристойности.

– Да, – кивнула я, думая о том, что английский двор совсем не напоминает те дворы, которые я знала в детстве и юности, ведь все мое детство прошло в пронизанных солнечным светом замках Франции. – Да, пожалуй, я бы на твоем месте приставила к ней наблюдателя. Между прочим, я бы к ним обоим приставила наблюдателей!

Пенсхёрст, осень 1433 года

Все лето мой муж, герцог Бедфорд, вел переговоры то с одним представителем высшей знати, то с другим, а затем, когда уменьшилась опасность летней вспышки чумы и в Лондон вернулся парламент, он встретился с представителями центральных графств и городов с просьбой выделить средства на выплату жалованья войскам, находящимся во Франции. Он добился поддержки со стороны своего дяди-кардинала, он убедил брата дать королю соответствующие советы. Хоть и очень медленно, но до них все же дошло, какую огромную работу мой муж проделал ради своей страны. Теперь они стали уверять, что очень ему благодарны, благодарны настолько, что он прямо сейчас может бросить все дела, отказаться от своих обязанностей и титула регента Франции, вернуться в Англию и спокойно жить с молодой женой в своем новом прекрасном доме.

– Никуда он не вернется и даже не подумает ни от чего отказываться, – заявил Вудвилл, когда мы с ним скакали верхом по зеленой дорожке через поля Пенсхёрста. – Во всяком случае,

пока. И в Англии он сейчас тоже не останется, хоть все они и твердят, что отдых он вполне заслужил.

Мы уже несколько дней ждали приезда герцога, который давно обещал покинуть Лондон и посетить свой новый дом в графстве Кент.

– Неужели он действительно так невероятно устал? – отозвалась я. – Впрочем, я не видела его уже несколько недель.

Вудвилл с отчаянием покачал головой.

– Я бы даже сказал, что своей работой он вгонит себя в гроб! Только ведь он не остановится.

– Но почему? Если все утверждают, что уж сейчас-то ему вполне можно остановиться и передохнуть?

– Просто он ни за что не согласится, чтобы такие люди, как ваш дядя Луи, находились в Париже без его присмотра. Нет, он ни за что не оставит Францию без ее регента. И ни за что не позволит, чтобы в его отсутствие арманьяки являлись на мирные переговоры и выдвигали свои требования, ведь тогда он не будет иметь возможности ответить им лично. Мир должен быть заключен; Бургундия к нему готова и, возможно, уже договаривается у нас за спиной с арманьяками. Да и сами арманьяки изрядно подустали, у них исчерпаны людские и денежные резервы. Вы ведь тоже видите, сколько усилий милорд тратит здесь, в Англии, собирая новую армию. В общем, все готовы к заключению мира, и милорд приложит все усилия, чтобы мирные переговоры были проведены. И прежде чем уйти со своего поста, он обязательно добьется мира во Франции.

– Значит, нам снова придется возвращаться в Париж?

Я вовсе не была уверена, что так уж этого хочу. Я использовала время нашего пребывания в Англии, точно старательный клирик, готовящийся к мессе. Я прилежно учила английский язык, читала книги из библиотеки милорда герцога, наняла одного ученого, который помогал мне разбирать тексты по алхимии и разъяснял их потаенный смысл. Я также подыскивала травника, который научил бы меня своему искусству. И теперь мне, разумеется, было жаль все это бросать и ехать в наш огромный дворец в центре умирающей от голода французской столицы.

– Придется. Но признайтесь честно: если бы вы могли выбирать, разве вы не предпочли бы остаться?

Некоторое время я молчала; в его голосе было нечто такое, что предупреждало меня: это очень важный вопрос. Я смотрела на зеленые изгороди, на дорожки, посыпанные красноватым щебнем, поблескивавшим под опавшей листвой, на далекие меловые холмы Южной Англии, на могучие буки, уже отливавшие бронзой.

– Это такая красивая страна! – воскликнула я наконец. – Да, пожалуй, я действительно предпочла бы Лондон Парижу.

Он прямо-таки вспыхнул от гордости и провозгласил, торжествуя:

– Не сомневался, что Англия вам понравится! Не сомневался! Вы английская герцогиня, вы родились, чтобы быть англичанкой. Вам следовало бы всегда жить в Англии.

– У меня и правда такое ощущение, будто здесь я дома, – согласилась я. – Причем здесь это чувство куда сильнее, чем во Франции или даже в Люксембурге. Тут за городом так красиво! Такие чудесные зеленые холмы! А в Париже царит ужасающая бедность, и парижане все голодные, злые; с этим трудно смириться. В общем, я ничего не могу с собой поделать: конечно же, в Англии мне нравится гораздо больше.

– Я и отцу своему сказал, что в душе вы настоящая англичанка.

– И что же ответил вам ваш отец? – улыбнулась я.

– Что такую хорошенькую герцогиню следует навсегда оставить в Англии, чтобы она могла здесь окончательно расцвести.

– Где он живет, ваш отец?

– У него небольшое поместье в Графтоне; наша семья владеет им уже много лет. Мой отец тоже служил герцогу Бедфорду, вашему мужу, а до него – английскому королю. И по-моему, он опять возьмет в руки оружие и отправится воевать во главе своего небольшого войска, желая нас поддержать, когда мы снова вернемся во Францию.

– А в Графтоне так же красиво, как здесь?

– Так же, – гордо сообщил Ричард. – Знаете, мне бы страшно хотелось показать вам наш Графтон. Я прямо-таки мечтаю о том, чтобы вы хоть недолго у нас погостили, увидели мой родной дом.

Искоса взглянув на него, я медленно промолвила:

– Мне бы тоже очень этого хотелось.

И мы оба надолго замолчали.

Но мой супруг и сам оставался в Лондоне и призвал к себе Ричарда Вудвилла. Примерно каждую неделю из Лондона прибывал возок с гобеленами, мебелью или книгами, которые Бедфорд покупал для нашего нового дома. Однажды, поджидая на конюшенном дворе, пока распакуют драгоценную поклажу, я очень удивилась, когда передо мной вдруг склонилась в реверансе неизвестная мне женщина весьма утонченной внешности, но в платье обычной горожанки и в очень скромном белом чепце. Оказалось, что она приехала в том же возке.

– Я – миссис Журдемайн, – представилась она. – Его милость прислал меня вам в качестве подарка вместе со всем этим.

Она кивнула, и из возка тут же выпрыгнул какой-то парень; он подошел к ней и почтительно остановился чуть позади, держа в руках деревянный поднос с крошечными глиняными горшочками. Из каждого горшочка кивало мне головкой зеленое растеньице. Парень поставил поднос к моим ногам, снова полез в возок и извлек оттуда второй такой же поднос с горшочками, затем третий, и в конце концов я оказалась в окружении зеленых растений, точно посреди лужайки. Миссис Журдемайн рассмеялась при виде моего восхищенного лица и сказала:

– Ваш супруг так и думал, что вы обрадуетесь. Я – садовница и травница, и милорд герцог, заплатив мне за целую неделю вперед, велел привезти эти растения и помочь вам устроить аптечный огород, так что я останусь здесь, если вы не против, и мы вместе поработаем.

– Конечно, я буду очень рада! – воскликнула я. – Тут возле кухни уже есть, правда, аптечный огород, но, по-моему, он давно весь зарос сорняками; и потом, я могу только догадываться, что именно там посажено.

– Ладно, – кивнула она, – пусть этому парню покажут, куда отнести подносы с рассадой, и мы с вами можем начать хоть сейчас.

Я велела пажу отвести их куда нужно, а сама быстро прошла в дом за шляпой с широкими полями, способными защитить лицо от солнца, и перчатками для своего первого урока садоводства.

Странной она была садовницей. Она дала управляющему поместьем Пенсхёрст наставления, что на старом аптечном огороде необходимо приготовить двенадцать грядок, каждую из которых назовут в честь одного из знаков Зодиака. Пока садовник копал землю и возился с грядками, она по очереди поднимала с земли горшочки с крошечными ростками и объясняла мне, как называется то или иное растение, как отличить его по листьям и цветам, какими свойствами оно обладает.

– Но здесь же была грядка с камфарой, – упрямился наш садовник Ральф. – Где же нам теперь камфару выращивать?

– На грядке Водолея, – ласково поясняла она. – Камфара лучше всего растет под этим знаком. А эта грядка подойдет тем растениям, которые лучше всего себя чувствуют под знаком Тельца.

Садовник всю ночь гадал, что же миссис Журдемайн там посадит, и к утру решил немного пошутить с ней:

– И что же вы посадите на вашей «грядке Тельца»? Может, конский щавель?

И он прямо-таки пополам согнулся от смеха, радуясь собственной остроте. Примерно так же он подтрунивал над ней целый день, однако миссис Журдемайн это ничуть не смущало. Она продолжала одно за другим демонстрировать мне свои растения.

– Телец – знак Земли, – говорила она. – Когда луна в Тельце, этот знак особенно благоприятен для роста растений, живущих под землей. Например, для корнеплодов: белой и красной моркови, лука, турнепса. А также для соответствующих трав: мяты, первоцвета, пижмы, полыни и тысячелистника. Вот их мы и посадим на нашей грядке Тельца.

Я была совершенно очарована.

– Неужели все это у вас есть?

Она широко улыбнулась и ответила:

– Некоторые из этих растений мы можем посадить прямо сейчас, а некоторым все же придется подождать, когда луна сменит фазу. Но все они действительно у меня есть, я привезла их как в виде рассады, так и в виде семян. Милорд герцог сказал, что у вас в саду должны быть все травы Англии. А еще он сказал мне, что вы обладаете неким даром. Это правда?

Я нерешительно пожала плечами:

– Не знаю. Порой мне кажется, что я кое-что понимаю, а порой – что не понимаю ровным счетом ничего. Но я учусь, читаю книги мужа и буду рада перенять у вас опыт, как выращивать разные травы и правильно их использовать. Однако уверенности в собственных возможностях у меня нет; чем больше я узнаю, тем сильней убеждаюсь в том, что ничего не знаю.

Она снова улыбнулась.

– Это и есть самый правильный путь познания.

Весь день мы провели с ней в саду на коленях, точно какие-то крестьянки. Мы сажали растения на те грядки, которые она для них приготовила, и лишь к вечеру, когда стало холодать, я наконец поднялась на ноги и оглядела созданный нами огород. Двенадцать аккуратных грядок веером расходились от округлой клумбы в центре. Земля на всех грядках была тщательно разрыхлена; на одних мы посеяли семена, на других высадили готовую рассаду, и миссис Журдемайн каждый росток снабдила табличкой, на которой значилось название растения и были перечислены его свойства.

– Завтра я покажу вам, как делать отвары и настойки и как сушить травы, – сообщила она. – У меня есть и кое-какие собственные рецепты.

Я так устала, наработавшись за день, что заснула как убитая. Но среди ночи растущая луна разбудила меня, призвав к себе, точно и я была растением с восходящими в этот период соками. Открыв глаза, я увидела холодный лунный свет на полу комнаты и крепко спящую в кровати служанку. Откинув одеяло, я выбралась из постели и подошла к окну, поскольку мне показалось, что оттуда доносятся звуки, напоминавшие отдаленный звон колокола, а потом накинула на плечи капот и, настежь распахнув двери спальни, шагнула на галерею.

И вдруг в темном углу я заметила неясный женский силуэт. Это была миссис Журдемайн. На мгновение я даже испуганно отшатнулась: мало ли, что она делает там, в темноте! Но она просто стояла возле одного из окон, а потом вдруг резким движением отворила его, и те ясные мелодичные звуки стали громче, они словно вливались на галерею вместе с лунным светом. Я направилась к ней, и она оглянулась на стук шагов; лицо ее показалось мне довольно напряженным, словно она ждала, что перед ней вот-вот появится кто-то или что-то; но страха в ее лице не было ни капли.

– Ах, это вы, – небрежно обронила она, хотя ей следовало бы сделать реверанс. – Слышите?

– Слышу.

– Я никогда раньше не слышала ничего подобного. Мне даже показалось, что это музыка сфер.

– А мне эта музыка известна, – с печалью ответила я и прикрыла окно.

Музыка сразу стала тише, а я еще и тяжелый занавес задернула, стараясь совсем убрать и эту музыку, и этот лунный свет.

Травница попыталась меня остановить.

– Зачем вы это делаете? – удивилась она. – Почему хотите заглушить эти звуки? Что они означают?

– К вам это не имеет никакого отношения, – холодно произнесла я. – Они звучат для меня. Позвольте мне закрыть окно.

– Но почему? Что это?

– Я уже дважды слышала эту музыку, – тихо пояснила я, вспоминая свою младшую сестренку, которая умерла, едва успев сделать первый вздох, и тот печальный хор, который совсем тихо, почти шепотом прощался с моей двоюродной бабушкой Жеанной де Люксембург. – Боюсь, она снова несет мне весть о смерти кого-то из членов моей семьи. Это поет Мелюзина.

И, не прибавив больше ни слова, я пошла от нее прочь по темной галерее к дверям спальни.

Утром миссис Журдемайн показывала мне, как нужно сушить травы, готовить отвары и настойки, как извлекать из цветков эссенцию, пользуясь восковой подложкой. В кладовой, где мы с ней были только вдвоем, хорошо пахло растертыми сухими листьями и травами. Мраморный бассейн, вделанный в холодный каменный пол, был до краев наполнен студеной водой.

– А что, ее пение действительно предвещает чью-то смерть? – задала она прямой вопрос, возвращаясь к нашим ночным впечатлениям.

– Да, – подтвердила я. – И я молю Бога об одном: чтобы родители мои были здоровы. Судя по всему, это и есть тот единственный дар, которым я действительно обладаю: я предвижу скорую утрату.

– Это тяжело, сочувствую, – только и вымолвила она и молча протянула мне пестик, ступку и какие-то зерна, которые мне следовало растереть.

Некоторое время мы дружно работали в полном молчании, затем беседа возобновилась.

– Есть особые травы для молодых женщин, которые недавно вышли замуж, – заметила она как бы невзначай, обращаясь даже не ко мне, а к тем растениям, которые полоскала в бассейне. – Есть травы, способные предотвратить беременность, и травы, которые помогают зачатию. Все это, правда, есть и в моей книге рецептов.

– Значит, вы можете предотвратить зачатие ребенка? – уточнила я.

– Я могу сделать так, что он не родится, даже если женщина уже беременна, – отозвалась она с какой-то неприятной усмешкой. – Болотная мята, полынь и огородная петрушка – вот и все. Я посадила эти растения в вашем аптечном огороде, чтобы вы в случае необходимости могли ими воспользоваться. Если такая нужда когда-либо возникнет, конечно. – Она посмотрела на мой плоский живот. – А если вам захочется ребенка, то и для этого у вас под рукой будут соответствующие травы. Листья малины, которая растет у вас в саду, и самые обычные травы, которые легко найти: крапива и цветки полевого клевера.

Стряхнув с рук сухую землю, я взяла грифельную доску и мел и попросила:

– Объясните мне, как все это приготовить.

Марджери, так звали миссис Журдемайн, прожила у нас более недели, как и обещала. Ко времени ее отъезда в аптечном огороде были посажены почти все растения, кроме тех, которым непременно нужно было дождаться убывающей луны, а в кладовой уже стояли бутылки с винными настойками трав и были подвешены на просушку пучки и ветки разных растений. Она собиралась отбыть в Лондон на одном из возков моего мужа; вместе с ней уезжал и ее молодой слуга. Я пришла на конюшенный двор попрощаться с ней, и когда она уже усажи-

валась в возок, во двор, грохоча копытами, влетел отряд из полудюжины конных в красно-белых ливреях герцога Бедфорда. Ричард Вудвилл, лихо притормозив коня, одним прыжком спешился и доложил:

– Миледи, я доставил вам письмо от моего господина. Он даже специально пометил, чтобы его передали лично вам в руки.

Я потянулась за письмом, чувствуя, как дрожат у меня губы, а глаза наполняются слезами. Я надломила печать, но слезы мешали мне прочесть то, о чем, я не сомневалась, пишет мне герцог.

– Прочтите вы. – Я вернула письмо Вудвиллу. – Или расскажите.

– Уверен, что для вашего расстройства нет ни малейших причин… – начал было он, но пробежал глазами несколько строк и в ужасе осекся. – Мне очень жаль, ваша милость… Мне, правда, очень жаль! Мой господин пишет, что умер ваш отец. В Люксембурге свирепствует чума, но матушка ваша здорова. Она-то и сообщила милорду герцогу эту ужасную новость. – Он вдруг умолк и уставился на меня. – Вы уже знали? Вы догадались?

– Да, – кивнула я. – По-моему, я уже знала. Хоть и закрыла шторы, чтобы не видеть этот лунный свет, не слышать эту музыку…

Миссис Журдемайн, сидевшая рядом с возницей, посмотрела на меня странным взглядом – в нем явная строптивость была смешана с искренним сочувствием.

– Порой невозможно чего-то не слышать или не видеть, – заметила она. – И пусть Господь, даровавший вам эту способность, даст вам довольно мужества, чтобы с ней жить.

Париж, Франция, декабрь 1434 года – январь 1435 года

Вудвиллу так и не удалось осуществить свою мечту и показать мне Графтон, хоть мы и прожили в Англии целый год; впрочем, и мой супруг, герцог, тоже не сумел воплотить в жизнь свою мечту – создать достойную армию, способную должным образом защищать английские владения во Франции. Не смог он также – хоть и обладал огромной властью и фактически правил Англией – призвать к порядку королевский совет и парламент. Однако дольше оставаться в Англии мы не могли: из французской столицы герцогу постоянно слали донесения о том, что тамошнее население жестоко страдает от грабителей, мятежных солдат и нищих, что люди попросту голодают из-за недопоставок в город продовольствия.

– Он не откажет им, – предупредил меня Вудвилл, – и нам вскоре придется возвращаться в Париж.

Так оно и случилось. Море на этот раз было очень бурным, и переправа на французский берег далась мне нелегко. Когда мы прибыли в Кале, то нашли тамошний гарнизон в таком удручающем состоянии, что герцог приказал Вудвиллу остаться в крепости и постараться максимально поднять боевой дух солдат, а затем, как только позволит погода, готовить их к атаке на французов. После чего сами мы собирались незамедлительно выехать в Париж, несмотря на раскисшие от дождей дороги.

Вудвилл, стоя в арке гигантских крепостных ворот, прощался с нами. Потом вдруг подошел ко мне и невольно начал поправлять подпругу моей лошади, как делал это всегда.

– Как же я буду обходиться без вас? – попыталась пошутить я.

Он поднял мрачное лицо, посмотрел на меня и произнес очень тихо, стараясь не встречаться со мной глазами:

– Я буду все время думать о вас. Господь свидетель, я стану каждый день думать о вас!

И он, сразу же отвернувшись от меня, быстро шагнул к герцогу, который протянул ему руку. Они обменялись крепким рукопожатием, затем мой муж наклонился в седле и крепко обнял своего оруженосца.

– Храни тебя Бог, парень! Постарайся хотя бы ради меня удержать эту крепость и приезжай, как только я пошлю за тобой.

– Как и всегда, – кратко ответил Вудвилл.

Герцог поднял руку, и наши кони, цокая копытами, двинулись по подвесному мосту. И только тут я поняла, что так толком и не попрощалась с Вудвиллом, не поблагодарила его за заботу, не сказала ему… не сказала… Я тряхнула головой. Ничего такого герцогиня Бедфорд и не должна говорить оруженосцу своего мужа! И нет ни малейшей причины проливать слезы! Однако слезы то и дело туманили мой взор, пока мы скакали по ровной дороге, пересекая расстилавшуюся перед нами бесконечную, плоскую равнину.

На сей раз нас со всех сторон окружала стража. В этой пустынной местности не действовали никакие законы, и невозможно было заранее угадать, не появится ли откуда-нибудь французский конный отряд, сметая все на своем пути. Мы ехали ровным неторопливым галопом, и муж мой выглядел мрачным и усталым – казалось, его утомило плавание через пролив, и теперь он готовится к грядущим неприятностям.

Столица являла собой жалкое зрелище. Мы попытались отпраздновать Рождество у себя, в Отель де Бурбон, но наши повара были в отчаянии: им не удалось добыть ни хорошего мяса, ни овощей.

Каждый день из английских владений на территории Франции прибывали гонцы с вестями о мятежах в отдаленных селениях; тамошние жители клялись, что не потерпят более владычества англичан. Даже французский король-арманьяк был встревожен бесконечными народными волнениями, что, впрочем, мало нас утешало. Было ясно, что населению Франции до смерти надоели бесконечные войны и солдаты, и оно призывало «чуму на оба наших дома»[30].

Едва начался новый год, как мой муж кратко сообщил мне, что мы покидаем Париж. Я уже достаточно хорошо его знала, чтобы не задавать ему вопросов о дальнейших планах, когда он кажется таким сердитым и усталым.

– Может, у тебя все-таки получилось бы выяснить, когда удача снова повернется к нам лицом? – безнадежным тоном спросил он. – Может, ты бы хоть попробовала?

Я только головой покачала. На самом деле я совершенно ясно чувствовала, что неудачи так и будут его преследовать, а горе и печаль прямо-таки поселились у него на плечах.

– Ты выглядишь как неутешная вдова, – резко заметил он. – Улыбнись, Жакетта.

И я улыбнулась ему, но не ответила, что порой действительно чувствую себя неутешной вдовой.

Жизор, Франция, февраль 1435 года

Мой супруг послал за Ричардом Вудвиллом, дабы тот сопровождал нас из Парижа в Руан. Герцог ничего мне не рассказывал, но, боюсь, думал о том, что Париж в случае штурма нам не удержать и безопасность может быть нам гарантирована только в Руане. Он надеялся побыстрее добраться туда и начать с французским двором мирные переговоры. Находясь в самом сердце английских владений, он ощущал бы себя гораздо увереннее. Вудвилл вскоре прибыл вместе с отрядом дополнительной охраны; вид у него был чрезвычайно мрачный. Он разместил охрану на конюшенном дворе и велел солдатам соблюдать боевой порядок ради нашей общей безопасности. На следующий день он помог герцогу сесть в седло, и мы отправились в путь.

Первый день выдался на редкость холодным и дождливым, дорога совершенно раскисла, и нам пришлось прервать поездку и остановиться в хорошо укрепленном замке Жизор. Среди

[30] Цитата из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Героям романа это произведение, написанное в 1595 г., никак не могло быть известно.

ночи я проснулась от какого-то жуткого скрежещущего звука рядом с собой. Звук этот исходил из уст моего мужа. Он метался по постели, словно кто-то душил его, и хватал ртом воздух. Я вскочила, зажгла свечу, подхватив щипцами уголек в камине, а Бедфорд все рвал на груди сорочку и никак не мог как следует вздохнуть. Я рывком открыла двери спальни, громко позвала свою служанку и приказала ей сбегать за Вудвиллом и за личным лакеем герцога.

В один миг наша спальня наполнилась людьми; кто-то подложил герцогу под спину гору подушек, кто-то настежь распахнул окна, чтобы ему легче было дышать. Личный врач герцога принес какую-то особую тинктуру, специально приготовленную алхимиками. Мой муж сделал сразу несколько глотков и смог наконец вздохнуть полной грудью. Потом он отпил еще немного зелья и прохрипел, отмахиваясь от столпившихся в комнате людей:

– Все хорошо, я уже здоров. Ступайте, ступайте все, все уходите и ложитесь спать. Ничего страшного не случилось.

Я заметила, как доктор переглянулся с Вудвиллом; судя по всему, оба они отлично понимали, что герцог просто хочет всех успокоить и подбодрить. Однако Вудвилл действительно выгнал всех из комнаты, лишь одному слуге дав указание сторожить двери – на всякий случай. Наконец в комнате остались только мой муж, врач, Вудвилл и я.

– Я пошлю за парижским врачом, – предложил Вудвилл. – Не бойтесь, ваша милость, его к вам доставят незамедлительно.

– Да, хорошо бы, – тяжело обронил герцог. – У меня в груди такая тяжесть, словно туда налили свинца. Дышать не дает.

– А уснуть вы не сможете? Как вам кажется?

– Если ты еще немного меня приподнимешь, я попытаюсь. Но лечь нормально все равно не смогу. Ах, как я устал, Ричард! Устал как собака!

– Я лягу вон там, у ваших дверей, – сказал ему Вудвилл. – Герцогиня сможет сразу позвать меня, если вы снова проснетесь.

– Ей бы лучше перейти в другую комнату, – заметил мой муж. – Тут для нее не место.

И все они посмотрели на меня так, словно я была ребенком, которого нужно оберегать от любых тяжких переживаний.

– Я останусь с тобой, – твердо заявила я мужу. – А утром непременно раздобуду лимон и зелень петрушки и приготовлю тебе такое питье, которое сразу восстановит у тебя нормальное дыхание.

Муж с нежностью взглянул на меня и в который уж раз повторил:

– Ты мое главное сокровище. И все же эту ночь тебе лучше провести в спальне твоей фрейлины. Я не хочу снова будить тебя.

Тогда я накинула теплый капот, плотно в него закуталась, а ноги сунула в домашние туфли и обратилась к Вудвиллу:

– Позовите меня, если милорду опять станет плохо.

Он поклонился.

– Непременно, миледи. Я лягу рядом с постелью герцога, подстелив на пол соломенный тюфяк, и буду охранять его сон.

Когда я уже собиралась двинуться к двери, супруг удержал меня, подняв руку, и скомандовал:

– Встань здесь.

Я встала там, где он указал – возле открытого окна, через которое в комнату вливался морозный воздух.

– Погасите свет, – попросил мой муж.

Вудвилл с врачом задули свечи. Комната сразу наполнилась ясным сиянием луны. Лунный луч упал на мою голову и плечи, высветил белоснежную ткань ночной сорочки, и я заме-

тила, как Вудвилл украдкой посмотрел на меня – взглядом, исполненным затаенной страсти, – и мгновенно отвел глаза.

– Мелюзина и лунный свет, – тихо промолвил мой супруг.

– Жакетта, – напомнила я ему. – Я Жакетта.

Он закрыл глаза и почти сразу уснул.

Через два дня моему мужу стало немного лучше. Ему привезли письмо из гарнизона Кале, и он вскрыл и прочел его в полной тишине, когда все мы сидели за завтраком в большом зале. Затем он нашел глазами Вудвилла и сообщил:

– В Кале волнения. Тебе лучше вернуться туда. Наведи там порядок и возвращайся ко мне.

– Крепость пытались штурмовать? – холодно и спокойно осведомился Ричард Вудвилл, словно и не получал приказа незамедлительно скакать навстречу неведомой опасности.

– Нет, гарнизону опять не выплатили жалованье, – ответил герцог. – Я выдам тебе деньги из своей казны. Постарайся удовлетворить всех. А я непременно пошлю письмо в Англию и потребую, чтобы они наконец раскошелились.

Не глядя на меня, Вудвилл поинтересовался:

– А вы сможете, милорд, продолжить поездку в Руан?

– Смогу, наверное, – пожал плечами герцог.

– Я помогу ему, – вызвалась я.

Но меня словно никто не слышал. Мужчины не обращали на меня ни малейшего внимания.

– Ступай же! – кратко велел герцог.

Вудвилл стиснул его руку так, словно не хотел ее отпускать, затем на мгновение повернулся ко мне, сверкнув своими ярко-голубыми глазами, поклонился и быстро покинул комнату. По-моему, он даже толком ни с кем не попрощался.

Мы потихоньку продвигались к Руану. Мой муж недостаточно хорошо себя чувствовал, чтобы скакать верхом, и путешествовал в портшезе; следом за портшезом шел, понурив голову, его огромный боевой конь, всем своим видом демонстрируя, какой он несчастный. Казалось, даже коню было ясно, что он вот-вот может потерять хозяина. А портшез был тот самый, просторный, который герцог некогда заказал для меня, и несли его красивые белые мулы. Но он так качался на ходу, а поездка так затянулась, что покоя больной все равно не знал. Более всего герцог в эти дни напоминал рабочего коня, который под конец трудового дня устало встал на краю огромного, только что вспаханного им поля. Утомительная дорога отнимала у герцога последние силы, и я, глядя на него, почти физически ощущала его смертельную усталость.

Руан, Франция, сентябрь 1435 года

В течение всего долгого лета, которое мы провели в Руане, герцог совещался со своим юристом и теми старыми советниками, которые помогали ему править Францией в течение всех тринадцати лет его регентства. Каждый день в наш дом прибывали гонцы с мирных переговоров, которые проходили в Аррасе; и каждый день герцог требовал, чтобы ему докладывали, какие были достигнуты успехи. Ведь и сам он выдвинул немало важных идей: предложил юному королю Англии заключить брак с французской принцессой, дабы разрешить конфликт вокруг французской короны; предложил арманьякам весь юг Франции – он попросту не смог бы предложить им большего! – однако они потребовали, чтобы англичане отдали им всю Францию, отрицая их законные права, словно англичане и не сражались за эти права почти целое столетие! Каждый день мой супруг придумывал новый вариант соглашения, новый способ составления мирного договора, и каждый день его гонцы мчались по широкой дороге из Руана в Аррас, а он сидел у окна замка и следил за тем, как заходит солнце. А однажды вечером я

увидела, как его гонец галопом выехал со двора, но направился не в Аррас, а в Кале. Оказалось, что мой муж послал за Ричардом Вудвиллом, а потом послал и за мной.

Юристы принесли его завещание, и он приказал сделать следующие изменения: все его земли без права отчуждения должны были перейти к его племяннику и наследнику по мужской линии, юному королю Англии. Печально улыбнувшись, Бедфорд сказал:

– Не сомневаюсь, что ему эти земли чрезвычайно нужны. В королевской казне не осталось ни гроша. Однако не сомневаюсь я и в том, что все это богатство он растратит впустую. Он всегда слишком легко отдавал, всегда был слишком щедрым мальчиком. Но эти земли должны принадлежать ему по праву, а уж королевский совет, возможно, все-таки присоветует ему что-нибудь разумное. Помоги ему, Господи, выбрать верный совет среди тех, что станут давать ему мой брат и мой дядя.

Мне супруг оставил треть своего состояния – мою вдовью долю.

– Милорд… – заикаясь, начала я.

– Это твое. Ты была мне женой, доброй женой, и никак не заслуживаешь меньшего. И пока ты носишь мое имя, это богатство принадлежит тебе.

– Милорд, я не ожидала…

– Нет. И я не ожидал. Если честно, я никак не ожидал, что мне так скоро придется составлять завещание. Но таково твое право, и такова моя воля – ты должна получить то, что тебе причитается. Кроме того, я оставлю тебе мои книги, Жакетта, мои прекрасные книги. Теперь они твои.

Книги! Для меня это было настоящее сокровище. Я упала на колени возле постели мужа и прижала его холодную руку к щеке.

– Спасибо. Ты знаешь, что я непременно стану читать их и буду бережно их хранить.

Он кивнул.

– Где-то в этих книгах, Жакетта, в одной из них, есть ответ, которого ищут все люди на свете. Рецепт вечной жизни, рецепт чистой, живой воды, рецепт превращения всякого мусора и любого «темного вещества» в золото. Возможно, изучая эти книги, ты найдешь этот рецепт, только меня на этом свете уже не будет.

Глаза мои были полны слез.

– Не говори так, господин мой!

– А теперь ступай прочь, детка, – мягко промолвил он. – Мне еще нужно все подписать, а потом немного отдохнуть.

Я склонилась перед ним в реверансе и тихонько покинула комнату, оставив его наедине с юристами.

Он не позволял мне навестить его до полудня следующего дня, и, хотя прошло совсем немного времени, он явно предчувствовал: его смерть уже близко. Его темные глаза совсем потускнели, крючковатый нос казался особенно большим на исхудавшем лице; судя по всему, силы почти оставили его.

Герцог сидел в своем кресле, огромном, как трон, и повернутом к окну, чтобы видеть дорогу в Аррас, где все еще продолжались непростые мирные переговоры. Солнце, клонящееся к западу, светило в окно, и все вокруг было залито его сиянием. И я вдруг подумала: «А что, если это его последний вечер? Что, если и он уйдет вместе с солнцем?»

– Именно здесь я впервые увидел тебя, в этом самом замке, помнишь? – спросил он, наблюдая, как солнце погружается в золотистые облака на горизонте и в небе появляется бледный призрак луны. – Да, в этом самом замке, в вестибюле. Мы все тогда прибыли на процесс этой Орлеанской Девственницы, помнишь?

– Помню.

Я даже слишком хорошо все это помнила, но никогда не упрекала его за смерть Жанны, хотя себя упрекала множество раз – ведь я так и не смогла выступить в ее защиту.

– Странно. Я должен был прибыть сюда, чтобы сжечь одну девственницу, а потом найти другую, – продолжал он. – Я сжег ее как ведьму, но ведь и ты была нужна мне из-за своих колдовских способностей. Странно все это. Я сразу захотел получить тебя, как только увидел. Но ты была мне нужна не как жена, ведь тогда я был женат на Анне. Ты была мне нужна как самое драгоценное сокровище. Я верил, что ты обладаешь даром предвидения, я знал, что твоей прародительницей была Мелюзина, и надеялся, что, возможно, ты сумеешь раздобыть для меня философский камень.

– Прости, – отозвалась я. – Прости, что я не обладаю достаточным мастерством…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.